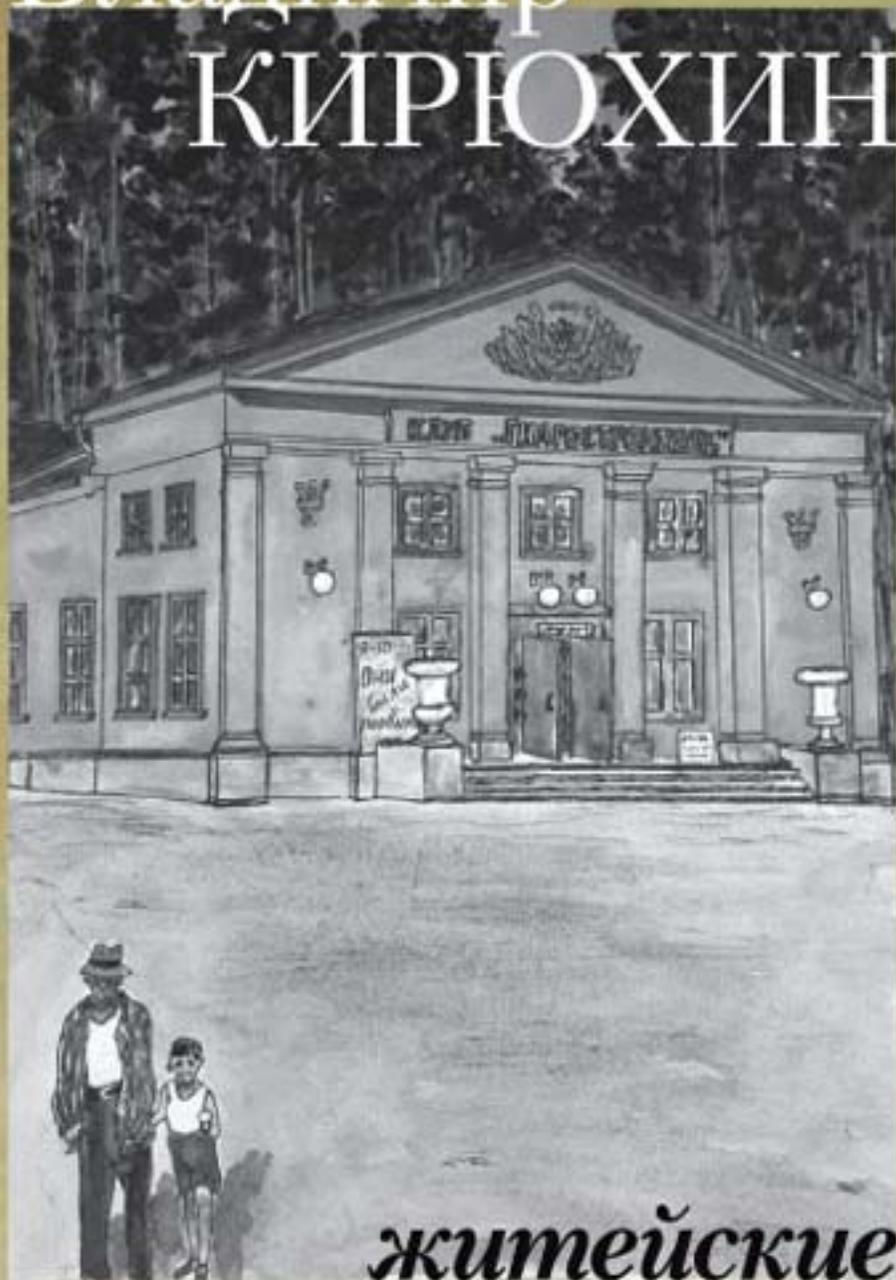

Владимир КИРЮХИН

*жизнейские
зигзаги*

ББК 84(2Рос - 4Сам - 2Тол)6 - 4
К438

Кирюхин, Владимир.

К438 ЖИТЕЙСКИЕ ЗИГЗАГИ: ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ / Владимир
Кирюхин. – Т.: ОТО г.о. Тольятти "Тольяттинская писательская
организация", 2019 – 256 с.

ISBN 978-5-98147-147-6

Книга издана при поддержке
Министерства культуры РФ
и
Союза российских писателей

ISBN 978-5-98147-147-6

© В. Кирюхин, 2019
© ОТО г.о. Тольятти "ТПО", 2019

Ковчег

повесть

1. Пояснение

Со временем в кастрюлю без дна падают годы-близняшки, не застревают и не притормаживая. Всё вокруг зыбкое и хрупкое. То ли дело давно, много лет назад, когда детство и юность были солнечными, надёжными, как те сталинские двух- и трехэтажки. Улизнувшие события кажутся монументальными, а те люди основательными и значимыми. Даже пьяницы кажутся остроумными и добрыми, а драки суровой необходимостью для поддержания своей чести и достоинства.

Детская память отмечала ярких людей, необязательно заслуженных, но, однозначно, интересных и непохожих на остальных. Вот мне и захотелось показать тем, кто полюбопытствует, несколько картинок из той далёкой жизни, они лежат стопочкой в запасниках памяти. Мне будет жаль, если их никто не увидит. А вот надо ли? Не знаю. Судите сами.

2. Начало

Городок наш был оригинален и не похож на остальные русские народопоселения. Возник он в семи километрах от строящейся на Волге гидроэлектростанции. Гордо звучало название Порт-город. Позже, лет через тридцать, его переименовали в Порт-посёлок, а потом в зону отдыха Центрального района — города, названием своим прославляющим имя итальянского коммуниста. Порт-город в пятидесятые и шестидесятые годы — это скопление длинных, деревянных разлапистых строений барачного типа, множество индивидуальных домов для средних и крупных на-

чальников, несколько рядов восьмиквартирных двухэтажек щитовой сборки для начальства помельче. Почему Порт-город? Да в те годы планировался огромный судоходный порт у подножия горы, на которой вырос наш городок. В середине пятидесятых выяснилось, что после разлива Волги глубина судоходного русла может быть обеспечена при намеченном расположении порта, только за счёт постоянной работы нескольких земснарядов. Накладно и опасно. Порт перенесли к самой плотине в деревню Кунеевку, переименовав последнюю в посёлок Комсомольск. Теперь это Комсомольский район семисоттысячного города с итальянским проносом. Но наш городок тогда так и остался Порт-городом.

Много детей, много бывших фронтовиков. Центр жизни — клуб «Гидростроитель». Центр отдыха — поляна и взгорок за клубом. Здесь жители городка размещались на траве семьями на все значимые и не очень праздники. Весело гуляли, пели под баяны, смеялись, выпивали, нехитро закусывали и честно радовались мирной жизни. Кое-какие драки на этих солидных гуляниях, конечно, иногда, тоже случались и оставались обсуждаемыми публикой, на долгие времена. Доблести драчунов преувеличивались и обрастали несуществующими подробностями. На годовщины 9 мая под горой пел народный хор. На проводы русской зимы детей и женщин катали лошадки, запряжённые в сани, пеклись блины, и продавалось горячее какао. Летом на праздники строились брёвна на ножках, забравшись на них желающие бились подушками. На горке работали буфеты, разыгрывалась лотерея с погремушками, веерами, карандашами, пеналами, книжечками и открытками. Главным призом была бутылка шампанского. Все мечтали её выиграть, но она всегда доставалась лицу, городку незнакомому. В 1957 году за клубом возвели стационарный кирпичный туалет. На три мужские и на три женские персоны. Сказалась долгожданная необходимость в этом строении. Конечно же, настенные надписи на стенах туалета стали филологическими университетами подрастающего поколения. В городке два продовольственных магазина, три километра асфальта до Главного города, шесть до Комсомольска. Вниз по мощёной галькой дороге до старого Ставрополя полтора километра. В нём, исчезающем, всё меньше и меньше домов, вот и собор взорвали, но не пол-

ностью, больно постройка крепкая, кирпичи яичными желтками крепились, не разлетелись. Так и ушёл купол под воду, под разлив новой Волги. Внизу, на берегу вновь созданного моря, остались лишь четыре здания бывшей земской больницы. Первые этажи каменные, а вторые деревянные. Вдребезги размыло кладбище, которое намеревались перенести, да так полностью и не перенесли. Несколькими годами после разлива на волжский песчаный берег вода выбрасывала кости и черепа. Память о старом Ставрополе на Волге. И всё.

3. Умотовы

Очень интересные семьи населяли наш городок. Публичные, закрытые, весёлые, скуповатые, скрытные, фасонистые. Уважаемые и не очень, ни на кого не похожие. Сталкивались между собой в клубе, на многочисленных выставках цветов, на маёвках. Дружили группками, играли по вечерам в преферанс. Мужчины рыбачили и охотились вместе, женщины обменивались выкройками и немногочисленными кулинарными рецептами, хвастались детьми и нарядами.

Оригинальная семья Умотовых была у всех на виду. Супруга — Марь Ванна, бывшая балерина Мариинского театра оперы и балета (называли его так по старой памяти), ещё до сорока лет по возрасту отправленная на пенсию в 1948 году. Руководитель танцевального кружка в клубе. Это должность. Фактически же она была руководителем и клуба, и всех детей, и всех взрослых, и всех кружков, и всех концертов, и всех конкурсов. На работу приходила рано утром, уходила последней. В детях находила скрытые возможности, видела перспективы, помогала, встречалась с родителями и внушала им веру в таланты их чад. Она водила детей в походы, на природу с ночёвкой, раз в месяц устраивала вечера выпечки с самоварами, на которые дети приносили то, что они испекли совместно с родителями. Тематические вечера, Новогодние вечера на каждый день зимних каникул с костюмированными балами и подарками. Детская самодеятельность клуба постоянно занимала призовые места в области. Выездные концерты. Каждую неделю в клубе большой концерт и всегда с обновлённой программой. Марь Ванна при-

смастривала и за драматическим кружком, находила режиссеров, организовывала реквизит, приводила художников и плотников, чтобы были яркие и солидные декорации. Курировала певцов, чтецов, музыкантов, объявлял и хористов. Но её стихией были танцы. Полгородка попробовало себя на сцене. Танцы Марь Ванна вставляла во все драматические спектакли. Пять актов — значит пять танцев. Семь — значит семь. Объяснение включению в сюжет танцев, она находила моментально и незыблемо. Два года лучших участников детской самодеятельности она отправляла, через шефов, на бесплатный отдых: в десятидневное турне по Волге на пароходе. Для тех времён это было грандиозно и роскошно. В клубе перебивало всё подрастающее поколение городка. Даже отпетые хулиганы с удовольствием дули в духовые инструменты, тренькали на мандолинах и домрах, красовались в акробатических этюдах, стояли в хоре и пытались показывать фокусы.

Муж Марь Ванны — бывший офицер, фронтовик с пятью орденами, был большим человеком, в прямом и переносном смысле. Высокий, корпулентный, обаятельный и красивый до роскоши. Густой баритон с хрипотцой. Вальяжность в повадках и в поведении. Юмор и интеллект. Был он в то время начальником СМУ, с каким-то номером. Довольно высокая и ответственная должность для городка. Это о достоинствах. Теперь о слабостях: пил. После работы, почти ежедневно. Но и в пьяном виде Виктор Сергеевич смотрелся прилично, причём своей обаятельности и значимости не терял никогда. Картинка из детства:

Смеркается. У двери клуба в конце длинной лестницы появляется муж Марь Ванны. Заметно, что он уже изрядно освежился, но при этом бодр и весел.

— Машенька! Золотце. Сюсенька моя, красавица. Позволь мне, твоему ненаглядному, обратиться к тебе с просьбочкой. Дай, пожалуйста, моя прелесть, своему любимому три рубличка, очень и очень мне, Машенька, срочно надо.

— Нет. Ты же выпил и ещё хочешь купить водки. Не дам.

— Машенька! Балериночка! Проституточка моя! Дорогущечка! Лапушка! Ну, дай своему Витиньке, пожалуйста, три рублика.

— Не дам. Ты опять за старое. Напиться хочешь? Нет!

- Машка!!! Сука! Б....! Дай три рубля, говорю!
- Нет. Нет. Нет. (плач, слёзы).
- Ну и не больно-то хотелось. Есть ещё в мире друзья фронтовые. Пошла домой.
- Когда надо, тогда и пойду. Чтобы, когда приду, ты уже дома был.
- Последнее слово оставляю за собой. Счастливо оставаться!
- Стой, стой, стой.
- Меня здесь уже нет.

Было в этой семье два сына, Леша, Виталий и дочка Рита. Сыновья тоже пили. Дочь запила, но попозже.

Однажды, Виктор Сергеевич с супругой по каким-то семейным делам посетили в январе то ли 1959, то ли 1960 года столицу родины Москву. Конечно же, Марь Ванна повела мужа в Большой театр. Шёл новый балет Григоровича «Каменный цветок». Виктор Сергеевич шумно восхищался весь первый акт, а в антракте неожиданно исчез. Появился он под конец спектакля и вышел на сцену на прощальные аплодисменты. В его руках была огромная охапка чудесных, свежих чайных роз. Это в то время, в январе. Он вручил прекрасный букет понравившейся ему балерине, встав при этом на колено и поцеловав её ручку. Потом солидно повернулся к залу, поклонился и помахал своей жене. Спустился со сцены, разыскал Марь Ванну и сказал: «Искусство, есть искусство».

Папа и сыновья Умотовы часто по вечерам выпивали вместе, но не дома. Как-то вечером зашли они втрём в магазин. Папа:

— Вот что, я беру бутылочку, а ты Алёша хлеб и килечку, а ты Виталик колбаску и попроси, чтобы её порезали, потоньше. Жду вас на улице.

Сыновья купили, что велено, вышли из магазина, долго искали папу и наконец увидели его радостного, удовлетворённо потирающего руки. Папа:

— ...А? ... Ну, как я вас? ... Бутылочка то хорошо и без закуски прошла. Вся. А вам — квас.

Младший сын Виталик был исключительно талантлив, окончил ВГИК в Москве, операторское отделение. Он успел до своей смерти (отравился древесным спиртом) снять два добротных документальных фильма о ВАЗе. Его художественные фотографии — это сплав эстетики и мастер-

ства: натюрморты из обычных предметов в интерьерах природы, дождя и ветра. После смерти Виталия семья переехала в другой город, к морю. Следы потерялись.

Виталий унаследовал от отца голос с хрипотцой, но только это был уже не баритон, а тенор. Унаследовал он и природное чувство юмора, жизнерадостность, яркость, интеллект. Ещё картинка:

Виталий абсолютно не умел плавать. В воду заходил чуть выше колена. Как-то, лёжа с друзьями на пляже, уже выпив бутылочку перцовки, он заметил стоявшую спиной, по пояс в воде, даму с точёной, обворожительной фигуркой. Другьям:

— Ребята, меня сегодня не ждите. Я буду целовать этот георгин.

Заходит в воду насколько может и с хрипотцой:

— Мадам, уже падают листья, а я к Вам иду и иду.

Дама поворачивается. На лицо, это женщина, скорее всего, за шестьдесят.

— Мадам, простите, но меня срочно ждут.

Пытается нырнуть и отплыть, но это плохо получается.

Женщина: «Вы что-то хотели сказать?»

— Что Вы, что Вы, я и говорить-то не умею, пардон, прощайте.

На коленях, помогая руками, выбирается на берег, бросается к друзьям, ложится в песок и закрывает лицо газетой.

Как-то Лёша и Виталик с другом Юркой пошли на охоту, на гусей. Бродили они вокруг деревеньки имени Степана Разина. Гуси не летали, зато за околицей паслись домашние гуси. Поймали в мешки трёх домашних. По одному на брата. Ушли на берег Волги. Соорудили шалаш, разожгли костёр. Ощипали гусей, опалили, выпотрошили. Двух гусей подвесили в шалаше, одного, порезав на куски, поставили варить в котле. Неподалёку паслось стадо коров. Охотники мирно выпивали и закусывали яблочками и помидорчиками. На беду, охотинспектор. Подошёл, прищелкнул к пуху и перьям:

— Что это Вы, граждане тут делаете?

Виталик вздохнул и, указывая ложкой на коров, молвил:

— Да чай пасём.

Неожиданно появился настоящий пастух. За домашних гусей пришлось отвечать перед хозяевами.

Ещё нашумевший случай. Виталик и Юрка пошли в лес опробовать на точность выстрела малокалиберный пистолет «Марголина». Постреляли в лесу по пенькам. Вышли на окраину городка. Напротив дома дяди Паши Митрохина одиноко белел свежей известью одноместный туалет, бликуя стёклами окошечек по верхнему периметру. Приятели метко постреляли по этим стёклышкам, потом по осколочкам, потом по ручке на двери туалета. Повернулись и пошли. Вдруг дверь туалета приоткрылась. Выполз далеко не чистый дядя Паша:

— Гады!!! Я же в выгребной сидел, на меня же стёкла сыпались. Изувечу!

Лётчик, фронтовик долго бежал за стрелками, но молодость победила. На этом приключения дня для Виталика далеко не закончились. В расстроенных чувствах вернулся он домой, а жил младший холостой сын с отцом и матерью в небольшом коттеджике, стоявшем на скромном приусадебном участке. В соседях обитала семья Мариных, которая с удовольствием разводила кроликов. Эти несчитанные кролики постоянно покушались, и безуспешно, на грядку с капустой на участке Умотовых. Пострадавшие неоднократно пугали семейство Мариных принятием жесточайших репрессивных мер. Вот и сегодня, открыл Виталик свою калитку и увидел серого кролика, нагло пожирающего кочан чужой капусты. Метко выстрелил Виталий, поразив зарвавшегося кролика. Взял его за обмякшие уши и понёс к соседям. Дверь была приоткрыта, и стрелок зашёл в дом. Марины обедали, доедая борщ.

«А вот Вам, товарищи Марины, на второе», — произнёс Виталий, протягивая к столу серого кролика.

Так и пришлось герою убегать от гнева второй раз за день.

Пожалуй, расскажу ещё один случай с Виталием. О нём мне поведал мой приятель Борис Ф., который в молодости профессионально занимался туризмом.

Виталика взяли в зимний поход, как фото и кинооператора. Поход не сложный, единичка по категорийности. Дневные лыжные переходы. Ночёвки в деревнях в тепле, в клубах. Утром снова в путь. Десять дней и, конечно же, полный сухой закон. Только чай. Зная об определённых пристрастиях Виталия, перед самым выходом у него отобрали все имеющееся в карманах и рюкзаке деньги.

На шестой день группа вышла в большую деревню Новый Буян. Пока договаривались в сельсовете о размещении на ночёвку в клубе, Виталий исчез. Потом оказалось, что он направился напрямиком в фельдшерский пункт. Медсестра рассказывает:

— Появился он очень расстроенный и озабоченный. Представился, показал документы кинооператора.

— Девочки! Беда! Шли колонной, и при переходе реки идущий впереди провалился под лёд. Еле вытащили. Намок, замёрз, обморозился. Остановливаться нельзя. Дошли сюда, раздели, укутали. Срочно нужен спирт, чтобы, как следует растереть его.

— Давайте мы пойдём, осмотрим его, окажем медицинскую помощь.

— Нет, что вы, что вы, он же голый, он стесняется. Вот что, вы дайте срочно спирт, мы его разотрём, оденем в сухую одежду. Ну а вы придёте попозже.

Спирт дали. Медсестра не нашла в клубе пострадавшего, но нашла спящего Виталия, употребившего растирание не по назначению. Утром Виталик сказал: «А?.. Ну, как я Вас?». Больше его в серьёзные походы никто не брал.

Семья Умотовых уехала навсегда после смерти Виталия. Вся творческая работа в клубе развалилась, и постепенно прекратилась полностью. Потом и сам клуб преждевременно снесли, после длительной суеты некоего депутата, желавшего на этом месте построить что-то своё. Но не построил, бежал из города. Многолетний пласт перевернулся.

4. Запетелины

Сам Запетелин носил полковничьи погоны и форменную папаху в холодное время. Папаху полагалась только полковникам и генералам. В шинели и папахе, заложив руки за спину, медленно прогуливался он по городку, снисходительно кивая на приветствия встречных и не подавая им руки. Никто никогда не видел улыбки на его лице, может быть только домашние, да и то, сомнительно. Был он заместителем начальника по режиму строящейся ГЭС. Эта должность оскорбляла Валерия Петровича. Дело в том, что его начальник имел звание подполковника, а он, Запетелин — настоящий полковник, ходил только в за-

мах. Поэтому регулярно, один раз в неделю, по субботам, он строчил доносы на своего командира, перечисляя все его мнимые и реальные огрехи. Эти донесения, по субординации, передавались директору строительства, который имел звание генерала государственной безопасности. Генерал, зная склочный характер Валерия Петровича, а также добросовестность и деловые качества начальника по режиму, никакого хода рапортам не давал и выбрасывал доносы в мусор. Обиженный полковник, начиная с 1955 года, начал посылать свои доносы непосредственно в Москву. Через год с небольшим начальника по режиму отправили в отставку, на пенсию, но Запетелина на его место так и не поставили, а даже немного понизили в должности. Такого удара по своим амбициям Валерий Петрович не смог выдержать, стал чахнуть и попивать, а через три, четыре года совсем угас. «Сгорел на работе» — прокомментировал событие бывший начальник по режиму.

Супруга Запетелина, Антонина Георгиевна, была женщиной никогда не работавшей, домовитой и очень больной, как она сама всем говорила. Правда, сад и огород на участке вокруг их семейного коттеджа представлял настоящую красочную картинку тех времён. До сотни сортов различных цветов. Яблоки, груши, ранетки, сливы, абрикосы, вишни, черешни, смородина, малина, крыжовник, виноград, барбарис, кизил, чёрная рябина и прочее, прочее, прочее. Но всё это, чтобы хвастать перед соседями. Антонина Георгиевна никогда никого в Порт-городе не угощала плодами своего труда, но при возможности цветы и фрукты с удовольствием продавала. В доме вместе с ними жила старушка. Была она чья-то мать, то ли Валерия Петровича, то ли Антонины Георгиевны. Отношение потомков к ней было ужасающим. Кормили её два раза в день самой заваливающей пищей. Жиденький супец и каша. Если не было супа, то только каша. Все кричали на неё, и взрослые, и дети, высунуть нос из своей комнатёнки, размером в 3,5 квадратных метра, она имела право, когда дома никого не было. Тогда же она ходила в туалет, стирала что-то в тазике, в нём же и мылась, при наличии в коттедже ванной комнаты. Как только кто-то появлялся в доме, немедленно удалялась назад, в свою келью. Сиди, молчи, молись, если хочешь.

Раз в неделю чета Запетелиных ходила или в дом к прокурору, или к своему начальнику играть в преферанс.

Играл Валерий Петрович натужно, без блеска, его супруга — откровенно плохо. Но играть любили. А что же им ещё? Книг в их доме не читали, хотя и имели штук сто, для заполнения мебели. Зато Запетелина участвовала во всех проводимых выставках цветов и постоянно занимала призовые места.

Сын их Юрий тоже имел броские отличительные черты. Тугоумие и абсолютную неспособность к запоминанию любого школьного материала. Три раза оставался Юра на второй год. Был он при этом очень открытым, общительным и добродушным. Дружил всегда с мальчиками на четыре, пять лет его помладше. Каждый год ему нанимали репетиторов по всем основным предметам. Юра старался, но всё-равно, усвоить знания у него получалось плохо. Может быть, это было алкогольное зачатие? Кто знает. Когда над Юрой смеялись в школе, Антонина Георгиевна говорила сыну: «Будь выше всего, помни, что ты сын полковника!» После школы Юрия пристроили на обучение в профтехучилище. С огромным трудом он его закончил. Долго работал рабочим. Потом по страшному блату его назначили руководить помещением, в котором работала всего одна женщина, получая, регистрируя и подшивая какие-то справки от населения. Антонина Георгиевна искренне гордилась такими успехами сына. Встречая на улице знакомых, она радостно сообщала: «Мой Юрий-то, какой никакой, а начальник! То-то же».

После смерти мужа Антонина Георгиевна получала довольно приличную пенсию за потерю кормильца. Занималась продажей цветов, но участь её ждала незавидная.

Со временем Юрий женился на развесёлой женщине с двумя детьми. Как и ожидалось, попал под каблук супруги и полностью потерял себя. Жена его, Галя, быстро разобралась со свекровью, переселив её в маленькую комнату. И Антонина Георгиевна полностью повторила участь своей или мужниной покойной матери. Когда Галя и Юрий уходили из дома, соседи стучали в окошко Антонины Георгиевны, и через окно подкармливали её. Запетелина горько плакала, жаловалась, ей пытались помочь, но Галина энергично разрушала все соседские происки. Так тихо и незаметно умерла Антонина Георгиевна. Галя переписала дом и участок на себя и своих детей, быстро развелась с Юрием, продала дом и землю. Она купила Юре хиленькую, мизерную

однокомнатную квартирку на окраине города и солидный особняк в центре себе. Недавно и Юрия не стало.

Был у Запетелиных ещё и приёмный сын — Леонид. Как они усыновили его, от кого он, никто не знает. Сразу после войны его устроили в суворовское училище, после окончания которого он поступил в общевоинское военное училище. Потом он получил звание лейтенанта и направление в обычную воинскую часть. Служил недолго, около года. В середине пятидесятых приехал в наш городок. Тянулись за Леонидом слухи, что назанимал лейтенант денег у кого попало, а отдавать не хотел. За это и был отставлен от армейской службы. Здесь он устроился на работу диспетчером и в течении нескольких лет занимал деньги у знакомых и незнакомых, рассказывая различные небылицы и раздавая обещания налево и направо. Дошло до того, что ему появляться в городке стало невозможно. Леонид Запетелин бежал, как говорили, в один из сибирских городов. Больше о нём никто, никогда и ничего не слышал. Хоть сын и не родной, но подкосил комплекс этих событий Валерия Петровича. Совсем недолго, после описанных перипетий, он прожил.

Заселили дом посторонние люди, уничтожили и цветники и сад и огород, затеяли перестраивать дом, зачем-то выкопали всю землю на участке на метр глубиной. Стали под домом строить плавательный бассейн, чтобы из комнат в него нырять, да ничего не получилось. Деньгам подошёл конец, строительному запалу тоже. Так и стоит полуразрушенное, полуперестроенное здание, в котором проживает новый хозяин с супругой. Неуклюже стоит, на месте бывшей усадьбы Запетеленных.

5. Матрос и сапожник с портнихой

1960 год. Конец весны, середина мая. Пасмурно. На песочке, на изломе косы, огибающей местный яхт-клуб, на самодельных складных деревянных стульчиках у кромки воды сидят два человека. Перед ними на ошкуренных липовых колышках-рогатульках лежат по две удочки. Поплавки, вырезанные из сосновой коры и раскрашенные сверху жёлтой и красной масляной краской, подёргиваются на водной ряби. Рыбаки одеты в брезентовые плащи, на

головах соломенные шляпы. Одному рыбаку очень маленького роста, по возрасту, скорее всего, все восемьдесят. Другому мужчине, высокому, стройному, гибкому, шеголеватому, более пятидесяти. Они почти не переговариваются, но им комфортно вдвоём. Пришли на берег порознь и разойдутся в разное время. У каждого своя жизнь, свой улов, свои воспоминания.

Тот, который небольшого роста, жизнь прожил неожиданную и очень насыщенную. Он — палубный матрос с легендарного броненосца «Потёмкин». Участвовал в том знаменитом восстании, после разгрома которого сошёл на берег в Констанции, остался в Румынии в качестве политэмигранта, потом перед второй революцией нелегально вернулся в Россию. Участник гражданской войны. Воевал у Щорса. Дважды был ранен. А потом всю свою жизнь работал рабочим, бригадиром, мастером. Спокойно и мирно жил бывший матрос с «Потёмкина» вместе с верной супругой и внучкой в отдельной квартире восьмисемейной двухэтажки Порт-города. Давно он был на пенсии, и с удовольствием копался на участке в две сотки. Гору, на которой стоял городок, разбили на прямоугольники по две и по три сотки. Эту землю раздали тем жителям, которые своих приусадебных участков не имели. Со временем, обработанные отрезки превратились в плотный дачный массив.

Бывший матрос в 1957 году вдруг неожиданно попал в житейскую передрагу. Зимой он полез то ли закрывать, то ли открывать в комнате форточку. Поставил табуретку, а на неё табуреточку, рост то маленький. Залез, но конструкция развалилась, старик упал и сломал себе обе руки и обе ноги. К сожалению, с возрастом кости срастаются всё хуже и хуже. Долго проболел старый революционер. Жена и внучка кормили его с ложечки, вдвоём помогали ему передвигаться по квартире. Лишь через полгода стал он выходить самостоятельно на лавочку перед домом. В 1961 году бывший матрос броненосца «Потёмкин» умер. Событие это прошло как-то незаметно. Похороны не были пышными.

Теперь о напарнике по рыбалке. Очень интересный человек. Проживал он с женой в небольшой части коттеджа. Сын хозяина всего коттеджа развёлся с супругой и бывшая отсудила себе комнату. ЖЭК пристроил к комнате кухнюшку, туалет и маленькое помещение с ванной и умывальником. Разведённая владелица обменяла эти вла-

дения на полнометражную квартиру в престижном районе города. По обмену и въехал в эти апартаменты герой нашего рассказа с супругой. В нашем городке он считался сапожником, а его жена портнихой. Этим они, в общем, и зарабатывали, но без всякого фанатизма. Обувь, изготавливаемая его умелыми руками, была надёжно прочной, красивой, удивительно ноской и добротной. Изделия, вышедшие из-под иглы швеи, отличались нездешним шармом, непередаваемой эстетичностью и совпадали со всеми канонами моды. Носить их считали за удачу и солидные дамы, и легкомысленные девушки. Он всегда ходил в лёгких, великолепно сшитых, фасонистых, роскошных хромовых сапогах и в добротных, диагоналевых, плотных, облегających без единой складки, тёмно-коричневых, или тёмно-синих галифе. Военная выправка, чёткость походки, его повадки выдавали в нём бывшего строевого офицера, далеко не лейтенантского и, даже, не капитанского звания. Она всегда была воздушна, элегантна и грациозна, аристократична во всём. Никаких платков на голову, только изящные шляпки, или удивительно красивые и уместные шапочки зимой. Она никогда не выходила на улицу без кружевных перчаток. На шее лёгкий, красиво повязанный шарфик. Все цвета предметов одежды, вдумчиво подобраны. Модные тенденции, эстетика сочетаний, чистота, опрятность, никогда ничего кричащего, врождённый вкус, воспитание и глубокое знание постулатов ношения нарядов.

Ходили по городку слухи, что супруги недавно были реабилитированы после длительного срока отбывания наказания в сталинских лагерях. Говорили, что, якобы, родные в своё время отказались от каждого из них. Это принято было в стране, у тех кто сам желал сохранить свою свободу. Говорили, что встретились они или в лагерях, или после отбытия срока. Так и стали жить вместе, потом поженились. Говорили, что она потомственная аристократка, дворянка. Даже, может быть, княгиня, или, в крайнем случае, какая-нибудь, графиня. Говорили, что он генерал, но сам из бывших и, тоже «голубых кровей». Не знаю, насколько слухи верны, но видел и слышал, как она разговаривала с учительницей английского языка на английском, с туристом из Франции на французском, а с приехавшими строить ВАЗ итальянцами на итальянском. Никто из родственников к ним никогда за тридцать лет не приезжал. Писем они ни от кого не получали и

сами никому не писали. Всегда вдвоём, в общении с посторонними доброжелательны и крайне немногословны. Никому никогда о своей жизни не рассказывали, тщеславных и недалёких людей сторонились, близких знакомств ни с кем не водили. Никто толком не знал их имён и отчеств, между собой все их так и называли: сапожник и портниха. Первым умер он, сапожник. Она, портниха, долго болела, лежала, за ней ухаживала Наташа, соседка по коттеджу, кормила её и мыла. О чём Наташе успела рассказать перед смертью портниха, так никто и не узнал и вряд ли теперь узнает. Наташа молчит и лишь регулярно посещает могилку сапожника и портнихи, всегда с цветами.

6. Школьный детектив

В городке была средняя школа с номером 2, а школа № 1 была перенесена с места затопления в новый Ставрополь. Наша, № 2, была просторная, двухэтажная, добротной сталинской постройки. Открылась она, по-моему, в 1953 году. Классы огромные, с высокими потолками. Директором школы назначили очень солидного, но молодого в то время, обаятельного историка и, конечно-же, коммуниста Вакалея Николая Ивановича. Во дворе школы первоначально стоял побеленный известью деревянный туалет на два отделения, по четыре очка в каждом. Просуществовал он до 1957 года. На сорокалетие советской власти тёплые туалеты обустроили в самой школе. Так вот, тот деревянный был нетленно знаменит тем, что как ни стирали, ни замазывали, ни выводили, но всегда внутри на стене появлялась надпись: «Вакалей дуралей, съел полпуда желудей». Почему желудей? Почему полпуда? И зачем ему есть восемь килограммов желудей? Но кому-то, видимо, это казалось весёлым обстоятельством.

Учители в школе были великолепными. Проработали они в этой школе практически всю жизнь, здесь же в городке и умирали, дожив до глубокой пенсии. Редко кто переходил на работу в другое место, лишь в результате особых семейных обстоятельств. Даже в области наши учителя считались отменно квалифицированными и толковыми. Они были всеми уважаемы, а мнение их непрекословным. Запас знаний тогда пополнялся за счёт самоусовершенствования,

и это позволяло учителю в то простое время отсутствия интернета быть непререкаемым авторитетом для всех жителей городка. Директор выглядел строго, но был очень добр и радушен к ученикам. Был он уважаем всеми родителями, которые считали за удачу побеседовать с ним на улице, или в клубе на различные житейские темы и услышать скупую похвалу в адрес своих отпрысков. Николай Иванович свято чтил постановления партии и правительства, считал своей непреложной обязанностью идейное воспитание учеников, но прекрасно понимал причины поступков и ориентировался в массе обычных житейских обстоятельств, так далёких от официальных лозунгов. Учитывая реальную жизнь, он всегда поступал по совести. Обмануть его было не очень трудно. Двое мужчин этим и воспользовались.

Первый, Виктор Петрович, преподавал в школе военное дело, физкультуру и труд. Ну, очень сильный мужчина, роста чуть выше среднего, плотный, со стальными мышцами, но обычной, невзрачной внешности. Рассказывал своим ученикам про винтовки, автоматы, гранаты. Был у него настоящий ППШ с просверленным стволом, винтовка Мосина, тоже с дыркой и муляжи различных гранат, которые дети постоянно пытались свистнуть. На уроке физкультуры он выводил детей на лесную полянку, разбивал класс на две половины и предлагал бороться и драться, но не до крови. Чья возьмёт. Школьники поднимали в обязательном порядке тяжести и прыгали в длину на яме с песком. Девочки бегали 60 метров на время, а мальчики 100 метров. Также ученики катались зимой с горы на лыжах, санках, картонках и фанерках. На труде мальчики опиливали заготовку зубила и самостоятельно пытались сделать металлический совок, а девочки вышивали крестиком. Позже, девочек прикрепили к освоению основных работ на токарном станке. Но освоение затихло.

Очень любил Виктор Петрович жонглировать двумя двухпудовыми гирями, но так, чтобы обязательно были восторженные зрители и чтобы они выказывали своё бурное восхищение. В то время, математику до восьмого класса преподавала изысканно красивая, стройная, изящная, женственная во всём и грациозная полячка Станислава Васильевна Еловска. После войны она вышла замуж за советского офицера и уже вместе с ним приехала на строительство ГЭС. Ах, как только Виктор Петрович не пытался

произвести положительное, благоприятное впечатление на Станиславу Васильевну и что только он для этого не предпринимал. По вечерам он посылал кого-нибудь из мальчишек за гордой полячкой: «Вадик, походи к математичке, скажи, что Виктор Петрович просит её срочно подойти в учительскую. Срочно, срочно!». Станислава Васильевна заходила в учительскую, в которой не было никого, кроме атлета, который жонглировал гириями. Виктор Петрович бросал гири в её сторону, ловко перехватывал их в воздухе и вновь бросал с перехватом.

— А? Ну как, Станислава Васильевна?

— Да, никак, Виктор Петрович, мне не до вашей ерунды. До свидания.

Чем ещё поразить шикарную полячку, Виктор Петрович так и не додумался. Интеллектом физрук не блистал. Впрочем, все относились к этому снисходительно.

Потом вдруг Виктор Петрович уволился и переехал жить в посёлок Управленческий в сорока километрах от нас вниз по Волге. Через год мы узнали, да и в областной газете об этом написали, что удивительно, но наш бывший учитель оказался настоящим шпионом. Его задержали в лесу, когда он по рации передавал какую-то стратегическую информацию. Сразу этот случай оброс разнообразными слухами. Якобы бабулька искала корову, увидела шпиона за передачей радиосообщения и доложила куда положено. Якобы его юные следопыты выследили. Якобы он отстреливался и был ранен. Якобы он и раньше в нашей школе пытался завербовать себе помощников. Якобы теперь будут постоянно следить за всеми, с кем лже-Виктор Петрович общался. И прочее, и прочее, и прочее. Одно общеизвестно, что директор Николай Иванович сильно переживал по этому поводу и очень долго ходил мрачный и хмурый. Обсуждая этот случай со шпионажем, ученики Виктора Петровича пришли к выводу, что, скорее всего, шпионом он был мелким, вряд ли его умственные способности позволяли ему занять высокий ранг в столь непростом ремесле.

Чуть позже, в начале шестидесятых годов, в школу пришёл новый учитель Жданов Владимир Григорьевич. Вместе с женой он поселился в комнате при школе. Супруга его преподавала английский язык, а Владимир Григорьевич, будучи профессиональным художником, черчение и

рисование. При необходимости, он вёл и английский язык, а также подменял учителя по немецкому языку. Если было надо, проводил уроки физики, биологии, ботаники и географии. Рисовал панно, картины и все плакаты в школе, подключая на помощь способных учеников. Рисовал декорации к школьным спектаклям и к постановкам в клубе «Гидростроитель». Многие жители городка обращались к нему, потому, что только он один мог так красиво сделать надписи на лентах венков для похорон, причём, денег за эту работу не брал. Вёл Владимир Григорьевич дополнительные занятия и кружки. Пацаны делились с ним самым сокровенным, такое он вызывал у всех доверие. По совместительству он охранял большой школьный сад, так как постоянно жил при школе. Иногда уезжал ненадолго в какие-то командировки. Что это за отлучки, никто, кроме директора школы, не знал. Однажды в конце августа, до окончания каникул, два выпивших гражданина, как оказалось позже, недавно освободившихся из заключения, которое назначено им было за разбой, залезли в школьный сад. Сломали яблоню, обтрясли грушу. С одноствольным ружьём шестнадцатого калибра в руке вышел Владимир Григорьевич на шум и спокойно попросил пьяных прекратить безобразие и покинуть территорию школы. В ответ мат. Один из грабителей выхватил нож и взмахнул им. Тут же он получил пулю в голову. Второго учитель вырубил прикладом ружья и крепко связал. Вот такое убийство. Владимира Григорьевича даже не арестовали. Весь городок заступился за него. Писали совместные петиции, обращения, письма и ходатайства. Выстрел признали необходимой мерой самообороны. Директор школы, в общем, даже не удивился. Да и не мудрено.

Оказывается, при поступлении на работу в школу, Жданов показал директору корочки сотрудника министерства государственной безопасности, майора по званию. Устно он объяснил, что работа в школе будет его прикрытием, а о сути своего задания, конечно же, нельзя распространяться. Итак, директору стало очень много известно, а это ранее не планировалось. Естественно, после получения такой информации, директор не удивлялся отлучкам в «командировки» добросовестного учителя. Наоборот, нивелировал естественные вопросы педагогического коллектива. Пролетело ещё несколько лет.

Владимира Григорьевича любили все дети и всё взрослое население нашего городка. Да и он постоянно помогал всем, чем только мог. И вдруг, как молния в центр площади, арест Жданова и его супруги. Обыск. Вскрыли пол, под половыми досками были обнаружены многочисленные пачки денег, в других местах килограммы драгоценностей и золота. Что? Как? Почему?

Вряд ли звали его Владимир Григорьевич. Вряд ли настоящая фамилия его была Жданов. Но стало известно, абсолютно достоверно, что это был матерый медвежатник, квалифицированный потрошитель сложнейших сейфов и замысловатых замков. Это был уголовник-одиночка высшего разряда. Много недель и месяцев ждал он, когда его наведут на определённый объект. Ждал, собирал информацию от проверенных осведомителей, с которыми потом щедро расплачивался. Получив полный объём информации, он составлял тщательный план, неоднократно перепроверял его, отработывал, репетировал с женой и, наконец, осуществлял ограбление, но всегда в одиночку. Пошли слухи по городку, что и убийство грабителя в школьном саду, не совсем чистое дело, свидетелей-то не было.

Сложно даже представить, в каком состоянии находился директор школы Николай Иванович после того, как узнал, насколько беспардонно его одурачили, как использовали его доброту и законопослушание. Ещё несколько лет ходил Вакалей, поседевший от переживаний, расстроенный и задумчивый. Более или менее он успокоился только лет через семь-восемь, а потом вскоре ушёл на пенсию.

7. Гора

Итак, городок наш стоял на горе. Над уровнем Волги гора возвышалась метров на двести, а может быть и больше. Гора изначально была лысой, но не совсем. В нескольких местах стояли разрозненные, высокие, толстые дубы. Шесть или семь. На ближнем к школе дубе часто гроздьями висели мальчишки и дико орали, безуспешно подражая крику Тарзана из заграничного фильма. Далее, за фасадом горы, на равнинных участках рос стройный сосновый лес, шумя деревьями, посаженными по распоряжению графа Владимира Орлова. Между соснами про-

бился второй лес, чудесный лиственный, с массой грибов и ягод. На кромке лысой поверхности горы и густого леса был выстроен наш городок. До этого в этих местах стоял лишь лесничий кордон из трёх домиков. Склон горы был ориентирован чётко на юг, хорошо прогревался солнцем и был весь изрезан глубокими и мелкими песчаными оврагами. В 1953 году трое местных жителей вспахали на лошади часть лысой горы и засадили солнечные грядки арбузами. Урожай получился феноменальный, он пошёл на угощение соседей и на продажу, во всех окрестностях. В следующем году предприниматели засеяли арбузными семечками площадь, раза в два превышающую прошлогоднюю. Опять арбузы уродились, но государство не дремало. В тот момент, когда эти огромные ягоды поспели, вдруг на плантацию въехали две грузовые машины с солдатами. Солдаты нагрузили плодами солнца оба автомобиля, а затем прикладами разбили вдребезги оставшиеся на несжатом поле целые арбузы. Уехали. Так страна боролась с незаконным частным предпринимательством. Долго ходили на допросы незадачливые селекционеры. Потом, куда-то исчезли. Возможно, просто переехали. Более склон горы никто не засеивал. Третью склона была отведена под дачные участки, а остальные две трети засажена молоденькими сосенками. Теперь на этом месте шумит густой сосновый лес с рыжиками и маслятами. Он надёжно скрывает многочисленные овраги, стенки которых тоже плотно поросли различной растительностью и как-бы самоукрепились.

Пятнадцать минут требовалось пацанам, чтобы спуститься по горе к Волге. Там купание, катания на плотах и брёвнах, первые заходы в яхт-клуб. После сильных ветров жёлтый песочек по берегу переметался, и можно было найти то старинную монетку, то крестик, то иконку, то гильзу от патрона, а если повезёт, то и серебряную цепочку. Борька Зубко однажды нашёл полусъеденный ржавчиной наган времён гражданской войны. Мало что от него осталось, но находка эта прославила Борьку на десятилетия. Путь назад на гору занимал уже двадцать, а то и двадцать пять минут. Обидно, что эффект от купания сглаживался. Во многих местах горы босые ноги протоптали свои, настоящие тропинки. Теперь их нет. Три асфальтовые и одна грунтовая дороги.

8. Овраги и землянки

Раз уж описал гору, то сразу расскажу об оврагах и о землянках. А эти овраги с песком и глиной по бортам были самые разномастные. Одни очень глубокие, другие не очень, а были и такие, которые только намечались. По весне талые воды бурлили и бежали с горы по дну оврагов, размывая дно всё основательней. Были овраги узкие, были и широкие. Один, ну очень широкий, и, кстати, не очень глубокий, стал основой для официальной дороги из старого Ставрополя наверх к новой жизни. Дно этого оврага замостили разноцветной галькой и по этой дороге наужно пошли грузовики-полторки, заскользили немногочисленные «Победы», закрихтел единственный красно-жёлтый рейсовый автобус для перевозки граждан туда-сюда. Вначале автобус спускался вниз к городскому кинотеатру «Буревестник», а затем поднимался наверх к новой школе, отдыхал и шёл в «Соцгородок», что в трёх километрах от Порт-города. Так и курсировал.

Самые красивые камешки из дороги пацаны выковыривали, собирая разноцветные вернисажи, но что делать дальше с этой разноцветной галькой не знали. Двое на моём веку стали попозже собирать настоящие коллекции природных минералов и редких камней, но геологами почему-то не стали. А овраги манили своей глубиной, разнообразием и загадочностью. Все мальчишки лет до тринадцати обязательно искали в оврагах старинные клады, а толчком к этому послужили неизвестно откуда возникшие многочисленные слухи, блуждающие по нашему городку. Раскопы были тайные, обширные и всегда безрезультатные. Хорошо хоть, не завалило никого из землекопов и кладоискателей. За год до выхода новых денег, в 1960 году, поиск кладов почему-то прекратился.

Зато все начали рыть и строить землянки. Но о землянках попозже. Что ещё про овраги? Какое же это было замечательное место для игры в войну — раз; для игры в казаки-разбойники — два; для бесчисленных подвижных массовых игр — три; для многообразных хулиганств — четыре и для экстремальных полуспортивных экспериментов — пять. Например: по кромке одного из оврагов, а был он по соседству с упомянутой дорогой, по наезженной тропинке на велосипеде с определённой скорос-

тью быстро и резко съезжаешь вниз. Переднее колесо велосипеда врезается в бордюры земли, насыпанной поперёк тропинки. Ты молниеносно вылетаешь из седла, переворачиваешься в воздухе и попой приземляешься на кучу мягкого жёлтого песка. Не больно, но дух захватывает. Испугаешься и затормозишь — растянешься на земле как лягушка или уткнёшься в песок головой. Повторю, что скорость должна быть строго определённой, иначе чревато.

А зимой овраги превращались в место для лихого катания с их склонов. Крыльев нет, но летишь как птица и втыкаешься в глубокий снег. Выкарабкиваешься и вновь. Замечательно, рискованно и весело. В оврагах пацаны прятали своё самодельное оружие и стреляющие поджиги, отсюда нападали на противоборствующие стороны. Отсюда совершали многочисленные вечерние и ночные набеги на сады и огороды.

Но вот пошла мода на землянки. Разбивались на группы по пять-восемь человек. Находили укромное место. Это была или ложбина рядом с оврагом, или, что лучше, тайная полянка в лесу, предпочтительней недалеко от опушки. Лопатами выкапывали будущие помещения землянки. Желательная глубина — в полный рост. Хотя, какой там рост у пацанов? Затем тащили, кто доски, кто толстые ветки, кто колышки, кто брёвнышки. Плотно укладывали сверху, поперёк. Засыпали листьями, а затем песком или землёй. Строение, конечно, маскировали, кто как умел. Оставался открытым только вход — лаз в землянку. Для прикрытия входа делалась крышка: сбивался щит, как получится. Его маскировали, когда уходили домой. Землянка готова. Залезали вовнутрь, зажигали свечи, полчаса хихикали, а что делать дальше, не знали. Сверху на солнышке и привычной, и интересней. Придумали выслеживать места расположения землянок других разнообразных групп. Следили, узнавали, где и у кого какое подземное убежище. Хорошо бы взорвать схрон соперников, как в войну. И взрывали. Дело не хитрое. Берёшь пол-литровую бутылку чёрного дымного пороха, в неё аккуратно опускаешь лампочку от карманного фонарика. На лампочке пассатижами раздавливается стекло и остаётся только неповреждённая спираль накаливания. От лампочки идут два длинных проводка: плюс и

минус. Спираль лампочки погружена в порох. Провода выведены за предел землянки. Самодельная граната прикрепляется изнутри, к потолку вражеской землянки. Почему провода должны быть длинными? А чтобы самому не пострадать. Отходишь подальше, прячешься за дерево или большой камень и подносишь к хвостикам батарейки эти два провода. Всё. Устрашающий взрыв! Куски кровли в разные стороны. Дым. Кислый запах пороха. Радость, страх и осознание всего ужаса поступка, ожидание мстительного ответного взрыва своей землянки. Вот так и забывались, маскируя и взрывая. Порох в то время продавался достаточно свободно. Почти во всех домах взрослые имели ружья. Сами понимаете, изготовление взрывных устройств особых затруднений не представляло. Коротка была пора землянкостроения. Всего около пяти лет. Потом как отрезало. После 1964 года землянок я не встречал и ничего более о них не слышал.

9. Паруса

Чуть выше в одной из глав я упомянул яхт-клуб. Хочу поподробнее рассказать о наших парусах. Если взглянуть летом на Волгу, увидишь, как белые треугольнички густо заполняют всю акваторию от синих гор до городского пляжа. Был яхт-клуб неотъемлемой частью для всех жителей нашего городка. Все молодые люди, да и граждане постарше, обязательно, не понаслышке были знакомы с парусом. Где-то в домашней тумбочке почти у каждого было удостоверение или матроса, или тоненькая книжечка рулевого третьего, второго, даже первого класса, а может быть и яхтенного капитана. Классность давалась не просто так, а только после трудных многоуровневых специальных экзаменов по теоретической части и после отработки в течение нескольких лет практики на различных регатах, плюс после обретения навыка на еженедельных парусных соревнованиях. Лучшие яхтсмены получали добротные вторые и первые спортивные разряды. Совсем лучшим присваивалось звание кандидата в мастера спорта. Супер лучшие, это мастера спорта, а небожители — мастера спорта международного класса. Для этого на нескольких высочайших гонках международного разлива надо было пока-

зять транец своей яхты такому количеству маститых спортсменов, что Вам и не снилось.

Начинался путь моряка с первого посещения яхт-клуба. Подходили мальчишки к директору, очень важному, нередко пребывающему в приподнятом настроении, Шабаету Михаилу Николаевичу. Оформлял новых членов яхт-клуба всегда он сам. Для начала определял юнгой в какой-нибудь экипаж. На каждой яхте было по два, а чаще по три экипажа — желающих много. Звучало назначение примерно так: юнга такой-то третьего экипажа, «эмки-сороки» под названием «Луна», под командой рулевого второго класса, фамилия, имя, отчество. И вот мальчишка выходил в море вместе с экипажем, к которому он был прикреплен и полноправным членом которого он теперь являлся. Да, разлившаяся Волга теперь в этом месте официально носила название моря. Каждый экипаж поднимал паруса в строго отведённое ему время эксплуатации данного судна. После серии выходов, определялась значимость новоиспечённого юнги. Рулевой докладывал тренеру, ловок ли юнга, полюбил ли парус, каково его трудолюбие и дисциплинированность, на все выходы в море пребывает во время, или прогуливает. Юнга мыл яхту, драил медь, выполнял все распоряжения рулевого, а тот по традиции старался загрузить мальчонку поплотней. В море юнге давали набить или растравить стаксель, подбить бакштаг, позволяли участвовать в откренивании яхты на крутых галсах. Через пару недель тренер докладывал Шабаету: «Пойдёт». Или: «Не тянет». В первом случае, Михаил Николаевич доставал из сейфа большие коричневые плотные корочки и оформлял официально юнгу членом яхт-клуба, с указанием его расположения в табели о рангах. Сначала юнга, потом помощник матроса, потом матрос, потом рулевой третьего класса, второго и так далее, далее, далее, если выдержишь. Во втором случае, мальчишки, уходя, старались проявить себя на каком-либо другом прище.

В Порт-городской школе практически все мальчишки, юноши, да и многие девчата перебивали в яхт-клубе в том или ином статусе. В их разговорах постоянно звучала парусная терминология: левентик, рангоут, гафель, кокпит.... С лестницы неслось: бугель, краспицы, комингс, леера и прочее. Все вязали, или учились вязать морские узлы: «А

вот это двойной беседочный, а это задвижной штык. Ты покажи мне выбленочный, а я тебе покажу брам-шкотовый и стопорный». Многие мореманы, уже могли рассказать о каких-то необыкновенных героических случаях в море, которые происходили, конечно же, при их непосредственном участии.

Кабинет Шабаева был на втором этаже типового волжского дебаркадера, высокого, широкого и громоздкого. Левый торец дебаркадера упирался в залив яхт-клуба, а правый торец в песчаный городской пляж. Земснарядом была обеспечена значительная глубина в заливе и в том месте, на котором покачивался этот дебаркадер. Однажды в воскресенье, в июле, в жаркую солнечную погоду на пляже было особенно многолюдно. Михаил Николаевич выкушал водоньки и решил похвастаться перед знакомыми дамами. Он предложил им проследовать на пляж, рядом с дебаркадером, а сам вышел на крышу этого могучего двухэтажного здания. Был Шабаев в чёрных семейных трусах. Солнце играло на его загорелых бицепсах. Красиво, ласточкой нырнул Михаил Николаевич в воду. Без брызг вошёл в водную гладь, без трусов солидно вышел на пляж. Не ощутил директор потери аксессуара.

«Не плохо, не правда, ли»? — заметил он вытаращившим от неожиданности глаза, дамам и детям.

За некоторую неумеренность этот директор вскоре был уволен, а должность его ликвидирована. В дальнейшем главный тренер совмещал должность директора яхт-клуба. А яхт-клуб рос и множился. Появилось ещё пять или шесть ведомственных яхт-клубов. Закупались яхты и оснастка к ним, росло число яхтсменов. Иногда роль главного тренера доставалась личностям одиозным, но чаще интеллектуальным профессионалам. Все они были наперечёт, все их знали и всегда тренер по парусу пользовался особым уважением в городке. В школе преподавал черчение Макитин Геннадий Константинович. Кроме своего черчения, он любил ещё парус. И больше ничего. С утра до ночи пропадал в яхт-клубе, забыв семью и домашние дела. Яхтенный капитан, мастер спорта международного класса по парусному спорту, знал про яхты всё. Он сверхурочно читал в школе ученикам лоцию и навигацию, материальную часть яхт, всё про паруса, про курсы плавания, ветры, про основы управления этими непростыми судами.

Под его председательством проходили в городке все экзамены на классность яхтенных рулевых. Звали его все по-доброму — Константиныч.

В 1976 году, когда в акватории нашего города с 10 по 20 июля проходила тридцатая Поволжская регата, внезапно налетел ураган, провороненный всеми метеослужбами. Соревнующиеся яхты или легли в море, или сломали мачты, или совершили оверкиль (перевернулись). Восемь яхт определённого класса затонули на фарватере. А катамараны из-за своей большой парусности летали по воздуху, а потом разбивались. Рассказывает мой приятель: «Налетел ураган, моего «Финна» положило. Плаваю рядом, держусь за шкот. Вдруг вижу, что на меня несётся огромный катамаран. Несётся со скоростью автомобиля. Думаю, всё, мне хана. До меня ему остаётся метров десять, и вдруг он поднимается в воздух и летит. Пролетел надо мной, потом ещё метров пятьдесят и, как шлепнется. Как жаба».

В этой регате в это же время участвовали и дети на своих маленьких яхточках «Оптимистах» и «Кадетах». Все они сумели выплыть на берег, так как были в спасательных жилетах. Их яхты собирали по морю уже потом. Одного мальчонку, очень уж дрожащего, сердобольные спасатели с пляжа отвели к себе в будку, отпоили горячим чаем и отогрели. А поседевшие организаторы гонок в это время искали его по берегу. Слава Богу, согретый юный мореход потом нашёлся. Более двухсот яхт участвовало в этой регате, в тот день, и лишь одна яхта осталась на плаву, годной к продлению гонок. Конечно же, это была яхта Константиныча. Увидев маленькое чёрное пятнышко на горизонте, он срочно велел матросу спускать все паруса. Матрос попробовал возражать, ведь шёл их «Дракон» первым в гонке, но тут же крепко получил в ухо, для быстроты исполнения приказа. И точно, несколько минут, и стихия накрыла регату. Такого урагана здесь не было ни до этого, ни после. Пролетел ураган, Константиныч поднял стаксель и пошёл, но не заканчивать гонку, а оказывать помощь пострадавшим. Остальные пять «Драконов» свои мачты сломали.

Жаль, но сейчас парусный спорт в городе сдал свои позиции, да и денег на него спортивным комитетом, практически не выделяется, всё на содержание футболистов уходит. Обидно, красивый спорт, и мужественный, и интеллек-

туальный. Что ещё хотел не забыть. Яхтсмены всегда на свежем воздухе, а поэтому всегда голодные. Любая еда, которую, кто-то приносит на территорию яхт-клуба, исчезает моментально и до крошки. Никто не видел в море жующего спортсмена на яхте. Всё уже давно съедено, ещё на берегу. Сейчас и яхты лучше, и оснастка богаче, а люди те же — умные, добрые и мужественные.

10. Управляющий Рябушинского

В городке все знали благообразного, седого подвижного старичка и называли его — дедушка. Годами он приближался к девяноста, а может и перевалил за эту цифру. Жил дедушка в отдельной маленькой деревянной будочке, что стояла, не доходя каланчи пожарной станции, на самой окраине городка. В его обязанности входило включение или выключение электрического рубильника на стенке будки, но только в случае конкретной необходимости, по отдельному распоряжению. С двадцатых годов сидел дедушка на Соловках, потом на Урале и ещё где-то, а сюда попал после лагерей, на поселение и под присмотр, когда пребывал уже более чем в преклонном возрасте. Был он определён на упомянутую работу, за которую государство платило ему небольшую денежку. Слыл дедушка старообрядцем, а что это такое, не все тогда понимали. Говорил дедушка тоненьким голоском, потому-что был кастратом, как это часто водилось у староверов. Что это такое, до местных пацанов, честно говоря, не очень доходило, да и неинтересно было. Любил дедушка беседовать с мальчишками. Иногда собирал их около своей будочки и рассказывал им удивительные вещи о старой дореволюционной жизни, о царском дворе, о дворянских обычаях, о силе Божьего слова, о классической литературе, о стихах никому не известных поэтов и о первом произведении Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Характерная особенность — читал дедушка без очков. Попозже, компетентные органы пресекли эти посиделки. Дедушка был доброжелателен ко всем, удивительно неприхотлив, аккуратен и чистоплотен. По субботам он ходил в местную баню, долго парился и мылся. По утрам и вечерам молился в своём жилище и всегда

при свече. Панибратства по отношению к себе и снисходительности он не допускал. Вот и относились к нему люди уважительно и добродушно.

А ведь не прост был дедушка, ох как не прост. Потомственный дворянин, коллежский советник, управляющий каким-то из подразделений бизнеса одного из братьев знаменитого клана дореволюционных магнатов Рябушинских. Династия Рябушинских — это род текстильных богачей, финансовых баронов, владельцев заводов, автомобильных и авиационных мастерских, газет, лесопильной и деревоперерабатывающей отрасли, банков, нефтепромыслов и золотодобычи Российской империи. Братья Рябушинские Дмитрий, Михаил, Владимир, Николай, Павел, Фёдор и их сестра Ефимия эмигрировали в 1920 году во Францию и проживали в Париже. Некоторые из них дожили до конца шестидесятых годов двадцатого века. А вот их управляющий, коллежский советник, остался и пошёл по этапам. Почему? В городке поговаривали, что причина довольно замысловата. Дело в том, что династия Рябушинских традиционно придерживалась старообрядческих традиций, а староверы исконно не признают бумажных денег. Да и то достоверно известно, что даже на заводах у Рябушинских, рабочим всегда выдавали заработную плату серебром или золотом. Отправляясь в эмиграцию, братья явно бочки с золотом, с собой не забрали. Так, где же оно? Не был ли оставлен бывший управляющий в России для того, чтобы присматривать за тайниками с состоянием?

Даже спустя много лет, у нас в городке, штатские люди с военной статью, время от времени, вели с дедушкой душещепательные беседы, подолгу и всегда безрезультатно. Дедушка ласково улыбался и своим тоненьким голоском начинал рассказывать своим оппонентам занимательные истории из жизни дореволюционной России.

Однажды, в начале шестидесятых годов, когда доступ иностранцев в область стал более или менее разрешён, приплыл туристический теплоход. Во время стоянки на берег сошёл сын одного из братьев Рябушинских и на такси приехал в будку к дедушке. О чём они говорили? Что поведал дедушка? Штатские лица бродили в окрестностях будочки. Потомок уехал, а через пару лет дедушка отошёл в мир иной. Будочку, за ненадобностью, снесли. Память о дедушке осталась, но не у многих.

11. Бурляковы

Ещё одна интересная семья, немного о ней. Бурляков Иван Владимирович был прокурором огромного района, окружавшего город. Прокурор он был не совсем обычный. У него не было левой руки, почти до локтя. Как и где была потеряна рука, никто толком не знал, но слухи ходили самые разнообразные и разномастные. Это и героические подвиги на войне, и отважные схватки с бандитами и бытовые оплошности. Немногословный Бурляков тайну никому не раскрывал, да и общался он мало с кем. В гости семья Бурляковых не ходила, у себя принимали крайне редко, да и людей посещающих их дом изредка, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Супруга Елена Герасимовна за территорию их усадьбы почти не выходила, была исключительно строга и чуть высокомерна. Сын Герберт (и откуда только несуразное немецкое имя к отчеству Иванович) был подвижен, спортивен, красив, небезразличен к согревающим напиткам и к прекрасному женскому сословию. Окончил он какие-то курсы на правах военного училища, стал офицером, служил в охране лагерей и потом стал начальником большого лагеря. Позже, в звании майора, ушёл в отставку по выслуге лет.

В доме Ивана Владимировича всегда был абсолютный порядок, соблюдались все постулаты асептики и антисептики. Так, например, буханку хлеба, перед тем как её разрезать на ломтики, обязательно прокаливали на открытом огне, над газовой плитой. Так же скрупулёзно в плане гигиены относились ко всем остальным пищевым продуктам. Если Елена Герасимовна шла по какой-либо надобности в сарай, расположенный внутри участка их усадьбы, а дома в это время никого из членов семьи не было, то она обязательно закрывала на защёлки все форточки, а сам коттедж на ключ. Когда Иван Владимирович ложился спать, он обязательно клал под свою подушку ловкий именной «браунинг». Женщина, присматривающая за чистотой в доме и ведущая хозяйство, не просто попадала по утрам на территорию усадьбы, а лишь только после того, как хозяева воочию убедятся, что это пришла именно она и никого поблизости от неё нет. Любил Иван Владимирович охоту на уток. Метко и ловко стрелял, положив ружьё на протез. Но на охоту выезжал только с сыном и с одним из

двоих, проверенных за много лет приятелей. При ночёвке во время охоты ложился не в стог, под полог плащ-палатки, а отдельно в автомобиль «Победу». Перед сном он ставил на боевой взвод свой пистолет «браунинг» и аккуратно клал его в левый внутренний карман той одежды, в которой спал. Если он выпивал, то не более двух-трёх рюмок, ел немного, но много читал. Чем занималась Елена Герасимовна, никто достоверно не знал. Какие у неё были увлечения и предпочтения? Бурной и насыщенной жизнью жил только Герберт. Праздники и дамы.

Конечно же, не весь контингент городка с пиететом относился к роду занятий прокурора. Многие жители лишь недавно вернулись из мест не столь отдалённых. Вспоминается характерный случай. В Порт-городе, во вновь отстроенные коттеджи, крупные начальники въезжали с августа по сентябрь 1952 года. Возводили все эти индивидуальные дома заключённые, не бывшие, а так сказать, действующие. Лагерь вокруг строящейся ГЭС и вокруг городка хватало. Этим строителям было доподлинно известно о том, кто и в каком коттедже будет жить. Вот и семья Бурляковых в начале сентября въехала в предназначенную им усадьбу, во второй по счёту дом по улице Волжской. Ах, как хорошо, как уютно, красиво, просторно. Обустроились, в октябре затопили печку. В индомах было печное отопление углём и дровами, это только потом, после 1955 года, в дома провели газ. Итак, затопили печку. Весь дым пошёл в дом. Что такое? Проверяют тягу. Тяга есть. Пытаются топить, дым валит в помещение. В ноябре, в холода стали разбирать крышу и трубу. И лишь добравшись до самой печи, обнаружили в одном из печных ходов, вмурованный поперёк хода кирпич, который перекрывал четыре пятых отверстия. Тяга есть, прохода для дыма нет. На кирпиче было вязью глубоко выбито: «Привет прокурору».

В общении Иван Владимирович был рассудителен, много знал, всегда имел своё мнение, но без крайней необходимости его не высказывал, а больше молчал и слушал других. В то время мальчишки постоянно делали набеги на чужие сады. Не то, что нужны были яблоки, яблоки росли у всех, и было их в городке вагон и маленькая тележка. Просто интересно, рискованно и увлекательно. Вот и сад прокурора трясли через каждые два-три дня. Герберт притащил откуда-то ракету особой конструкции, прико-

пал её в саду, натянул шнуры под яблонями. Однажды вечером ракета с шумом и визгом взлетела. Выбежали Иван Владимирович с пистолетом и Елена Герасимовна в сад. А Герберт вне дома, в очередной раз провожал очередную даму. Под яблоней сидел и икал от страха мальчишка. Остальные сбежали. Прокурор с супругой перепугались за пацана. Привели его к себе домой. Успокаивали, поили лимонадом и чаем с вареньем. Потом отвели того по месту жительства, подарив пострадавшему шоколад, конфеты, апельсины, печенье, пряники и две большие авоськи яблок. Извинились перед родителями. Попало тогда только Герберту.

Герберт женился. Жена его Зинаида Викторовна была учительницей математики в нашей школе. Удивительная статная красавица, умница. А как она знала свой предмет! После открытия политехнического института она перешла туда преподавать царицу наук, а в скором времени возглавила в институте кафедру высшей математики. Работала она почти до восьмидесяти лет и ушла на пенсию лишь тогда, когда стали подводить ноги. Уже пребывая на пенсии, она как-то сказала своей знакомой: «Ничего не могу поделывать с собой. В банке, на почте, в магазине считают мне цифры и проценты на калькуляторе, а мне не надо. Всё в моей голове давно подсчитано, но молчу. Вот ведь и пенсия этой голове не помеха». На плечи Зинаиды Викторовны в этой жизни лёг уход за больными Иваном Владимировичем, за Еленой Герасимовной, за мужем Гербертом Ивановичем и даже за сыном Валентином, который, к сожалению, выпивал, получил инвалидность и угас. Ушла и Зинаида Викторовна. Осталась от семьи только Ольга — дочь Герберта и Зинаиды. Умная и красивая — это в маму, энергичная и общительная — это в папу. Она замужем, есть дети. Дай им Бог счастья.

12. Лес

Повезло. Очень повезло жителям нашего городка. А как же иначе, если вышел за заднюю калитку дома, и попадаешь в лес. И это не лесочек, не рощица, а настоящий густой смешанный лес с пятидесяти метровыми соснами, с мощными дубами, клёнами, берёзами, вязами, липами и

прочей кустарниковой мелочью. Прекрасно. Впереди широкая до горизонта Волга, а сзади непролазный вековой лес, всегда шумящий и загадочный. Для мальчишек лес недолго оставался загадочным. Не в одиночку конечно, а группками и стайками постепенно вытаптывали они тропинки и дорожки в плотных зарослях крапивы и папоротника. Стали общеизвестными и любимыми некоторые места леса. Например, шестистволка. Сосна, разветвлённая по неизвестной причине на шесть стволов. И все стволы толстые, высокие. Росла она на небольшом взгорке, и в радиусе тридцати метров никаких деревьев больше не было. Но ступишь за пределы взгорка, и вновь густой лес. Или дальняя поляна. Её называли и большой поляной, и дальней. По тропинкам от опушки леса до неё где-то километр. Поляна была не просто большая, она была огромная, заросшая сочной луговой травой, лесной клубникой и земляникой, сопливыми маслятами. Потом, в середине шестидесятых годов, лесники зачем-то очень густо засадили середину поляны молоденькими сосенками. Выросли те столь часто, что даже многочисленные лоси, у которых в этих местах ранее были лёжки, не могли продрасться сквозь этот рукотворный частокол. А до той поры к поляне вела плотная лесная дорожка, и даже воспитанники средней и старшей групп детского садика ходили в хорошую погоду на эту лужайку. Возглавляла малышей воспитательница, а присматривал за всеми кучер. Продукты в детский садик долго (лет двадцать) завозились на лошадке, и настоящий кучер в штате садика был. Дети весело играли и бегали по поляне. Знание названий растений, лесных цветов, ягод, деревьев все дети получали именно после многократного посещения дальней поляны.

В 1950 году, когда началось строительство нашего городка, в описываемом лесу водились волки — настоящие. Поговаривали, что здесь же живёт одна медведица, и пугали ею друг друга, но, правда, никто никакой медведицы никогда не видел. А вот на волков в течение трёх лет делались облавы, и волки реально отстреливались, последнего убили в 1952 году. После этого о волках долгое время не вспоминали. Но иногда они всё-же появлялись, то в 1974, то в 1982 году. Появлялись и вновь пропадали. Скорее всего, приходили зимой по льду через Волгу с правого берега и уходили куда-то дальше. Когда городок толь-

ко строился, в лесу росла масса грибов. Брели тогда грибки в свои корзины только шесть разновидностей: белые, подосиновики, подберёзовики, белые грузди, рыжики и маслята. А опята, сыроежки, рядовки, чёрные грузди, свинухи и прочее местное население искренне держало за поганки и полагало, что ими точно можно отравиться. Пробежали годы. Народу прибавлялось, а перечисленных шести наименований грибов в лесу становилось всё меньше и меньше. Постепенно грибники распробовали опята, чёрные грузди и рядовки включив их в свой реестр съедобных грибов. В двадцать первом веке оставались в лесу уже только опята, рядовки, свинухи, да сыроежки. Всё остальное: лишь поганки и мухоморы. Всё проходит и всё изменяется. Особенно отличался знанием леса пацан Валерка Бачурин. С ведром он выбегал в лес утречком, а через час-полтора возвращался, и ведро его было заполнено с горкой отборными грибами. Подспорье, семья то многодетная. Сколько с ним не ходили по грибы одноклассники, никогда у них не получалось собрать хоть четверть от Валеркиного улова. Видел он как-то по особенному. Подойдёт к подножью сосны, раскопает бугорок, а там груздь, рядом ещё три, четыре. Ступил на дорожку, а на ней в траве рыжик, заглянул под дубок, а там белый. Ни у кого так не получалось. Ни у детей, ни у взрослых.

А вот если по натопанной дорожке через лес пойти в определённом направлении, через два километра упрушься в древнее деревянное двухэтажное огромное здание старинной графской усадьбы. А вокруг штук двадцать небольших народных изб-домиков. Усадьба — это теперь санаторий для больных лёгочными заболеваниями, а домики — жильё обслуживающего персонала. Во время второй мировой войны в санатории было военное училище, которое готовило военных переводчиков, подготовило оно и аттестовало знаменитого Владимира Этуша. Усадьба санатория была построена ещё графом Владимиром Орловым, как кумысолечебница для больных туберкулёзом, здесь были огромные конюшни, в остатках которых и до перестройки производился качественный кумыс. А вокруг кумысолечебницы на тысячах гектарах земли, по приказу Орлова, был посажен сосновый лес. Чистый сосновый воздух, лесная природа, где ещё найдёшь место лучше для больных с такой спецификой.

Топография освоения мальчишками лесных территорий не заходила далее, чем за пределы санатория «Лесное». Тем более что на окраине санатория стояла высоченная противопожарная вышка, залезть на которую было обязательным атрибутом храбрости и отваги каждого уважающего себя пацана. А вот после санатория начинался лес дремучий и, как говорилось, непроходимый, да и городок от этих мест был уже достаточно далёк. В школе учились дети обслуживающего персонала санатория. Каждый день шли они через лес два километра на учёбу и два километра назад домой. Летом и зимой, в мороз и в холод, в метель и вьюгу, порой в абсолютной темноте. Только потом, в середине шестидесятых, через лес был проложен асфальт, и маленький автобусик стал возить учеников в школу и назад в санаторий. Один раз туда, один раз назад, за день. Если опоздал или задержался — топай пешком.

Родители городка научились чётко отслеживать место пребывания своих потомков. Если пришёл домой в мокрых трусах — купался в Волге. Если весь в паутине или с красными от крапивы ногами и зелёными руками — вышел из леса. Весь в песке, и в волосах головы, и в одежде — играл в оврагах.

В лесу жили лисы. Не то чтобы много, но попадались. В городке ходили слухи, что половина из них может заразить бешенством, а другая половина больна чесоткой. Лис обходили стороной или гнали прочь длинными палками. Были зайцы и немало, но к семидесятым годам охотники их всех перестреляли. Развелись лоси, как ни пойдёшь в лес, так обязательно наткнешься. Некоторым значительным людям удавалось получить лицензию на отстрел лося. Поэтому большинство пацанов знало вкус пельменей с лосятиной и котлет, в которых половина мяса лосятина, а половина жирная свинина, для сочности. Лоси создавали большие неудобства, так как часто выбегали на автомобильные дороги и сталкивались с автомашинами. И сами погибали и машин поуродовали немеренно. Когда пришла перестройка, а с нею экономический кризис, браконьеры перестреляли всех лосей на мясо. Больше лоси в лесу не заводились. Потом лес сгорел, и разводиться им стало негде.

А пока лес был, в нём мальчишки варили в ведре сусликов и голубей. Ловили сусликов, а вернее, выливали

их из норок водой, это на полях рядом с оврагами. Но ошкуривали, потрошили и варили в лесу. В лесу спокойнее, безопасней и скрытнее. Заодно у костра можно было сделать вид, что куришь сигару из сухих дубовых листьев. Суслики, если честно, были вкусны, а коли доварить их до конца, что редко случалось, то они просто во рту таяли. Потом приспособились варить и есть диких голубей-сизарей. По чердакам их водилось огромное количество. Голубей, чтобы не оципывать, тоже ошкуривали, как сусликов. По молодости, в ведро с варевом ничего кроме соли не добавляли. Нет, чтобы картошечки, лука, морковки. Не догадывались. И так вкусно. Иногда посещение леса заканчивалось не столь радужно. Однажды Виталька Иванов скакал по веткам высокой липы, упал и сломал себе руку. Перелом получился очень сложный со смещением и поворотом. Трое мальчишек тащили его на руках из леса в больницу. Руку вправили не до конца, и она плохо срасталась. Ломали её потом в больнице восемь раз, несколько раз под общим наркозом, да всё не так. Пропустил он один год в школе, но так и остался с инвалидностью на всю жизнь, стеснялся. А что делать?

Ландыши, ромашки, подснежники, другие цветы с полянок — это всё в школу и домой: мамам и сёстрам. Ягоды: малину, костянику, землянику, клубнику, паслён, смородину — это в рот и, иногда домой.

В лесу были любимые горки для зимних катаний. На кромке леса проводились все праздничные гуляния нашего городка. Из гибкого орешника делались разнообразные луки, из кусочков веток липы заливистые свистки, из дубовых развилок мощные рогатки, из коры кораблики, мешками заготовливались листья папоротника и ими на зиму закрывались теплолюбивые растения на приусадебных участках. Но лес сгорел, и вот теперь только воспоминания шевелят в душе какие-то струны, и приятно щекочет подзабытое.

13. Ружья, поджиги и карбид

В этой главе не просто строчки воспоминаний. Здесь, из-за угла выглядывает целая эпоха событий, эпоха, сложенная в мозаику из кусочков ярких вспышек памяти и щемящей тоски по ушедшим детству и юности.

Итак, ружья в нашем городке. Ружья тогда были в свободной продаже, никаких разрешений на покупку или их хранение не требовалось, регистрация при покупке не производилась. Одностволка шестнадцатого калибра с курком стоила девятнадцать рублей. А такое же ружьё, но бескурковка с предохранителем — двадцать один рубль. Эти одностволки были предметом вождения юношества нашего городка. Покупали чаще курковое ружьё — и надёжнее и дешевле, а бескурковка — это лишняя трата денег и выпендрёж. Считалось, что ружьё можно дарить в день рождения, на шестнадцатилетие. Нетерпеливые пацаны сами сбрасывались по рублю и дарили друг другу ружья и на пятнадцатилетие и, даже на четырнадцатилетие, что не очень приветствовалось их родителями. Одному мальчонке ружьё (одностволка-курковка двадцатого калибра со сломанным экстрактором) досталась в силу особых обстоятельств в тринадцать лет. А дело было так: Дядька этого везунчика как-то в ответ на просьбы дать пострелять, в сердцах, не подумав, изложил следующие условия: «Вот дам я тебе один патрон, всего один, с дробью пятого номера. Если принесёшь дичь, не ворону, не голубя, не сороку, не дятла, а водоплавающую или боровую дичь, да с одного патрона, то получишь это ружьё в личную собственность». Молодость хитра и изобретательна. Выменял парнишка у друзей ещё 12 патронов двадцатого калибра и отправился на пустынные, песчаные, дальние острова (сейчас их называют муравьиными и заселены они лодочными базами). На одном из островов тогда густо водились серые куропатки, пацаны знали об этом и даже иногда безуспешно пытались подстрелить их из своих поджигов. На второй день охоты, когда в наличии оставалось всего два патрона, удалось мальчонке наконец-то подстрелить настоящую куропатку. Триумфально возвратился охотник домой и солидно, даже чуть небрежно, выложил перед дядькой свой трофей. Дядька удивился, но слово есть слово. А всё-же, какое же это было замечательное ружьё. Правда, гильзы не выбрасывались, так как экстрактор сломан, и приходилось после каждого выстрела резко бросать через дуло ствола огромный гвоздь двухсотку, который лихо выбивал стреляную гильзу. Ружьё это прожило ещё лет тридцать, и было оно ликвидировано только после полного разрушения многострадального при-

клада. За двадцаткой числились утки и куропатки, вальдшнепы и рябчики, перепёлки, гусь и тетерев, три зайца и две лисицы, а также вороны. Патроны тогда все заряжали сами. Фабричные патроны были дороговаты, а кроме того доверием у охотников они не пользовались. То ли дело сам. Вставляешь в гильзу капсюль, уплотняешь его, отмеряешь порох, плотно пыжуеть, насыпаешь меркой дробь, снова пыжуеть и вкладываешь заряженный патрон в патронташ. На охоту полу-мальчишки, полу-юноши всегда ходили кучками, конечно, получалось шумно, зато интересно. Почему-то все звери и птицы от топота и звуковой какофонии, которые сопровождали команду стрелков, разбегались и разлетались. Разве ворона прокаркает, высоко дав круг над нарушителями спокойствия, но пойдя, попади в неё на лету. Поэтому оттачивали стрелковое мастерство на мишенях, подброшенных фуражках, бутылках и газетах, для определения кучности выстрела. Позже ввели охотничьи билеты, регистрацию оружия, и вольница с ружьями постепенно сошла на нет. Да и другие заботы появлялись у подросших бывших вольных стрелков. Это о ружьях.

Теперь о поджигках. Стрелять из них пацаны начинали лет с десяти, а заканчивали лет в четырнадцать. В этот промежуток умещалась целая жизнь, полная отваги, страха и детского творчества, правда, однобоко заточенного. Что такое поджиг? В основе медная или латунная трубка не очень большого диаметра. С одной стороны трубка очень хорошо сплющена и залита жидким свинцом. Следом за свинцом, чуть отступя, поперёк трубки пропилена канавка, в центре которой сквозное отверстие. Далее ровная пустая трубка. Сплющенный конец загибается по форме деревянной рукоятки и крепко прикручивается к ней проволокой и изолентой. Свободный конец трубки кладётся в продольный жёлоб деревянного подствольника этого самодельного пистолета и тоже плотно фиксируется несколькими слоями изоленты. Получается пистоль с рукоятью, стволом и отверстием сверху для запала пороха. В трубку набивается порох, пыжуеться, затем дробь или шляпки от гвоздей, опять пыж. К отверстию в стволе надёжно крепится спичка головкой к пороху. В одну руку берётся поджиг, направляется на цель. Другая рука чиркает спичечным коробком по серной головке на поджиге. Всё. Бабах! Но страшновато. Умельцы имели по пять, шесть

поджигов различного размера и конфигурации, с различной красотой исполнения. Стрелять было удобнее поздно вечером. Легче смыться. Стреляли кто куда, но чаще по лампочкам фонарей на высоких столбах. Насколько помню, так ни разу никто по лампочке из поджига не попал. В драках поджиги не применялись — это было принято, хоть и негласно, но никогда не было нарушено. На уроки в школу поджиги не приносили, боялись суровой кары милиции. Некоторые пытались заряжать трубки серой спичечных головок, но это утомительно долго, море спичек изведёшь, потом зачем, когда везде и так пороха полно. Стреляли и в волны Волги, а потом хвастались, что якобы после выстрела всплыла рыба, поражённая прямо в глаз. Однажды Борька Зубко смастерил очень длинный и мощный поджиг из латунной трубки. Да только забыл залить свинцом место перед загибом. Кроме того трубка оказалась не цельнотянутой, а шовной. На третьем выстреле от увеличенного заряда пороха трубка раскрылась в том месте, где была сплющена. Это скромно сказано раскрылась. На самом деле взорвалась, развернулась, разлетелась. Лежал поджиг в руке Борьки между ладонью и большим пальцем. Вот большой палец практически и отвалился, порвав сухожилия, вены и артерии. Собирали Борькину руку в больнице много месяцев. Палец, в конце концов, как-то, прижился, но потерял подвижность и чувствительность. А ведь Борис очень успешно учился в музыкальной школе по классу баяна. Собирался поступать в консерваторию. Но без большого пальца на баяне не играют. От музыки отошёл и стал водителем, а потом мебельщиком. Поаккуратнее после этого случая стали мальчишки делать поджиги, да и стрелять из них стали заметно реже. А к семидесятым годам стрельба закончилась, и эти самоделки исчезли совсем.

Было ещё одно взрывное развлечение. Это карбид. Опасная забава детства. В то бурное время ни один школьник не мог спокойно пройти мимо сварщиков с ацетиленовыми горелками. При реакции карбида и воды выделялся газ ацетилен, именно его и использовали в работе сварщики, для газовой сварки. Карбид выпрашивали или подворовывали, отвлекая рабочих. Потом пацаны жгли костры в оврагах, а карбид залитый водой громко шипел и выделял вонючий газ, который при поджигании издавал

резкий взрывной хлопок. Эффект заставлял забывать о возможной опасности. А вот если найти толстостенную бутылку, скажем, из-под шампанского. Если заранее приготовить мощную, надёжную пробку и кусок мягкой, но прочной проволоки для закрепления пробки на бутылке. Если насыпать в бутылку карбида, если быстро-быстро налить сверху воды. Если ещё быстрее вставить пробку, туго её примотать и закрепить. Если ещё и успеть отбежать в кусты, то будешь свидетелем грандиозного взрыва с разлётом осколков в разные стороны. Вот только Володька Пчёлкин не успел. Вернее он успел, но потом вернулся посмотреть: что не так, почему не взрывается? Взорвалось как раз тогда, когда он заглянул за пенёк с самодельной бомбой. Лицу то, слава Богу, ничего, но вот кусок днища бутылки воткнулся и глубоко, прямо под мышку Володьке. Крик был дикий. Опять больница. Долго ходил Володька, держа руку далеко на отлёте. Особенно было ему неудобно сидеть в школе на уроках и отвечать у доски. Был он болезненно самолюбив, а тут все тайком хихикают.

Мастерили пацаны луки, а стрелы к ним делали с наконечниками из тонкой жести от разрезанных консервных банок. Создавались умельцами и арбалеты, и были они гораздо серьёзнее и опаснее луков. А сколько было мощных и разнообразных рогаток. Резину для них покупали в аптеке или вытаскивали из раскуроченных авиамodelей. Стреляли из рогаток горохом, камешками, дробинками и картечью. Из хорошей рогатки запросто можно было свалить голубя. Самое обычное дело было насобирать поболее битого шифера и вывалить его в разожженный огромный костёр. Оглушительная стрельба и взрывы начинались через короткий промежуток времени.

Вот зарисовки таких забав и увлечений память периодически подсовывает, листая внутри альманахи и альбомы моего детства. Подшивки из детства столь яркого, разнообразного, чуть хулиганского, но чистого и, к сожалению, безвозвратного.

14. Лёшка Треухов

Мерзопакостнейший был парнишка. То ли таким уродился, то ли так саморазвился. Треуховская семья засели-

лась в нашем городке уже после запуска ГЭС. Главу семьи прислали сюда из министерства, уж не знаю какого, назначив на высокую инженерную должность. Дали очень хороший коттедж. Сын Лёшка был чрезвычайно общительным, воспитанным и разговорчивым. Сразу перезнакомился со своими сверстниками, водил их к себе домой в гости, угощал невиданными яствами, заморскими фруктами, давал потрогать и подержать в руках потрясающие сувениры из зарубежа, показывал заграничные журналы со скупой одетыми красотками, а избранных удостаивал пластинкой жвачки. Особо приближённым он нашёптывал о своих сердечных привязанностях к девочкам и о состоявшихся поцелуях. Вот уж о чём местные мальчишки тогда и думать не думали, и слухом не слыхивали. Лёшка ловко выведывал у них информацию о том, кому какая девочка нравится или просто красивой кажется. Многие скоро пожалели об откровенности. Лёшка, получив интимные сведения, стал периодически публично высмеивать этих простодыр и издеваться над ними, преимущественно в присутствии не только мальчишек. Пытались его побить, но он кричал, что сообщит в милицию, пугал отцом, и тут же жаловался родителям обидчика, прося принять меры к их чадам и намекая на связи отца в компетентных органах. В клубе «Гидростроитель» он решил своеобразно засветиться и прославиться. Узнав, что двум ребятам дали читать стихи на концерте, он попросил их помочь и ему выучить эти стихи, а за возможность целый день пострелять из воздушки попросить Марь Ванну, чтобы она передала право выступления ему — Лёше. Марь Ванна просьбе крайне удивилась, но попросила Треухова прочитать текст с выражением. Выслушала, помрачнела и в сердцах сказала: «Вон». Артистическая карьера не задалась, а слава ускользнула.

Любил Лёшка «топить» в Волге не умеющих плавать пацанов, что послабей. Подкрадётся в воде, сядет на плечи и заставляет хлебать воду, кричать, плакать, пускать пузыри и выпрашивать пощаду, унижая себя и прославляя мучителя. А то подговорит целую группу мальчишек покурить в оврагах. Покурили и разошлись. А на следующий день является Лёшка, как по списку, к родителям всех тех с кем вчера курил и заявляет примерно так: «Уважаемая, предположим, Надежда Петровна, мы вчера с Вашим сы-

ном вместе курили. Я осознал всю пагубность этого проступка и покаялся перед своими родителями. Думаю, что Вы должны принять неотложные меры к своему сыну, а то он трусоват и сам не признается». Многих детей потом пороли. К высокомерным Лёшкиным родителям никто не обращался. Больше всего в жизни Лёшка любил унижать людей и, как сейчас говорится, подставлять. Это доставляло ему неподдельную радость. Приглашал приятелей к себе в дом, давал попробовать элитные спиртные напитки из многочисленных запасов отца, а потом провожал за дверь. Убедившись, что его посетитель идёт по направлению к своему дому, звонил родителям дегустатора и сообщал: «Я случайно увидел вашего Васю, он совсем пьяный идёт по улице и шатается, помогите ему». Сын получал, как следует, запах то изо рта был. Те, кто поумнее, с Лёшкой не водились, но хватало в его окружении и лизоблюдов.

Однажды, после окончания восьмого класса, в преддверии праздничного вечера, Лёшка подговорил одноклассников на серьёзную выпивку. Сам частично профинансировал закупку пяти бутылок «Перцовки». Выпили, потом ещё. Расслабленно сели в классе. Заходит в класс учительница ботаники, видит, сидят странные, насупленные мальчишки. Спрашивает: «А что это Вы тут делаете?» Подвыпивший Володька Кушаков отвечает, показывая рукой на аквариум: «Да вот, рыбок едим». Учительница: «Как?» Володька: «А вот так». Опускает руку в аквариум, хватается рыбку и начинает её хрустеть. Учительница с визгом убегает. После побега учительницы пошли юноши от греха подальше гулять к Волге. По дороге откопали ещё одну бутылку «Перцовки», припрятанную Лёшкой. Только вот Лёшка не пил, а делал вид, что глотает. Некоторых развезло. Сашка Зарев свалился в овраг, на строительный мусор, на бетонные отходы из которых во все стороны торчала металлическая арматура. Но говорят, что пьяным везёт, Сашка даже не поцарапался. Дошли до Волги, отмочили Сашку в воде. Посидели на бережке, и домой. На грунтовой дороге, распластанный колёсами множества машин, лежал старый, рваный, промасленный ватник, отяжелевший от грязи и пыли. Лёшка поднял его и, обращаясь к Женьке Ламетину, сказал: «Женька, что же ты свой пиджак бросил? Ну-ка быстро одевай. Не совсем протрезвевший Женька, у которого болела голова и терзали желудок

разные позывы, послушно надел на чистую белую рубашку этот рваный грязный ватник и в нём отправился домой. Что там было с родителями, конечно же, совсем не сложно себе представить. Попало и хорошо за эту выпивку на вечере всем, кроме Лёшки, он отговорился тем, что сам он, вроде, совсем не пил, а весь вечер, якобы, пытался отговорить от этих пагубных действий остальных. Вот так этот индивидуум и развлекался.

Многие с облегчением вздохнули, когда папу Треухова перевели на работу в Москву, с повышением. Лёшка в это время заканчивал девятый класс. Говорили, что в Москве Лёшка долго вёл богемный образ разгульной жизни. Потом получил диплом и стал врачом. Хотя какой может быть врач из особы, презирающей людей? Лучше конечно, если бы его в нашем городке совсем не было, но из песни слова не выкинешь.

15. Вокруг танцев

Где происходили они, эти танцы? Ну, конечно же, в клубе «Гидростроитель». В школе тоже танцевали, но это как-бы танцы кулуарные, а в клубе для всех. Нельзя, конечно, нынешнее понятие этого действия полностью перенести на то время. Танцы, да не совсем танцы. Тогда в это определение вкладывалось гораздо больше. Итак, клуб.

Строили его, как и все дома городка, заключённые. Говорят, что проектом и созданием зрительного зала со сценой занимался маститый профессор-акустик, которого угораздило присесть по 58-ой статье. И, удивительно, на небольшой сцене клуба достаточно было в любом её месте сказать шёпотом фразу, и её прекрасно слышали зрители с любого кресла в зале. Войдя в клуб, посетитель попадал в фойе, по обе стороны которого две комнаты, в разное время разного назначения. Чаще они использовались, как гардеробная. За фойе просторный высокий светлый холл с массивными колоннами и гипсовой лепниной. За холлом зрительный зал на 334 места с двумя выходами в лес. В основании зала сцена с кулисами, занавесом, подъёмным киноэкраном и двумя гримёрками. Почему 334 места? Восемнадцать рядов по девятнадцать мест почти в каждом, кроме четырнадцатого и пятнадцатого рядов, в них восемь

мест сожрали две массивные колонны, подпирающие кинобудку с проектором.

Примерно раз в одну или в две недели на клубе вешалась афиша: «Состоится торжественный вечер, посвящённый такому-то событию и тому-то мероприятию. По окончании танцы. Работает буфет». До торжественной части суровая буфетчица обслуживание посетителей не производила, но на вопросы об ассортименте подробно отвечала. Иногда буфет был один и располагался в холле. Иногда буфетов было два и тогда второй, с лимонадом, пирожками и кексами, работал в фойе. Обычно торжественная часть шла не долго: от сорока минут до полутора часов. Доклад, поздравление передовиков труда, нередко вручение почётных грамот и публичное объявление благодарности отличившимся товарищам. А вот потом танцы. Посетители сами быстро раздвигали по стенкам деревянные кресла зрительного зала, освобождая для танцев свободное место в центре. В холле только танцевали и топтались у буфета, а в зале кто танцевал, а кто, сидя вдоль стен, вёл душевные беседы и наблюдал за общим весельем. У буфета шумно и людно. Если берёшь сто граммов водки, то должен обязательно взять бутерброд на закуску. Если два по сто в один стакан, то надо брать два бутерброда. Бутерброд представлял собой кусочек хлеба с ломтиком масла, а сверху варианты: или два кусочка колбаски, иногда и сырокопчёной (но это очень дорого), или шматочек сыра, или лежащие головками в разные стороны три килечки с двумя кружочками репчатого лука. Какие ещё были разносолы и разнообразия в меню буфета, теперь не вспоминается. Для дам продавался портвейн или вермут. О сухих винах тогда и не слышали. По отзывам дам, портвейн был предпочтительней, а вермут попротивней и повонючей. Бывало пиво, но не часто. Дефицит всё-же в то время. Вот лимонад был всегда и всякий: и крюшон, и ситро, и крем-сода.

А музыка на танцах тогда была живая. Настоящий оркестр с огромным репертуаром. Оркестр или сидел на сцене и играл на два помещения — зал и холл, или, если танцы были только в холле, то там и располагались музыканты.

Блистали мастерством на танцах, конечно же, штатные участники местной художественной самодеятельности.

Остальные жители присматривались к ним и тоже через какое-то время становились способными не осрамиться на танцевальных подмостках. Это сейчас в клубах всё больше молодёжь, а тогда посещали вечера люди самого различного возраста, потому-что всё интересно, познавательно и радостно. Иногда было так: торжественная часть, потом концерт, потом танцы. А иногда: торжественная часть, а потом бал-маскарад. Но почему-то на бал-маскарад никто, кроме мелких школьников, ни маскарадных костюмов, ни масок никогда не одевал. Зато все на маскараде, во время танцев, с удовольствием играли в «почту», прикрепляя на левую сторону одежды кружочек с номерком. Все весело переписывались с кем ни попадя, а «почталыоны» не успевали бегать, разыскивая адресата. Курили мужчины перед клубом и в лесу за клубом. Тут же выпивали спиртное из магазина, без наценки. Тут же, нечасто правда, выясняли принципиальные отношения. Для пресечения нарушений время от времени к ним подходил местный милиционер, но его все знали и не стеснялись.

В стране происходили занимательные вещи. Во второй половине пятидесятых годов известный волюнтарист дорогой Никита Сергеевич на одну треть сократил наши родные советские вооружённые силы. Уволенные из армии солдаты и даже офицеры разбрелись по необъятным просторам нашей общей Родины. Добрели отставленные солдаты и до нашего городка. Добрели, а потом забрели в клуб, на танцы. Были они добротны разгорячены известным напитком, и потому затеяли свару с местной молодёжью. Кто был прав, и были ли вообще правые в той ситуации, неизвестно. Только состоялась грандиозная драка. Сначала мощное рукоприкладство шло на площади перед клубом. Затем кто-то из демобилизованных ударил то ли ножом, то ли штыком местного парня. Тут всё закипело. Дембелей загнали на чердак жилого двухэтажного дома по Комсомольскому шоссе. Одни пытались с боем взять чердак, другие оборонялись арматурой, брусьями и стропилами. С крыши летели листы шифера, на одном из них сидел побитый обороняющийся. На усмирение, в помощь милиции были привлечены войска. Военные разнимали, разводили арестованных по камерам и развозили раненых по больницам. Поймано было до семидесяти человек из тех, что принимали участие в драке. До двадцати человек

получили реальные сроки, до сорока человек ранения различной степени тяжести. Потанцевали.

В клубе, после того, как завершилось строительство ГЭС, сошли на нет торжественные вечера с поздравлениями и награждениями. Теперь на афишах писали: «Концерт художественной самодеятельности (или спектакль), а потом танцы». После танцев провозаались долго. Есть куда пойти в городке. Можно гулять по пустынным улицам и переулкам, можно спуститься к Волге, можно долго сидеть на скамейке в скверике недалеко от неработающего фонтана, постоять у подъезда девушки, которую провожаешь. Можно встретить рассвет. Но это всё летом. Зимой хуже и холоднее, но тоже романтично. А в клубе исчезли из холла и фойе буфеты. Тот старый великолепный оркестр постепенно хирел и мельчал. Всё чаще танцевальные пары стали кружиться и топтаться только под баян или аккордеон, а потом под магнитофон с колонками. Время от времени создавался новый оркестр, репетировал года два или три, потом распадался и, вновь танцы довольствовались музыкальными пластинками и магнитной лентой. Вот и Марь Ванна уехала с семьёй из городка. Художественная самодеятельность постепенно стала не художественной, а потом почилла вообще. Время от времени проводились просто танцы. Приезжали на них, в основном, городские. Местные приходили только подраться и показать, кто здесь хозяин. Милиция вроде боролась с этой агрессией, а вроде и нет. В семидесятых годах эти жалкие танцы прекратились совсем. Клуб работал только как киноточка. Но вот и клуба не стало. Осталась только память.

16. Игры, хулиганства и развлечения

Как это замечательно, участвовать в интереснейших массовых играх. Не просто интересно, но и полезно. Мальчишек и девчонок в пятидесятые годы в городке было пруд пруди. И если ты целый день играешь в сообществе, не отвлекаясь, стараясь на результат общего дела, то обязательно полученные навыки пригодятся в последующей взрослой жизни. Игра «казаки-разбойники», всегда переходящая в ожесточённую войну советских героев с фашис-

тами. Здесь все были только русскими, и никто не был немцем, но между собой каждая группировка считала противоборствующих явно оккупантами и завоевателями, которым надо твёрдо показать, кто в стране гегемон. Вначале игры одни прятались, а другие искали. Но походи-найди врага среди леса, оврагов, холмов, лощин и строений. Поэтому вскоре одним надоедало прятаться, а другим искать. В результате две группы сходились в открытом и, по возможности, честном бою, подальше от домов и посторонних глаз. Были эти бои и продолжительными, и не очень, до первой крови у трёх-четырёх воинов. Оружие — это деревянные мечи и щиты, которые пацанам заменяли круглые деревянные крышки от кадушек для засолки огурцов и капусты. Раззадорившись, в сердцах, некоторые особи швырялись камнями и реально попортили много бровей и носов. Для усиления своей значимости мальчишки часто приносили и пришивали к рубашонкам погоны отцов и родственников, что были в домах или оставались от войны. Но здесь прослеживалась явная несправедливость по отношению к реальной значимости юного бойца и к его статусному положению в войсковых рядах. Например, был он командиром всего отряда разведки, а погоны достал только ефрейтора. Или простой пацан — боец, ничем не выделяющийся, да притом трусоватый, а принёс погоны майора. Непорядок. Поэтому военные погоны, по общей договорённости, спорили, а завели маленькие из гладких дощечек с нарисованными знаками различий. Но через короткое время все стали генералами и маршалами. В результате погоны вообще отменили. Драки эти длились года три, а потом прошли. Все стали играть в «знамя». В игре две группы стараются отобрать друг у друга длинную палку, олицетворяющую священный стяг, забегая через черту на территорию противника и пытаясь перетащить палку на свою половину. Если вернёшься к себе, то ты уже неприкасаем. Прикасаемо только знамя, которое ты принёс. Теперь твоя группа обороняет его. А вот у противника тебя ждут физические неприятности. Со временем «знамя» плавно исчезло из перечня игр, и все стали прыгать в «отмерного козла». Это игра такая. Кто-то «козёл», и стоит, одиноко наклонившись. Играющие выстраиваются цепочкой. Первый перепрыгивает «козла», делается черта там, где его нога коснулась земли. Все повторяют пры-

жок. «Козёл» переходит на то место, где первый прыгун приземлился. Теперь от главной прыжковой черты все с разбега прыгают через «козла», не заступая черту. Если все перепрыгнули, то «козёл» отходит ещё дальше, все прыгают опять. И так далее, пока кто-то его не собьёт, или не размажется на этом «козле». Сбивший игрок становится «козлом», и так до полной темноты.

Зимой шли массовые катания за автомобилями на нака-танных дорогах. У каждого уважающего себя пацана был собственный крюк, согнутый из гладкой арматуры (перфорированная так ловко не изгибалась). К экипировке полагались подшитые валенки. Валенки обязательно должны были быть подшитыми — такие дольше не протирались. Ловко выскакиваешь из-за бугра на повороте, быстро цепляешь свой крюк за задний бампер проезжающего автомобиля и летишь по раскатанной дороге, вслед за машиной, как ветер. То-то поражались взрослые, что так быстро становятся дырявыми подошвы валенок, недавно добротны и аккуратно подшитых. Очень странно, но серьёзно ни один из катальщиков за всё время не пострадал. Правда, некоторым доставалось, но в основном словесно, от водителей.

Летом практиковались прыжки по веткам в лесу. Надо было, как Маугли, перенестись по воздуху с ветки на ветку, крепко перехватывая опору руками. За высший сорт считалось перепрыгнуть на конец ветки, чтобы она согнулась под тяжестью тела, и ты геройски плавно опустился до земли. Редко это удавалось. И только сейчас возникает вопрос: а зачем?

Весной в городке разливались обильные лужи. Что, странно? Сейчас весной их нет. А те лужи детства были огромны и глубоки: где по пояс, где по грудь. Наступала замечательная пора строительства плотов. И из чего их только не сколачивали. Некоторые плоты, что посерьёзнее, плавали надёжно и вмещали несколько человек. Были лёгкие, которые погружались в воду почти полностью, и стоять на них без резиновых сапог было проблематично. На плотках не просто плавали, на них воевали при огромном скоплении зрителей по берегам. Смотрели не только мальчишки, но и девочки. Естественно, каждый воин стремился показать свою доблесть и бесстрашие. Редкий мальчишка приходил домой с сухими ногами и штанами. Удивительно, но никто не простудился, не утонул и серьёзно не пострадал.

Летом многие играли в городки. Родители ругались. У них, на чурки для городков, были перепилены все ручки лопат, граблей и тяпок. Играли также (а это совместная игра мальчиков и девочек) в «штандр». Все встают в круг. Водящий бросает высоко вверх небольшой мячик и громко выкрикивает имя одного из игроков. Из круга в это время все разбегаются врассыпную как можно дальше, лишь названный обязан поймать мячик, который может и упасть и откатиться. Как только мячик пойман, несётся крик: «штандр». Что за штандр, никто никогда так и не узнал. После публичного провозглашения этого странного слова, все резко замирают на том месте, где этот вскрик их застал. Водящий имеет право сделать три шага или три прыжка по направлению к выбранной жертве, а затем он должен попасть мячом в объект своей охоты. Как только он пулнёт мяч, все сломя голову бегут в круг. Если жертва выбита мячом, поверженный становится водящим, но он быстро должен мяч подобрать и крикнуть сам: «штандр». Если кто за это время до круга не добежал, тот может на предыдущих условиях быть выбит новым водящим. И так далее. Играли часто в «чижик», для чего делался из чурочки прямоугольный «чижик» заострённый по концам, а из доски лопаточка, как для лапты. Вечерами подолгу и массово играли в вышибалы мячом. В этой игре чаще точнее и увёртливее оказывались девочки, а поэтому мальчишки порой говорили, что они предпочитают другие занятия. Нередко эти занятия переходили в хулиганство или с ним граничили. Шпонками стреляла лёгкая рогатка из алюминиевой проволоки с тонкой резинкой, вытянутой из более широкой резинки от трусов. Шпонка — это согнутый буквой V кусочек той же алюминиевой проволоки. Если засеть в канаве за забором, в подвале у кинобудки, или спрятаться за киоском с мороженым и газводой, то можно незаметно обстреливать прохожих. Это называлось «шухарить». По хвастливым рассказам стрелков, кто-то выбивал у дяденьки папироску изо рта, кто-то больно попадал тётеньке по заднице, кто-то даже разбил, якобы, кому-то очки. Но то, что иногда стрелков догоняли, и то, что им конкретно попадало, это непреложный и реальный факт. Однажды пацаны спёрли где-то целую бухту сталистой пружинистой проволоки. Пытались распусить бухту, но проволока пружинила, выскакивала много-

численными кольцами, тут же путалась и молниеносно росла в объёме. Уставшие распутывать проволоку пацаны, понесли этот безобразный комок в овраг. Переходя дорогу, они испугались идущей навстречу машины и бросили проволоку на проезжей части. «Запорожец» вошёл в проволочные дебри весь. Он дёргался, и всё больше и больше запутывался. Долго обсуждали этот эпизод в городке. Водитель, которому только с помощью сердобольных граждан удалось выпутаться из заточения и, увы, лишь через несколько часов, в озлоблении подал заявление в милицию. Там и поставили милиционеры на учёт двоих мальчишек, но все в городке знали, что было то их восемь. Обиженные пацаны стали чаще вредить шофёрам (так тогда называли водителей). Например, зимой по бокам дороги устанавливали по большому снежному кому, а на них, поперёк дороги, клали бревно, типа столба. Несколько раз грузовики врезались. Но виновных так и не нашли, хотя искали. Наученные горьким опытом, мальчишки хвастать и болтать перестали, хотя и хотелось.

Очень раздражали население городка дикие голуби. Развелось их множество, жили они практически на всех чердаках и гадили на всё, что ни попади. Подростки постоянно собирали голубиные яйца и метко бросались ими. Обычное дело: выбегают ученицы на переменке на школьный двор поиграть в классики и попрыгать через скакалку, а возвращаются в класс все обляпанные голубиным желтком и белком, со скорлупой на форменном платье. Кто бросал эту мерзость из чердачного окна, разве разглядишь, да и не признаются, вон все мальчишки сидят скромно и готовятся к уроку. Однажды Женька Ламетин решительно подшутить над Володькой Кушаковым. Набрал полную горсть голубиных яиц, подошёл к дому Володьки и постучал в окошко его комнаты, а сам присел пониже, спрятавшись. Окно растворилось, и Женька с размаху шлёпнул яйцами и повозил по лицу выглянувшего человека. Оказалось, что это мать Володьки. Ах, какой был незабываемый скандал. Долго ещё Женька не отваживался навестить своего друга.

По вечерам лазали мальчишки и девчонки друг другу в сады. Неинтересно есть яблоки, которые выросли на своём участке, гораздо вкуснее и увлекательней, если у

одноклассника. Можно залезть и вместе с ним, но как бы тайком. Особую харизму приобретал тот набег к соседям, где хозяева возмущались, кричали, грозили и скандалили. Да и поедать потом совместно завоёванные дары природы, согласитесь, занимательнее, чем у себя дома в кругу семьи.

Бывали в городке и абсолютно дурацкие выходки. Однажды Лёвка Крайгер совершил небывалую гадость. Шептались, что подговорил его к этому Лёшка Треухов, но доказательств не было. Лёшка, как всегда отрицал, а Лёвка молчал. Суть события: поздно вечером Крайгер через заранее открытое окно забрался в школу, прошёл на второй этаж, проник в учительскую. На зелёное сукно в центре огромного стола, за которым обычно учителя обсуждали животрепещущие проблемы, он цинично навалил по-большому и немало. Потом убежал. В тот же вечер, не выдержав, стал хвастаться перед сверстниками, подчёркивая свою лихость и нетрадиционность поступка. Никто его не понял и не восхитился, но настучали, и авторство содеянного перестало быть секретом. Лёвку с позором исключили из школы на две недели и поставили на учёт в органах милиции, а девчонки долго дразнили его странным словом: «Гадюшник».

Однажды зимой небольшой автобус был забросан подростками снежками и кусками спрессованного снега. Разбилось заднее стекло, это уж явно не от снежка. Водитель схитрил. Он, вроде бы, уехал, но потом неожиданно вернулся. Остановился, вышел и предложил пацанам отвезти их по домам, якобы у него полно времени и он не знает, чем заняться. Пацаны с шумом и гамом набились в автобусик. Но коварный шофёр отвёз их всех в милицию. Долго, почти до утра, выковыривали из заточения своих сыновей расстроенные родители. У Кольки Желтухина отец служил капитаном в системе МВД и преподавал офицерам боевое САМБО. Для него поведение сына стало настоящим ударом по престижу. Он взял машинку для стрижки волос и собственноручно остриг своего лопухого сына наголо. «Пусть все видят, что ты находился в заключении» — изрёк бравый папаша, капитан. Бедный Колька почти три месяца ходил в школе в зимней шапке с опущенными ушами. Так и на уроках сидел. Очень он боялся, что его лопухость заметят девочки, не понимая,

что шапка только привлекает ненужное внимание к его торчащим ушам.

Школьники с помощью учителя труда и шефов собрали грузовик полуторку из битого варианта. Шефы выделили автобус. Двадцать лучших школьников старших классов школы уложили в грузовик вещи и матрасы, и два этих автомобиля повезли счастливицов под присмотром трёх учителей на целую неделю к Чёрному морю. Всё бы ничего, но в мелком лимане (местные показали, а наши нашли) обнаружился почти полностью затонувший во время войны немецкий катер. Тайком ныряли, тайком сняли с борта восемь противопехотных мин. Слава Богу, хоть без взрывателей. Взрыватели потом сделали сами. Мины скрытно зашили в матрасы и благополучно вывезли с морских берегов в наш городок. Прятали умельцы мины на чердаках двухэтажек городка. Взрывали мины по очереди, в течение двух лет. Командовал подрывами мин и их техническим обеспечением Генка Зайдёнов. После четвёртого взрыва милиция стала усиленно искать столь серьёзные боеприпасы. Но так и не нашла. Последнюю мину Генка взорвал зимой на льду, страшно напугав рыбаков, которые метрах в трёхстах от взрыва тихо и мирно сидели с удочками около лунок. Польшья получилась огромная. А Генка в том же году поступил в престижное военное училище. Благополучно выучился, как положено, потом закончил академию, успешно отслужил и вышел по возрасту в отставку в генеральском звании.

17. Волга

Вообще-то в моём описании это две разные реки. Одна, которая была до перекрытия русла плотиной, и вторая — после окончания строительства ГЭС. По справедливости, была ещё одна, когда Волгу только перекрыли, но это было совсем недолго. Итак, в порядке очерёдности.

Узкая, первоначальная Волга быстро текла у самого подножья средневысоких гор «Жигули». Правой стороной русла река омывала горы, а левая сторона плескалась вблизи старинного патриархального городка, который потом взяли и перенесли на другое место. В той Волге была прозрачная вода, которую запросто носили домой вёдрами и

спокойно пили. Водилось в реке множество рыбы, настоящей, качественной, огромной, самых разнообразных сортов. Это вам не «шелупонь», что плавает в современных водах, которые вонюче «зацветают» каждое лето.

В 1954 году у одного ставропольчанина сдох большой белый домашний гусь. Мужики решили его использовать как насадку для трофейной рыбной ловли. Вместо крючка приспособили металлический крюк от изоляторного керамического белого ролика, что держали электрические провода на столбах. Крюк под нагревом выгнули соответствующим образом и напильником нарезали на нём необходимое цевьё с зацепом. Гуся подержали на солнце, чтобы подтух, как следует. Рыбаки привязали к крюку металлический тросик, на крюк насадили дохлого ароматного гуся и забросили снасть в Волгу. Через день поймалась огромная белуга. Сколько она весила — неизвестно, никто не взвешивал, но по длине в кузов грузовика полуторки белуга не уместилась. Пришлось её двуручной пилой перепиливать надвое. Крови было... Погрузили в кузов двумя частями. Куда увезли? Куда дели? Не знаю.

Так вот, та Волга была прозрачной, быстрой и не очень широкой. С левой стороны города протекала ещё одна узенькая речка Воложка — рукав основной Волги. На ней не рыбачили, разве иногда пацаны — в Воложке лишь рыбная мелочь. Может, поэтому эта Воложка как-то людям не запомнилась. Во время перекрытия плотины, до окончательного пуска ГЭС, Волга не спеша разливалась, бурля и постепенно подкрадываясь к теперешним устоявшимся очертаниям берегов. Ох, и рыбы же было в реке в то время. Немеренно. Рыбачили все. Клевало на всё. На хлеб, на червя, на кузнечика, стрекозу, бабочку, майского жука, на личинку, на зерно, на кашу, на зелёный листик. Васька Бритов однажды поймал краснопёрку на окурочок. Покуривал Васька. Забрасываешь — тянешь. Забрасываешь — тянешь. Корзинами, ведрами, мешками, майками и рубашками таскали рыбу наверх в гору в городок. Всего один год. На следующий год похуже. Клевало, но уже не так обильно. Потом всё. Качественная рыбалка переместилась в места ниже плотины. Это уже не территория городка.

Река устоялась, превратилась в море шириной восемь километров. Течение замерло и осталось только на фарва-

тере. Застойные воды стали «цвести» противными плотными зелёными водорослями, каждый год в июне и в июле, пачкая купающихся граждан и издавая противный запах. Зелень эту носило ветром от берега к берегу. У рыбы забивались жабры, да и осталось этой рыбы в море непристойное для настоящей рыбалки количество. После образования моря мели возникали то в одном, то в другом месте. Потом всё стабилизировалось. В разные годы в море всегда был неодинаковый уровень воды. В годы, когда воды было много, напротив городка торчало из водной глади два острова, друг за другом. Когда воды было мало, вслед за ними появлялся третий песчаный остров, ровно в том месте, где в старом Ставрополе стоял «Курзал» (Курортный зал). Доплыв до третьего острова, можно было пособирать появляющиеся из под песка старинные раритеты. Кому-то везло, но чаще нет. Был ещё остров в километре от этих, если стоять лицом к Волге, то справа от них, на том месте, где была окраина города, ушедшего под воду. Рядом с этим островом находилась блуждающая мель. В неё, бывало, втыкались килевые яхты, в темноте возвращающиеся на свою базу. А левее третьего острова, на расстоянии половины километра, в Волгу глубоко вдавался длинный мыс, на котором был отстроен «Лесосплав». В то время вниз по реке постоянно гоняли огромные плоты из брёвен различных пород леса. Плоты были из связок по несколько брёвен, собранных в широкий настил на воде, и эти настилы, идущие друг за другом, вытягивались в длинную и гибкую кишку. Плоты, разделённые на секции, шлюзовались при прохождении через плотину и сплавлялись дальше. Гнал их небольшой, но мощный буксир. За очень длинными плотами присматривала пара человек, ночующих и питающихся здесь же, на плотах. На плотах горели их костры, и варилась уха плотогонов. У берега перед шлюзами и в устье реки Усы, плоты часто отстаивались, и тогда с них рыбачили мальчишки и взрослые, местные и приезжие. Рыба любила забраться под плот, там тихо и спокойно, не жарит солнце. Конечно же, и ловить рыбу с плота в проёмах между брёвен удобно и не затруднительно. Знай, прикармливай, да вытаскивай. Часть брёвен от плотов оставалась в городском лесосплаве. Здесь на полную мощность работали различные механизмы и электропилы. Изготавливались доски, рейки, планки и различные столярные изделия. Вокруг слоями лежали опилки и

древесная кора. Поэтому и рыбачить любили мальчишки рядом с лесосплавом. И костёр есть из чего сгношить, и рыба стоит под плотами и интересно наблюдать вблизи за производственной жизнью.

У городка было три пляжа. Один — основной, большой с жёлтым песочком. С одной стороны этот пляж подпирала бывшая земская больница (теперь это мужской православный монастырь), а с другой стороны пляж упирался в яхт-клуб, с дебаркадером, яхтами по берегу залива, эллингом и мостиком соединяющим залив с первым островом. Второй пляж был диким. Песок, корни деревьев, вонючка (слив канализации), и потом, в конце дикого пляжа — дорога на мыс, на лесосплав. Попозже, правее бывшего кладбища и памятника воинам, погибшим на войне (солдатам, умершим от ран в госпитале Ставрополя), появился третий песчаный пляж. Он был не столь широк, но очень длинен, и дорога к нему шла не по крутизне, а была более пологой. В шестидесятых годах его стали называть итальянским, так как рядом в больших палатках летом жили молодые дамы, которые встречались с итальянскими специалистами. Наверное, встречались для оказания лингвистических услуг. Итальянские специалисты строили автозавод и помогали осваивать импортное оборудование. Дамы же, под патронажем государства, оказывали посильные услуги, специалисты ведь приезжали без жён. Вот так к пляжу навсегда и приклеилось название: «итальянский».

На середине волжского фарватера ночью призывно мигали яркими вспышками света два бакена. У всех мальчишек была мечта: вплавь добраться до них. Но расстояние в шесть километров никто из них преодолеть так и не решился. Бури на море, в сильный ветер, разыгрывались нешуточные. Очень высокая поднималась волна. Не выпускались в рейс через море ни катера, ни теплоходы. Некоторые дурные головы выходили на личных катерах в бурю в море, на свой страх и риск, а потом их трупы искали солдаты по берегам. Напротив городка, чуть выше по руслу, с правого берега в море впадала река Уса. В своём устье была она шириной в два километра. На правом берегу Усы, на самом стыке с морем, белела гора «Лепёшка». Белела, потому что весь её бок был стёсан титаническим трудом заключённых. Получилась вертикальная площадка высотой метров в двести и шириной метров в двести

пятьдесят. Плоскость из белого известняка была видна плывущим по Волге за много километров. По правительственной задумке на этом месте должен был явиться проплывающим по реке огромный барельеф с профилем товарища Сталина. Но в 1953 году Сталин умер. Никита Сергеевич не горел желанием увековечить образ этого вождя, и все усилия закончились на фазе создания огромной известняковой плоскости. При Хрущёве стали планировать увековечивание на этом месте профиля Ленина Владимира Ильича, к столетию со дня рождения. По отвесной площадке на канатах лазали какие-то люди. Но потом всё затихло и замерло. Что-то там не так пошло. Осталось только белое пятно среди сплошной зелени. Вот роза ветров творит около этой «лепёшки» непонятное безобразие. Откуда бы ни дул в море ветер, при подходе к «лепёшке» ветер сворачивает своё направление, усиливается и несёт судно прямо на скалы. Все яхтсмены знают про этот казус. Но ранее несколько посудин разбилось о камни. Глубина воды под «лепёшкой» — десятки метров. Вся площадка горы отвесная, да и добраться от этих скальных мест до мест обитаемых сложно и долго.

В разное время суток, в разное время года, при разной погоде видно противоположную сторону Волги из городка абсолютно по-разному. То это ярко синие горы, то светло зелёные, то мрачные, подёрнутые пеленой, тёмно серые нагромождения, то просто коричневатая, расплывчатая хмарь, то непроницаемая для глаз дымка фиолетового цвета. То вдруг это яркая, сочная, резкая картинка природных богатств, как чёткая иллюстрация горной местности, на которой можно рассмотреть любую точку и чёрточку. То это буйство красок, как палитра импрессиониста, то мрачное чёрно-белое кино, причём больше чёрное.

Вновь разлившееся море натворило неприятностей. Проникло оно дальше, чем задумывалось, и размыло многовековое бывшее городское кладбище. Сохранилась только очень небольшая его часть с более поздними захоронениями, которые производились уже на горе. Но поддерживать сохранность этих могил руководство города не стало. Остатки памятников и крестов снесли, землю срывали, и места эти быстро заросли кустами буйной, бледной сирени. Образовались сиреневые заросли. Итак, основные захоронения вода размывала. Два года береговая

полоса песка была усеяна вымытыми из могил человеческими костями и черепами. Черепа разбирали мальчишки для игр и хулиганств, а кости просто валялись, никому не нужные. Лишь на третий год солдаты собрали по берегу кости, погрузили в грузовики и куда-то увезли. И долго ещё потом появлялись на песке отдельные фрагменты составляющих скелетов, но мало уже кто догадывался об их реальной принадлежности.

Купались все в Волге до самозабвения. Первые лет десять вода была более-менее прозрачной и практически не «цвела». Прогревалась она быстро и хорошо. У левого берега было довольно мелко и никаких тебе течений. Накупавшись до синевы, можно было быстро согреться в чистом тёплом песке, перемазаться в нём и снова в воду. Купались с июня и, практически, до сентября. То есть все летние каникулы. Детей родители купаться на Волгу отпускали, а кого не отпускали, удирали сами.

Если местные и рыбачили в этих, ставших малорыбными местах, на море, то в основном бреднем и по темноте, чтобы рыбнадзор не накрыл. Сети не ставили — мелко, да и яхты обязательно влетят в них. Рыбы попадалось всё меньше, и в семидесятых годах заходы с бреднем прекратились совсем. Местные любили по весне ловить раков. Как только в море начинал таять лёд, у берега появлялись закраины — места, свободные ото льда, с тёмной холодной и мрачной водой. По дну этих закраин ползали раки. Много их было в районе дикого пляжа. Длинная палка с маленьким сачком на конце, острый глаз, ловкие не мёрзнущие руки, резиновые сапоги, и можно за одно утро наловить до ведра вкусных и пока ещё ленивых раков. Сейчас и раков не стало.

Для экзотических впечатлений можно было на каком-либо судёнышке переплыть на другой берег Волги в одно из красивейших мест седых «Жигулей», ну скажем, например, в «Овечий овраг». Густые заросли, узкая тропинка в горы, аллея в плотном лесу, заросли орешника, масса редких растений, скалы, камни разнообразной окраски, удобные ровные площадки для палаток и костров. По весне клубки гадюк, греющихся на солнышке, на тёплых камнях. Манящая глубина рядом с берегом, суда, идущие в непосредственной близости по краю фарватера.

А на нашем левом берегу на горке построена была биологическая станция, как говорили, по исследованию и поддержанию речных богатств. Основал станцию знаменитый полярный исследователь Иван Папанин. Как успешно сотрудники исследовали эти богатства неизвестно, но вот огромная территория вокруг станции, усилиями её директора профессора Дзюбана, была засажена самыми различными и экзотичными растениями со всего мира, из самых разных регионов и ареалов обитания. Многие представители этой флоры сохранились и по сей день. Теперь это уже не станция — это научно-исследовательский институт экологии с тремя большими корпусами и соответствующим штатом сотрудников. Вот только вода как «цвела», так и «цветёт». Скажу по секрету, «цветения» этого стало даже больше. Да и измельчавшей и поредевшей рыбе лучше не стало. Медленно течёт Волга мимо нашего городка, озеленённая, замусоренная и немножко грустная.

18. Поликлиника и пельмешка

На юго-восточной окраине городка непосредственно в лес упиралась обширная территория, отгороженная красивым забором. На этой гористой площади красиво разместилась солидная местная больница. Пять массивных двухэтажных зданий и одно длинное одноэтажное. Внутри, в каждом двухэтажном здании было от тридцати до сорока отдельных комнат-кабинетов. Одно здание, стоявшее выше всех на горке, получило статус поликлиники. Здесь разнопрофильные врачи-специалисты вели приём страждущих посетителей. Был современный на то время рентгенкабинет, был кабинет детского врача, тут же и зубной врач, рядом гинеколог, и терапевты, и хирурги, и ухо-горло-нос, и прочее, прочее, прочее. Быстро двигались медсёстры, солидно и стремительно проходили по коридору важные врачи, шуршала бумагами регистратура. В остальных зданиях располагались больничные палаты хирургии, терапии, роддома, помещения лабораторий и ещё чего-то медицинского. Так сложилось, что многие врачи и медсёстры жили тут же в городке и неплохо знали весь его контингент. Ну, а весь городок, безусловно, знал досконально всё-всё-всё про медицинский персонал своей поликли-

ники и своей больницы. Работал здесь прекрасный хирург Китаев. Специалист, прошедший недавнюю войну. Талантливо, быстро, аккуратно, ажурно и успешно делал он самые сложные и уникальные операции. Жаль, что перевели его позже в город Куйбышев. Рядом с магазином жила замечательная женщина — врач невропатолог. Ах, как любили консультироваться с ней по любому поводу дамы городка, у подъезда, в магазине, в клубе и просто вечером во время прогулки. А вот зубной врач со странным именем Ким Моисеевич, всегда давал повод для всеобщего обсуждения своих неадекватных поступков. Было Киму Моисеевичу, скорее всего, хорошо за восемьдесят. Но держали — специалист хороший. Зубы чинил великолепно, только вот память его подводила, и нередко. Заставит пациента открыть рот и предупредит, чтобы тот не закрывал его ни в коем случае. Сам уйдёт в соседние кабинеты и забудет про клиента. Попьёт чай с коллегами, разговориться. Глядь, бегают медсёстры, везде ищут Ким Моисеевича. Пациент возмущён, пациент в гневе, даже, бывало, кричит. Однажды этот старичок оставил во рту протезируемого застывать слепок гипса, на челюсти. Вышел, забыл, ушёл домой (жил он метров за семьсот от поликлиники), пообедал и лёг отдохнуть на свой диван. Лишь к вечеру нашла врача сердобольная сестра. Более тот пациент в порт-городской поликлинике не появлялся. Успешно врачом терапевтом много лет работала в местной поликлинике жена директора школы Вакалея Николая Ивановича — Тамара Андреевна. Может быть, поэтому руководство школы всегда знало, кто из учеников болеет, как сильно, надолго ли, а кто больной, практически, мнимый.

Постепенно времена менялись. Убрали из Порт-города больничные палаты и лаборатории, затем стали регулярно сокращать количество кабинетов специалистов и просто конкретных врачей в поликлинике. Досокращались до того, что теперь оставили в городке лишь одного терапевта, который принимает всего лишь в первой половине дня, только три раза в неделю. Во как.

Через дорогу, напротив больничного комплекса, в те же давние времена было возведено красивое одноэтажное замысловатое здание с колонами, двумя летними верандами по бокам, с помпезным залом, украшенным лепниной, с огромным вестибюлем, с рядом подсобных помещений и

с кухней. Это был первый ресторан городка, да и города «Лесная сказка». Непривычно и красиво здесь отдыхали после напряжённого трудового дня и строители ГЭС, и руководители различных рангов, и многочисленные офицеры, и первые студенты открывшегося филиала политехнического института. Официантки в белых наколках и накрахмаленных передничках сновали туда-сюда, звучала томная музыка, на верандах и в зале хлопали пробки открываемого шампанского, потели графинчики с водкой, пиво заливало вкус раков, темнели шницели, бифштексы и отбивные, утопая в гарнирах. Расходились не очень поздно. Завтра опять на работу. Провожали друг друга, жили то все вблизи. Весело разговаривали и пели. Песни были фронтовые, а ещё «Ландыши», «Мишка», «Ой, цветёт калина». Со временем ресторан сдавал свои позиции. Местные стали посещать его меньше, офицеры поразъезжались. Часто приезжали люди из города. Водители из окрестностей, рабочие из Комсомольска, торговые работники из Центрального района, шпана из Жигулёвска. По окончании срока работы ресторана, поздно вечером, местное хулиганье стало выборочно избивать некоторых, особо пьяных посетителей и отнимать у них оставшиеся деньги. Складировали избитых за забором скверика ресторана. Что было, то было, недолго, правда. Всех поймали. Некоторые преступники оказались учениками старших классов местной средней школы № 2. Был показательный суд в клубе «Гидростроитель». Одному, самому жестокому, дали восемь лет, двоим — по шесть, трём — по четыре, а пяти человекам — по два года лишения свободы. Пошалили. После этой эпопеи недолго просуществовал ресторан. Руководство города, непонятно почему, переформатировало бывший ресторан в «пельменную», сохранив название «Лесная сказка». Поначалу сохранялось обильное меню с супами, борщами, салатами, отбивными и прочим, помимо пельменей. В вестибюле работал буфет, в котором кроме закусок, можно было приобрести спиртное в ассортименте. Но с каждым годом перечень предлагаемых товаров, кроме пельменей, катастрофически редел и уменьшался, всё ближе прислоняясь к нулю. Постепенно исчезло и название «Лесная сказка». Правда,

пельмени пользовались непроходящей популярностью, как для жителей, заскочивших перекусить, так и для лыжников зимой, и для вечно голодных яхтсменов, бегущих под гору, или, наоборот, возвращающихся с тренировок.

Кому всё это мешало? Кому-то мешало. Снесли пельмешку. Исчезла пельменная вслед за клубом «Гидростроитель». А жители городка продолжают по доброму помнить и больницу, и клуб, и ресторан-пельмешку. Да и как не помнить свою молодость.

19. Рыночек и баня с парикмахерской

Был в Порт-городе и свой рыночек. Располагался он неподалёку от бани. На маленьком рыночке было два, тоже маленьких, магазинчика. Один торговал тканями и одеждой, а другой канцтоварами, игрушками и посудой. Ассортимент товаров обычный для тех времён и, конечно же, он оставлял желать лучшего. Но, тем не менее, тем не менее. Здесь женщины городка закупали крепдешин и креп-жоржет. Дорого ужасно. Никакого разнообразия расцветок. Но модно. Значит, надо. Здесь же зимой, по записи, продали жителям двадцать меховых муфточек. Счастливицы, которым они достались, гордо щеголяли этой деталью одежды на улице, на прогулках. Игрушки, предназначенные для радости местных детей, лежали на полках второго магазинчика и представляли собой следующий набор: Кукла-голыш, кукла «Маша» с закрывающимися глазами, пистолетик металлический (пистоны к нему надо было приобрести где-то отдельно), мотоцикл с мотоциклистом металлический, грузовик деревянный окрашенный, грузовик металлический с открывающимся кузовом, калейдоскоп, музыкальная то ли гитара, то ли балалайка, на которой надо крутить ручку для извлечения странных звуков. Всё. Позже завезли ещё дудочки. Это трубка с пятью отверстиями, надетая на свисток. Трубку отломал — свисток. Приставил на место — дудочка.

Напротив магазинчиков, большой подковой, обнимала территорию рынка пивная. Подкову создавали вокруг пивного киоска огромные бочки из-под пива, поставленные на «попа». Около бочек постоянно топтался мужской кон-

тингент, аппетитно отпивая пиво с пеной из кружек и полулитровых баночек, шелуша воблу и поедая раков в огромных количествах. Из бани, что находилась в пятидесяти метрах от рыночка, подходили помывшиеся граждане и с удовольствием присоединялись к мужской компании у бочек. Но что-то было не так в этой всеобщей эйфории. Поэтому в 1956 году рыночек закрыли, магазинчики снесли, бочки укатили в неизвестном направлении. Одиноко стало стоять бане. Кстати, о бане.

В городке только в индивидуальных домах были ванные комнаты. В двухэтажках и, тем более, в домах барачного типа имелись лишь туалеты и умывальники. Это уже на рубеже двух веков многие жители перечисленных строений стали организовывать себе ванную, мастерски пряча её под кухонным столом, или маскируя в коридоре. А тогда, ранее, поход в баню был приятным семейным ритуалом. Да и местная баня была хороша. Два отделения: мужское и женское. Чудесный ядрёный пар. Свежие пологи в парилке, чистые и пахнущие липой. Отдельные тазики и веники, которых на всех хватало. Мраморные скамьи в помывочной. Два мощных крана, для крутого кипятка и ледяной воды. За пять копеек можно было взять новую мочалку и унести её домой. Из шкафчиков для одежды, одежду никто и никогда не воровал. Но все запирали свой шкафчик смешным примитивным ключом, который одновременно служил и номерком. Ключ-номерок привязывали верёвочкой к ноге. Терялись, но всегда находились. Пацаны делали импровизированные лестницы и лазали к высоким окошкам женского отделения подглядывать. Только окна были покрашены матовой краской. Ничего им разглядеть, конечно же, не удавалось, но признаться в этом было нельзя. Поэтому, после завершения обзора, мальчишки многозначительно хмыкали, улыбались и сообщали, что успели увидеть очень многое, но предпочитают промолчать. Да и гонял их сторож безбожно. Попадаться было нельзя, стыда не оберёшься, вот и убегали, рвали штаны на заборах, и очень не скоро отваживались на повторный заход.

Вот буфета в бане не было. Почему? Не было и всё. Никогда. Зато была парикмахерская. Мужской зал, конечно. Стриг и брил очень примечательный человек. Тоже фронтовик. Прошёл всю войну, и всю войну работал по своей профессии. Но, скорее всего, время от времени при-

ходило и ему брать в руки оружие. Свидетельствовали об этом пять боевых медалей, которыми Семён Максимович чрезвычайно гордился, одевал их во все праздничные дни и в выходные. Считал он себя непревзойдённым специалистом парикмахерских дел и сам решал, однозначно, как надо стричь клиента. Правда, в начале общения с любым посетителем он делал, как сказали бы сейчас, сложный маркетинговый ход. Давал клиенту пухлую потрёпанную книжку, в которой были чёрно-белые фотографии разнообразных причёсок. Мужская завивка, набриолиненные гладко зачесанные волосы с широченными проборами, сложнейшие укладки с волнами, высоченные «коки» волосок к волоску и многое другое. Семён Максимович предлагал клиенту выбрать тип причёски, и, после выбора, стриг его под «бокс», или под «полубокс». Мальчишек, вплоть до четырнадцати-пятнадцати лет он стриг или под «чубчик», или наголо. Врать не буду, попозже он освоил ещё и «канадку» и «ёжик». Но это был уже высший пилотаж. Постарел Семён Максимович, вышел на пенсию, и парикмахерская сразу закрылась навсегда. Да и баня стала работать по-другому. День мужской, день женский. Два дня выходных. Потом баню купили, потом перекупили, потом ещё раз. Нет теперь бани в городке. Другие теперь достопримечательности.

20. Не очень приятная тема

Если жить в индивидуальном доме, да и ещё поблизости от леса, то вы обязательно столкнётесь с посещением вашего жилья мышами и, если совсем не повезёт, то и крысами.

Да, все жители индомов и коттеджей городка всегда боролись с мышинным засильем. А как бороться? Бороться надо упорядоченно. Самый лучший способ — это завести любимого кота, или любимую кошку. Вот и разгуливали по городку представители кошачьей породы и пушистые, и гладкие, и рыжие, и чёрные, и сибирские, и полусиамские. Обязательно дрались, дико кричали по весне, постоянно попадали под проезжающие автомобили. Но без кошек хуже. А вот если нет кота, то осенью необходимо внимательно, со всех сторон, очень досконально осмот-

реть весь свой дом от фундамента до крыши. Все выявленные трещинки, дырочки, выбоинки, проёмчики, щели и прочее, необходимо тщательно замазать цементным раствором, или плотно заткнуть репейником расторопши в обилии, произрастающем вдоль дорог и тропинок. Правда, на следующий год репейник придётся обновлять, обязательно. Лучше уж сразу, цементом. Итак, от щелей избавились. Но кто его знает, почему и как, а только зимой мыши всё равно появляются в любом доме, живущем без кошки. Вот тут то и начинается неравная борьба. Мышеловки, клей, хитроумные устройства с приманкой, капканы, яды. Но полностью избавиться от серых грызунов не получается. Кстати, почему серых? Не совсем так. В городке они трёх типов. Серые, чёрные и, какие-то, коричневые с полосками на спинке, похожие на бурундучков. Этим последним знающие люди называли полевыми мышами. И сложности, сложности, сложности. Поймал в мышеловку — надо выбрасывать. Куда? Надо идти куда-то, подальше от дома, а тот пищит. А если мышеловка ударного типа, надо отскрести то, что осталось, опять же выбрасывать останки и начисто мыть все части этого агрегата. Поймал на клей, а она тоненько орёт и дёргается. Уноси так, чтобы не укусила. Приятного мало. Совсем плохо, если яд. Подохла мышь в укромном уголке, а ты потом по противному запаху ищи этот уголок и, опять же, выбрасывай, да подтирай место за уопшей. Так что, каким боком не поверни этот вопрос, а лучше кошки стража нет. Но тут тоже свои минусы. Привыкаешь к кошке. Очень уж они умные и ласковые. Любят хозяев. Становятся, в буквальном смысле, членами семьи. Только привыкли друг к другу, полюбили, она хозяев, хозяйва кошку. Несколько лет вместе и, вдруг попадает это гордое домашнее животное под автомобиль. И чего их носит через асфальтовую дорогу, куда? Туда-сюда, туда-сюда. Тяжело переживается подобная потеря. А если это происходит неоднократно? Редкая кошка в городке умирала своей смертью от старости. Некоторые кошки уходили из дома, как всегда погулять и, вдруг пропадали. Где и как завершился их жизненный путь, неизвестно. Но мыши из дома, при наличии в нём кошки, обязательно исчезали. Даже в том случае, если кошка мышей явно не ловила.

Гораздо хуже крысы. Пойди их поймай, или выведи, не всякому коту под силу справиться. Появлялись эти

особи нечасто, но появлялись. Виноваты в их появлениях любители разведения свиней. Оказывается, есть народное поверье: где свиньи, там и крысы. Слава Богу, любителей свиноводов было не много, но ведь были и такие. То ли крестьянское прошлое, то ли горячая предпринимательская жилка не давали спокойно жить некоторым обитателям городка. Очень им хотелось свиней. Строили сарайчики, заводили поросят, запасали и находили им корм, обильно кормили подопечных. Вот вычищали за свиньями навоз или нет, не знаю. Но только крысы вокруг заводились всегда. Заводились и приходили в соседние со свинарником дома. Зачем приходили? Наверное, познакомиться. Скакали по открытым форточкам, бегали по чердакам, прогрызались в подпол. Борьба с ними превращалась в настоящую войну, где все средства хороши. Крысы исчезали только через пару лет после отправки свиней на мясо и сноса свинарника. В одном из коттеджей, во дворе жила приبلудившаяся дворняжка, Бобик. Сам Бобик пришёл, сам остался, прижился и стал другом всей семьи. Был он сообразительный, с хитрецой, преданный и самоотверженный пёсик. Никакой цепи не признавал. Гулял сам по себе. Бегал во дворе и по всем окрестностям. Благодарный за приют, за то, что его приняли в семью, он постоянно, как посильную лепту, приносил какую-нибудь добычу на крыльцо ставшего родным дома. Так сказать, свою долю. То кусок колбасы, то надкусанную булочку, то селёдку, а однажды, поднатужившись, приволок, откуда-то свежую баранью ногу. Вот сосед, через два дома, завёл двух свиней. По окрестностям побежали крысы. Неожиданно выяснилось, что маленький, лохматый Бобик — отличный крысолов. Ловил он этих крыс, убивал и, конечно же, складывал на крыльцо к любимым хозяевам. Девять штук сложил, пришлось выбрасывать подальше. Зато никаких крыс в обозримом пространстве не было. А через несколько лет и свиноферма соседа, через два дома, существование своё прекратила. Трудозатрат много. Большое счастье, что в настоящее время свиней в городке никто не разводит и не откармливает. Вот такая тёмная сторона действительности, о которой редко пишут и с неохотой рассказывают. Больно уж тема неприятная.

21. Ледники, сараи, погреба

Ледник — это такое подземное сооружение, в котором более чем прохладно, даже в самое жаркое лето. Холодильников и морозильников-то сначала ни в стране, ни в городке ни у кого не было. В первом приближении, ледник — это глубокий, надёжно укреплённый погреб с песчаным дном. Размещался он обычно в одном из отделений сарая. Про сараи позже. Так вот, о леднике: в конце зимы, когда у льда ещё нет острой необходимости таять, умельцы профессионалы нарезали двуручными пилами огромные, большие и мелкие прямоугольники льда, и тут же у проруби торговали ими. Покупатель, кроме льда, обеспечивался на прокат смирной лошадкой, запряжённой в специальные сани для перевозки ледяных брикетов. Можно было бы грузовиком, да кто же его даст то, государственный грузовик? Да и водитель не поедет на лёд, к весне ближе. Так что, сани. Брикеты льда любого размера и специализированная доставка лошадью, по договору, с возможной погрузкой, разгрузкой и заполнением ледника. Массивные прямоугольники льда укладывались на песчаный пол заполняемого помещения. Более мелкие ледяные кирпичики ставились вертикально, по желанию в два или три слоя. Промежутки заполнялись мелкими кусочками льда. Иногда лёд сверху пересыпался крупной поваренной солью, чтобы избавить поверхность от способности к скольжению. Всю кладку обильно поливали водой. Особое внимание обращалось на заполнение углов ледника, так как именно оттуда начинается таяние. После загрузки лёд закрывался брезентом, или клеёнкой. Для лучшей изоляции поверх льда укладывался слой соломы, сантиметров в двадцать. Как альтернативный вариант, вместо соломы лёд можно было густо засыпать древесными опилками. Поверх соломы или опилок укладывались решётчатые деревянные слани. Всё. Лёд выделял холод. Подтаявшая вода постепенно уходила в песок. Холода и льда хватало на год, аж до следующей зимы. По стенкам ледника размещались широкие полки. Верхняя крышка была двойной и плотной. От мышей и, не дай бог, крыс. Лестница, по которой хозяева спускались в глубокий ледник, была прочной, надёжной, широкой и длинной. Внутри было холодно всегда, и продукты сохранялись великолепно. К потолку ледника подвешивались окорока, вяленая рыба, целые кочаны капусты,

тыквы, арбузы, если были в наличии и прочее. На полках размещались овощи, яйца в туесах, сало в холщовых тряпочках, картошка, морковь, свёкла в ящичках, банки с разносолами. Внизу, на деревянных подложках, теснились ёмкие бочонки с квашеной капустой, солёными грибами, мочёными яблоками. Охотники подолгу сохраняли в ледниках добытую дичь. Обычно ледники белили в два приёма свежешёной известью, которая обладала сильным дезинфицирующим свойством. Перед эксплуатацией все пазы, трещины и отверстия в этом рукотворном холодильнике заделывались глиной или цементным раствором. В тёплое время года помещение вентилировалось и тщательно просушивалось, конечно же, под неукоснительным присмотром. Что ещё? Да, полки для лучшего проветривания продуктов изготавливали из толстых реек, соединённых с зазором. При наличии у семейства хорошего ледника, всегда можно было вкусно поесть и запастись продовольствием впрок. Имело прямой смысл выращивание овощей и фруктов в огороде и в саду. Тем более, что магазины того времени изобилием продуктов не баловали.

Теперь о сараях. Их имели практически все семьи. На территориях приусадебных участков всех индивидуальных домов и коттеджей уж что-что, а сараи то были в обязательном порядке. О жителях двухэтажек и домов барачного типа позаботилось государство. Им централизованно были отстроены сараи, по одному на каждую семью. Они стояли в линейку в два ряда, в шести разных местах. В нашем городке каждая семья была осараена. Деревянные, из плотных струганных досок, под наклонной кровлей, крытой, где рубероидом, а где даже шифером. Сараи кто как хотел, тот так и использовал. Обычно, стандартно, было внутри три отделения. В одном отделении хранились хозяйственные принадлежности, дополняемые со временем различными аксессуарами и ненужным хламом. Во втором отделении был погреб, или чаще ледник. В третьем отделении кто-то хранил мотоцикл или велосипед, обязательно лыжи всей семьи и палки к ним, детские коляски и прочее. Некоторые разводили тут кур, реже кроликов, доходили и до свиней. Живность отгораживалась от улицы металлической сеткой. Некоторые держали в третьем отделении собак, а одна женщина завела экзотических индюков и цесарок. У сараев дамы, встречаясь, обсуждали

последние новости и поведение соседей, а мужчины кучковались, выпивали и закусывали. Некоторые незаконно-послушные граждане ставили в своих сараях на созревание бидоны с брагой. Из года в год в каком-либо из сараев случался пожар. Хорошо, что пожарная команда рядом. Более-менее вовремя успевали приехать пожарные машины. Да и местные грудью вставали на борьбу с огнём и реально помогали штатным огнеборцам. К концу двадцатого века стали сараи гореть чаще и результативнее. Увеличились площади выгорания. Дошло до того, что негоревшими остались лишь единичные сараи. Мало осталось этого типа недвижимости, предназначенной для личного использования гражданами существующих двухэтажек.

Теперь о погребах. Их обычно создавали непосредственно в индивидуальном доме или в коттедже, бывало и под гаражом. Сараи со временем или сгорали, или разваливались от ветхости, или сносились. С появлением холодильников и морозильников необходимость в ледниках или отпала, или уменьшилась чрезвычайно. Да и ходить в сарай, чтобы залезть в подпол, далековато, а зимой ещё и неудобно. Ледники исчезли, лёд никто не заготавливает, спала и острота необходимости заготовки продовольствия в объёмных масштабах. Стали в городке строить подполы (кто называл подпол, а кто погреб) под домом. Желательно под малоотапливаемым помещением: под прихожей, сеними, верандой, коридором и так далее. Кто как. Тут главное вентиляция, крепкие стены, кирпичный пол, невысокая влажность, выведенная наружу труба. Важны и правильное обустройство стен, пола, потолка, входной крышки, лестницы, всех мелких составляющих. Должны быть продуманы конструкции полок, бункеров для овощей, а также системы освещения. Хорошо если получился погреб просторным и сухим, с нормальным температурным режимом и качественным воздухообменом. Так и пришли на смену сараям с ледниками более современные погреба. У кого под домом, у кого под гаражом. Правда, люди стали чаще в подполы падать. У того ступенька подломилась, кто поскользнулся, кто в темноте оступился, у кого давление скакнуло в ту или иную сторону. Падали и бабушки, и дедушки, и прочие граждане не пенсионного возраста. Не обходилось без травм. Раньше в ледники падали реже. Может потому, что к посещению ледника готови-

лись заранее. Да, думаю, люди в то время и половчее были, и спортивнее. Новые же жители, которые, так или иначе, переселяются в нашу портовскую зону, погребями, обычно, пренебрегают.

22. Еда нашего городка

Шуршал листками календаря наш городок. Совсем недавно, казалось, была война и связанное с ней постоянное недоедание. Никого не миновали карточки на продукты и связанные с этим дороговизна, и отсутствие разнообразия пищи, а также повсеместный дефицит. Так было во всей стране. С 1949 года, а в основном с 1952 года, стали собираться в наши места различные специалисты и строители ГЭС — будущие жители городка. Первоначально все жили внизу, в Ставрополе, на съёмных квартирах, в специально собранных «финских» домиках, в бараках, на подселении. А вот начиная с 1952 года, эти люди плотно и надолго заселили вновь отстроенный, сверкающий свежестью и новизной, ставший родным Порт-город. Каким же светлым и радостным было то время. Нет войны, хорошая, добросовестно оплачиваемая работа. Уважение и почёт. Забота о людях чувствовалась во всём. В двух Порт-городских магазинчиках самые разнообразные продукты. В масштабах страны шло регулярное плановое снижение цен на продукты и промышленные товары. Весной каждого года с 1948 по 1954 год включительно, постоянно происходило снижение розничных цен от 10 до 20% на каждый из видов товаров. А вот потом никакого снижения цен уже никогда не было. Потом и по сегодняшний день цены только повышались. А тогда, тогда всенародная радость. Хлеб, мука, молоко, крупы, мясные и рыбные изделия, водки, коньяки, бензин, керосин, ткани, мануфактура и прочее, прочее, прочее с каждым годом становились всё дешевле и дешевле. Сейчас это выглядит как сказка, а тогда это была наша повседневность, с твёрдой верой в светлое будущее. Было за что уважать правительство. Не за слова, а за дела.

В наших двух магазинчиках продукты в то время были всегда, а их ассортимент, качество и разнообразие приятно удивили бы и современных покупателей. Да посудите сами: На прилавках стояли банки с чёрной зернистой осетровой

и с красной кетовой икрой. Банки по 1 кг и по 100 гр. Не хочешь большую банку, покупай икру на развес. Вскроют банку, отвесят и продадут. Стоила чёрная икра в 1955 году 180 рублей за кг. Это те прежние цены, которые были до 1961 года, с 1961 года шкала цен уменьшилась в 10 раз, но не совсем, так как фактически многие товары подорожали. А тогда рядом с большими банками находились и баночки поменьше с пастеризованной зернистой икрой по 28 и по 56 гр. Красная икра в то время была в два раза дешевле чёрной. Буханка ржаного хлеба стоила 1 рубль, а белого 1,5 рубля. Мясо от 12,5 до 15 рублей за кг. В городской столовой строители и специалисты обедали за 2 рубля, а если ещё брали дополнительно полстакана сметаны и пирожное, то за три рубля. Вечером в нашем Портгородском ресторане ужин на двоих с обильной и разнообразной едой, с вином и водкой обходился не более чем в 25 рублей. В то горячее время государство уже разрешило людям приобретать в личную собственность легковые автомобили и мотоциклы. Но это было так необычно. Скорее даже, очень непривычно и подозрительно. А вдруг за такую покупку что-нибудь да будет. Поэтому никто не торопился. А зря. «Москвич-400» стоил 9 тысяч рублей в старых ценах, «Победа» — 15 тысяч рублей, мотоцикл «ИЖ-49» — 2,5 тысячи рублей. Такие деньги у людей были. Но! Боязно. Некоторые покупали подержанные автомобили с рук, надеясь на послабление наказания за приобретение непривычной частной собственности. Через какое-то время немногие стали приобретать, весьма осторожно, новые авто. Никого не наказывали. Надо же? Только время уже ушло. Цены стали повышаться, предложения уменьшаться, выбор меняться, пошли очереди и прочее.

А как жили обычные люди в то время? По статистике, в 1955 году в семье из четырёх человек на питание уходило от 600 до 700 рублей в месяц. 150 рублей на оплату жилья и коммунальные услуги. 400 рублей на одежду, обувь, транспорт и развлечения. Около 300 рублей на книги, газеты, журналы, партийные и профсоюзные взносы, на различные налоги. Итого тратилось примерно 1500 рублей в месяц. Это заработная плата младшего офицера, или рабочего средней квалификации. Руководители, старшие офицеры, специалисты, ударники труда зарабатывали намного больше. Кроме того, в се-

мьях работали ещё и жёны, а со временем и другие члены семьи. Так что солидную покупку могли себе позволить многие, но чего-то побаивались и массово приобретали многочисленные облигации государственных займов. Зачем? И тогда смысловая обоснованность этого приобретения была невразумительна.

Чем же ещё радовали жителей городка россыпи товаров в те далёкие пятидесятые годы? Выбор колбас был не мал: чайная, докторская, телячья, особая, закусочная, баранья, ливерная, чесноковая и сырокопчёная (считалось, что дорогая). Производились колбасы из свежих качественных продуктов, и кушать их было позволительно даже язвенникам. Качество исчезло в семидесятых годах. Пошли добавки — крахмал, селитра и прочие гадости. По привычке, граждане считали колбасы продуктом деликатесным, хотя стоили они не намного дороже мяса, и на стол старались ставить их лишь в выходные и в праздники. Время шло, и колбаса постепенно стала включаться в ежедневный рацион семей. Вот мороженой рыбы, в том прошлом, не было совсем. Не производили, или не возили издалека, а может, холодильных мощных агрегатов не было. Зато было неисчислимое множество разнообразных рыбных консервов. Продавались запакованные в металлические и стеклянные банки, в масле, в томате, в маринаде: осётр, крабы, лещ, судак, шпроты, щука, сардины, печень трески, омуль, белуга, сазан, скумбрия, кильки, треска, камбала, консервированные раковые шейки. Всё вкусно, натурально и добросовестно приготовлено. Подороже крабы и осетровые, а остальное стоило очень дёшево. Брали жители городка эти консервы и на охоту, и на рыбалку, и на пикники. Со свежим хлебом да с зелёным лучком, замечательно, вкусно и сытно. И на стол вполне можно поставить во время семейного обеда. Тушёнки в продаже было много. Особенно ценилась армейская, без этикетки, банки её были в солидоле. Вытрешь, откроешь, а внутри одно мясо. Вкуснейшая тушёнка, с нынешней не сравнить. Появлялась прессованная ветчина, но ажиотажным спросом не пользовалась. Сыр в магазине приобрести было можно. Тогда самыми распространенными были российский и колбасный. Везде теснились плавленные сырки «Дружба». Появлялись и раскупались сыры пошехонский, голландский, швейцарский, костромской. Иногда «выбрасывали»

«Рокфор», этот лежал подолгу, непривычный очень, да ещё и с плесенью. Сардельки продавались, но не часто, чаще появлялись сосиски, но не так, чтобы всегда. Мясо говядина и свинина бывали в наличии, баранина реже. Но мясо всегда отпускалось в костлявом ассортименте, без выбора. Масло сливочное продавалось на развес, без подразделения на сорта и наименования. Всегда был комбиджир. О маргарине тогда слышно не было, и увидели его покупатели гораздо позднее. Яйца приобретались на рынке, или у соседей. Молоко в магазины завозили разливное и продавщицы наливали его покупателям в бидончики литровым черпаком. В металлических банках стояли на магазинных полках, тесно сгрудившись, сгущённое молоко, сгущённые сливки, сгущённое какао, сгущённое кофе. Многочисленные банки различных компотов, варений и джемов пылились и были мало востребованы.

Как в городке питалась обычная семья в то время? Стандартно на завтрак: яичница, детям обязательная манная каша (некоторые ели её с корицей), бутерброды с маслом, иногда с колбасой, кисель или чай. На обед обязательно суп. Перечень супов был такой: рассольник, борщ, гороховый, щи, зелёные щи с крапивой или со щавелем, куриная лапша, грибной, часто уха. На второе котлеты с картофельным пюре или макаронами, реже сосиски с зелёным горошком. Кисель, или какао, или чай. На ужин плов (тушеное мясо с рисом) или гречневая каша с мясной подливой, жаренный или отварной картофель, или пшённая каша, или голубцы, домашние соленья. Детям запеканки, лапшевники, компоты и кисели. По выходным, обязательно, пироги или пирожки. Если приглашены гости, то лепились, варились и подавались пельмени. В магазинах, в стеклянных банках всегда были в наличии консервированные концентраты — плотно набитые основы и ингредиенты щей, борщей, солянок, рассольников, свекольников и прочее. Разведи водой, прокипяти и ешь. Всё натуральное. Многие пренебрегали, а зря. Довольно вкусно и полезно. Лежали на магазинных полках брикеты самых разных каш, супов и киселей. В маленьких брикетиках продавались прессованные кофе и какао. Дети любили покупать их и грызть на досуге. Стоимость копеечная, а вкусно, в брикетике эти уже был добавлен сахар. Магазины овощи и фрукты в то время, были в продаже толь-

ко в консервированном виде: и вишня и черешня и абрикосы и слива и яблоки и груша, всё в стеклянных банках. За свежими фруктами и овощами пожалуйста на рынок, правда не факт, что они там есть. Мороженное в те времена существовало, и было этого мороженого три наименования. Молочное, сливочное ипломбир. Гораздо позже появилось фруктовое, крем-брюле, ленинградское и эскимо. Торты в городке пекли сами, а вот конфет, вафель и печений в продаже было много. Неотступным спросом пользовались карамельки «Раковые шейки» и «Гусиные лапки». Из шоколадных конфет в памяти остались «Мишки», «Мишка на севере», «Трюфели», «Красная шапочка», «Цитрон», «Буревестник», «Грильяж», «Кара-кум», «Красный мак», «Ну-ка, отними». Популярны были ириски «Кис-кис» и «Золотой ключик». Особенно нравилось пацанам подворовывать в магазине конфеты подушечки. Подушечки стояли в огромной картонной коробке прямо на прилавке в индомовском магазине, стояли и манили. Кто-то отвлекал продавщицу вопросами, а в это время один из мальчишек подбегал к коробке, зачёрпывал полную горсть подушечек и вихрем на улицу. Страшно, рискованно, но потом можно часами рассказывать о своей ловкости и отваге. Что там за горсточка у мальчишки, но финал положительный, так как долго тебя товарищи числят в героях. В то время дети городка, выбегая из дома играть на улицу, часто брали с собой большой ломоть чёрного хлеба, густо посыпали его сверху слоем сахарного песка, затем поливали этот сахар водой. Получался плотный, вкусный бутерброд. Можно было долго его есть и дать откусить другу и приятелю. Кто-то пустил слух, что сахаром лучше посыпать белый хлеб. Попробовали. Но окончательно, в качестве основы, всё же на несколько лет прижился хлеб ржаной.

В 1959 году правительство Хрущёва стало сокращать приусадебные участки деревенского населения. Были разгромлены и национализированы артели и сеть потребительской кооперации. Как следствие, колхозники продали или зарезали на мясо личный скот. Резко упали объёмы производства молока и мяса в государственном масштабе. Но значительного дефицита продуктов пока ещё страна избежала. Лишь в 1963 году появилась нехватка хлеба из-за засухи. Муку и крупу в городке стали выдавать раз в месяц по спискам и в ограниченных количе-

ствах. Как-то, вдруг, из продажи в магазинах стали последовательно исчезать сливочное масло, мясо, колбасы, рыбные изделия (кроме кальмаров в виде консервов), сыры, молоко, крупы, макаронные изделия. Резко сократился ассортимент хлеба, понизилось его качество. Меню в столовой стало удивительно скудным: на первое перловый суп, на второе котлета с минимальным содержанием отголосков мяса и максимальным количеством добавок. На гарнир жидковатое пюре, на третье прозрачный компот из сухих яблок, или светлый чай, практически без сахара. Кстати, о чае. Чай раньше продавался в пачках, россыпью и в плитках. Если в пачках, то внутреннее содержание было плотно завернуто в серебристую фольгу. Чай был грузинский и краснодарский. Если чай плиточный, то это большая, толстая, хорошо спрессованная масса, скорее всего отходов чайного листа. Были плитки или чёрного или зелёного чая, заворачивались они в бумагу безо всякой фольги. Настой из плиточного чая отличался большей крепостью и более тёмным цветом.

В середине семидесятых годов началась настоящая эпоха дефицита. В магазинчиках стояли только банки с зелёным горошком и подсахаренная вода в трёхлитровых банках под названием «Берёзовый сок». Потом исчез и зелёный горошек, но появились консервы «Морская капуста». Впрочем, к ним так никто и не привык. Мясо из продажи в государственной сети исчезло на несколько лет совсем. Иногда «выбрасывали» куриц, и это обеспечивало давку. Люди запасались продовольствием в других городах, преимущественно в Москве. Там, иногда, что-то можно было «оторвать». Вот все и берегли к семейным праздникам, или к Новому Году дефицитные продукты. В течение года, в укромных уголках, складировались шпроты, тушёнка, печень трески, консервированные болгарские овощи, майонез, растворимый кофе, конфеты, коньяк, шампанское. Тяжело с продуктами, но на праздник на столе были и салат «Оливье», и «селёдка под шубой», и винегрет. К ним присовокуплялись домашние соленья и маринады. Палочкой-выручалочкой в торжественные дни был холодец, который варили из костей от мяса, или из курятины. Существенно освежало стол заливное из рыбы, пойманной своими руками. Выпечку создавали сами. А что делать? Пищей студентов была килька пряного посола по цене 1

рубль 40 копеек за килограммовую банку (здесь и далее цены от 1961 года) и ржаной «Орловский хлеб. Этот хлеб в нашем городе стал выпекаться при довольно интересных обстоятельствах. Приехала на постоянное жительство к первому секретарю горкома партии (партия тогда была одна) его родная мать. Каким-то образом посетила она местный хлебозавод. Посмотрела на технологический процесс и ужаснулась. Так хлеб выпекать нельзя! Первый секретарь, а по совместительству сын, дал матери «карт-бланш» на правильную выпечку настоящего хлеба. Стала она обучать штатных пекарей выпечке добротного ржаного хлеба, а заодно и контролировала их на всех этапах производственного процесса. Сразу прославился наш город своим великолепным, вкуснейшим чёрным хлебом «Орловский». Буханочка была круглой, а вкус хлеба феноменальным. Нечерствели ломти несколько дней. Из Куйбышева, Сызрани и Ульяновска приезжали к нам специально за этим хлебом стоимостью 16 копеек. Закончу про студентов. Итак, покупали они вчетвером две буханки этого хлеба, килограммовую банку балтийской кильки пряного посола и пластиковый мешок пива. В то время пиво и покупали, и переносили в полиэтиленовых пакетах. Садись в общежитии вечером играть в преферанс. Всё перечисленное съедали и выпивали. Кто на прикупе, тот ест и пьёт, потом споласкивает руки и вновь за карты. Тот, кто проиграл больше всех, в следующий раз покупает пиво. Большой стимул для качественной игры. Выпускался круглый хлеб «Орловский» с 1964 по 1975 год. Умерла эта замечательная женщина, а с ней умер и выпуск уникального хлеба. Пытались повторить, но все результаты попыток были далеко не тем, что ожидалось.

Вот такая еда была в городке. Были и талоны на продукты, как и везде по стране, были и перегибы перестройки, и ещё много чего разного. Но вот наступила какая-то общая стабилизация. Теперь у нас, как везде. Но иногда вспоминаются и колбаса докторская, вкусная, за 2 рубля 30 копеек за кило, пакет молока пирамидкой за 16 копеек, водка «Столичная» с высоткой на этикетке за 3 рубля 12 копеек и центральная газета за 2 копейки. Всё это было и прошло. Долго не проходили установившиеся традиции. Во все времена существования нашего городка было непреходяще модно и приятно приглашать друзей, родню и

соседей в гости на какое-нибудь коронное блюдо, приготовленное собственноручно, с особенной любовью и старанием. В пятидесятые годы это были пельмени, в шестидесятые, чаще всего, шашлыки и фаршированная рыба, в семидесятые манты и плов, в восьмидесятые пицца и суши, утка в рукаве. А вот позже в гости стали ходить реже и дозированнее, разве что только на юбилеи да на Новый Год. Что делать? Другие времена, другие люди, обычаи и привычки. А всё же, вкусно порой заглянуть в те времена. Хотя бы мысленно и ненадолго.

23. Лётчики и другие

Перемешались в нашем городке самые разнообразные слои населения. Наиболее солидными выглядели руководители строительства, их разбавляли рабочие — передовики и просто рабочие, тут же жили государственные служащие, мастера, начальники участков, подразделений и управлений, отдельный клан работников снабжения, офицерские кадры различных званий и ведомственных принадлежностей, работники транспорта и диспетчерских служб, преподаватели и прочее, прочее, прочее. Среди всех особо выделялась группа лётчиков-фронтовиков. В своё время их лично набрал начальник строительства ГЭС из числа самых лихих и отважных пилотов, подлежащих отставке от армейской службы за воздушные хулиганства и неоправданные риски. Воевали то они очень хорошо, в основном это были лётчики-истребители, лишь двое из штурмовой авиации. Самолёты противника сбивали исправно. Вражеские цели бомбили и расстреливали точно и качественно, но вот в мирном небе им было тесно, и строгая дисциплина полётов действовала на них угнетающе. Таких вот воздушных асов и набрал на строительство ГЭС её начальник, генерал инженерных войск и генерал госбезопасности Иван Васильевич. Летали эти лётчики, если надо, в любую погоду, всегда. Нелётной погоды для них не существовало. Однажды командир лётного отряда Валентин Дьячков на своём «кукурузнике» за срочными документами улетел в Москву в такую бурю, в которую ни один корабль в море не выпускался. Улетел, прилетел и бу-

маги во время доставил. Самолётики у бывших фронтовиков были простенькие — АН-2, но послушные и любимые. И что только они на них не перевозили, для каких только неотложных нужд эта простая авиация успешно не использовалась. А боевые лётчики как были воздушными хулиганами (в хорошем смысле), так ими и остались. Сейчас бы сказали о них: «адреналину не хватает». Чего только они в воздухе не вытворяли, как не шалили и не безобразничали. Никогда не видел я столько боевых орденов сразу, сколько на груди у каждого из этих пилотов. А вели себя как дети, которым, ну, просто необходимо побаловаться. То заложит воздушный асс пике на большой пассажирский пароход и выйдет из него лишь в нескольких метрах над верхней палубой. При этом включает громкую сирену, пугая пассажиров, а при выходе из пике бросает на палубу охапку свежих цветов. То, включив сирену, «кукурузник» на бреющем полёте начинает гонять стадо коров по зелёному полю, смертельно перепугав и животных и пастуха. Кстати, за этот «подвиг» весь лётный отряд лишили премиальных доплат, так как две или три коровы от испуга перестали доиться. Часто лётчики по собственной инициативе катали на своих самолётах над городком детей и понравившихся им дам. А на праздники 1 мая и 7 ноября дети в очередь становились за возможностью полететь пассажиром на настоящем самолёте и сбросить сверху в бывший бомболюк на головы демонстрантов пачки листовок с праздничными призывами и прославлением партии и правительства. Вот так жили и работали пилоты. Жили полной грудью, работали более чем добросовестно. Ни один самолёт не разбился, да и серьёзных аварий не было. Фронтовики. Поговаривали, что весь спирт, который в отряде выдавался в качестве антиобледенителя, лётчиками и механиками полностью выпивался, но ведь и зимой прекрасно летали. Победителей не судят. Что правда, то правда, выпить пилоты и их обслуживающий персонал любили, сказывались, наверное, ежедневные фронтовые сто грамм (а то и больше). Но при полётах все были трезвы. Это закон.

Бывший истребитель дядя Паша Митрохин отличался маленьким ростом и вспыльчивым характером. После выпитого, он всегда брал в руки ружьё, поскольку находился в возбуждённом состоянии. Этим пользовались мальчиш-

ки. Соберутся поздно вечером и принесут череп с берега Волги, с размытого кладбища, насадят череп на палку, воткнут под окошко дяди Паши. В череп вставят свечку и зажгут её, а после громко тарабанят дяде Паше в окно. Тот, к вечеру обычно выпивший, глядь в окно, а там такие страсти. Обычно он хватал ружьё, распахивал форточку или окно и стрелял от четырёх до шести раз в воздух, потом выбегал из дома, опрокидывал палку с черепом и ещё стрелял по сторонам. Далее следовала громкая, длинная, отборно-матерная тирада, с перечислением всех неприглядных особенностей личностей, совершивших столь безобразный поступок, и с пожеланием им всевозможных кар и жизненных неурядиц. Через пару лет, после того, как черепа с берега стали исчезать, пацаны придумали использовать для столь знаменательного развлечения тыквы, которые поспевают в конце августа, в начале сентября. Очень хорошие «черепа» получались из сворованных тыкв. Дядя Паша всё-равно попадался и на тыквы. Потом это поколение развлекающихся мальчишек подросло, а у новых подростков были уже свои игры и заботы. Да и дядя Паша рано умер, в пятьдесят с небольшим. Пил много.

В 1958 году ГЭС заработала на полную мощность. Начальник строительства уехал к новому месту службы, возводить Ассуанскую ГЭС для арабов, и забрал с собой Дьячкова. Здесь же, у нас, количество самолётов сократили до одного. Оставили на нём летать самого спокойного, малопьющего и рассудительного пилота Дуева Ивана Максимовича, из бывших штурмовиков. Остальные лётчики пошли кто в отставку, кто на пенсию по выслуге. Прожили все они недолго, умирали быстро, один за другим. Дуев ещё долго продолжал катать детей и брать их на разбрасывание листовок. Потом ему это запретили. Летал только по неотложным хозяйственным нуждам. Бывшая огромная строительная организация сокращалась с каждым годом, последний самолёт у неё отняли, а Ивана Максимовича отправили на пенсию. Года на три-четыре. Потом и он умер. Не могут лётчики без неба. Настоящие лётчики.

Жил в городке интересный человек Бобров Иван Иванович (на самом деле Шикельман Мойша Абрамович). Фамилию и имя с отчеством поменял он в тридцатые годы,

тогда это можно было. Катал Бобров валенки и подшивал валенки. Шил из овчины тулупы и тулупчики (дублёнки, как сказали бы сегодня), душегрейки и элегантные ватники. Ах, какие это были изделия. Великолепные, тёплые, красивые, добротные и, самое главное, абсолютно недорогие. Иван Иванович долго осматривал заказчика, что-то прикидывал на глаз, если речь шла о валенках, то ощупывал ногу. Потом шил или валял. Никогда не ошибался с размером. Всё было очень удобно и эстетично. Шапки он не шил принципиально, как ни просили. С ним можно было поговорить на любые темы, включая научные достижения, о литературе и поэзии, и о классической музыке. Была у Ивана Ивановича старинная скрипка тёмная и стройная, но никто никогда не слышал, как он на ней играет и играет ли вообще. Снимал комнатку в трёхкомнатной квартире. Жил очень чистенько и был аккуратен во всём. Однажды получил толстое письмо. Прочитал, повздыхал и сказал хозяевам: «Извините, но мне пора ехать. Спасибо Вам за всё». Собрался и уехал. Куда, к кому, никто не знает. Много в те времена было таких загадочных людей.

Вот ещё один персонаж из Порт-городского житейского альманаха. Жила семья в индивидуальном домике. Отец, мать и их мелкий сын. Фамилию они носили Рысаковы. Настоящая это была фамилия, или нет, неизвестно. Глава семьи работал инструментальщиком по высокой категории. Супруга занималась садом и огородом, а сыночек только начал посещать школу. Роились слухи по городку, а потом и мы, пацаны, столкнулись с косвенным подтверждением этих слухов. Был старший Рысаков в прошлом вором-медвежатником экстра-класса и редкой квалификации. Говорили, что мало кто не только в стране, но и в мире обладал такими уникальными руками и выдающимися способностями к открытию любых самых хитроумнейших замков и запоров. Уже очень давно он не имел никаких связей с преступным миром и, при необходимости, помогал различным государственным службам, которые или потеряли ключи от сейфа, или случайно захлопнули замок сложной конструкции. Вот и в школе однажды пропал ключ от сейфа. Милиционер привёз старшего Рысакова. Тот бросил беглый взгляд на металлический шкаф, достал ящичек с инструментами — маленький и элегантный. Поставил ширмочку вокруг дверцы сейфа, чтобы ник-

то не увидел, что мастер там предпринимает. Зашёл за эту ширмочку на несколько секунд и тут же вышел. Сейф был открыт. Так же быстро он справлялся с открытием сейфов в нашем АТУ-7 и в Порт-городской поликлинике, когда возникала такая же острая необходимость. Его сын Витька никаким навыкам отца по работе с замками не обучился, и как Виктор ни просил, но в секреты своего мастерства папа отпрыска принципиально не посвятил. Вот такие разносторонние люди населяли наш городок.

24. Учителя и учительницы

Я уже писал об учителе-шпионе и об учителе-уголовнике. Да, появлялись иногда и такие индивидуумы среди умных, всесторонне развитых, интеллектуальных и интеллигентных людей, составлявших основу коллектива преподавателей средней школы № 2. Удивительно дружным и душевным был тот преподавательский конгломерат нашей школы, причём в разные времена и очень долго. Иногда приходили на свободное учительское место неожиданные особи. То чересчур заидеенные, или равнодушно-жестокие, то ленивые, или недостаточно развитые, более-менее способные ориентироваться только в своём, указанном в аттестате, предмете. Такие надолго не задерживались. Скорее всего, было им на новом месте не совсем уютно. Но некоторые из них оставили в памяти зарубки своей одиозностью и глупостью. Вспоминается завуч женского пола, просуществовавшая в школе менее года. Чья-то назначенка. Память не оставила от неё ни имени, ни отчества. Собирала она после уроков учеников нескольких классов и заставляла детей каяться во всевозможных грехах, причём не только в собственных. Надо было по очереди, каждому ученику, рассказывать о неблагоприятных поступках своих приятелей и одноклассников. О тех поступках, которые шли в разрез с нормами коммунистической морали, с обязанностями пионера или члена комсомольской организации. Некоторые простодыры покупались на эту мерзость и вываливали всю подноготную своих товарищей. Пришлось товарищам вне школы жёстко объяснить разоткровенничавшимся недоумкам всю низость их поведения. Через пару месяцев на этих

собраниях воспитания стукачества у подрастающего поколения уже все как один говорили, что их друзья примерны и в быту и в учёбе, а, кроме того, являются образцом и иллюстрацией того, каким обязан быть настоящий пионер и комсомолец. Заставляла, кроме всего, эта ненормальная, учеников, всех без исключения, громко и одновременно по слогам говорить: «Здра-ствуй-те», — при появлении в школе любого взрослого человека. Не прижилось. Преподавать пыталась эта идейная дама русскую литературу. Но, к сожалению, мозг её был способен лишь на интерпретацию казённых фраз и утверждённых партийных лозунгов. Не вытерпел директор школы Вакалей Николай Иванович и заставил эту неординарную личность написать заявление по собственному желанию. Имел директор серьёзные неприятности в городском отделе образования, но на попятную не пошёл и назад в школу эту даму не принял.

Года два преподавала в школе биологию худенькая, некрасивая, но молодая Зинаида Ивановна. В то время в школу на занятия приходили и воспитанники интерната для детей без родителей, расположенного по соседству. Был среди воспитанников пятнадцатилетний Юрка Веселов. Говорил ломающимся баритончиком. На лице его уже пробивались усики, был он атлетически сложен и за словом в карман не лез, много читал и много дрался. Запала на него бедная Зинаида Ивановна. Как уж там у них всё произошло, неизвестно, но, тайком, стали они жить вместе. Только шила в мешке не утаишь, да и Юрка молчаливостью не страдал. Беседовали неоднократно с Зиночкой и директор и педагогический коллектив, объясняли, просили, но всё было бесполезно. Ради своего Юрочки готова была биологичка пойти на всё. Так и уволилась. Каким-то образом забрала Юрия из интерната и уехала с ним в Сызрань. После Юркиного совершеннолетия, они зарегистрировали брак. Лет через десять кто-то из городка встретил Зинаиду Ивановну в Сызрани. Оказывается, пара уже развелась. Супруг пил и бил.

Нельзя не поведать ещё об одном учителе, о Темноброве Григории Фёдоровиче — нашем бессменном учителе труда. Очень увлекающийся был человек. Загорался чем-то и последовательно, досконально осваивал предмет увлечения. Непроходящей страстью Григория Фёдорови-

ча были грузовые автомобили. О них он мог говорить часами. Достал где-то соответствующие плакаты и по ним лично, в неурочное время, всех желающих мальчиков и девочек бесплатно обучал основам устройства моторов и трансмиссий, а также правилам вождения автомобилей. Но этого ему было мало. Шефами у школы было автотранспортное управление (АТУ-7). Так Григорий Фёдорович лично договорился, и шефы предоставили школе списанный грузовик. В течение трёх лет Темнобров, то через шефов, то через личные связи менял в этом грузовике старые детали на новые и добился появления на балансе школы чётко работающего грузовичка, великолепно обслуживающего все школьные нужды много, много лет. Так что первые уроки вождения местные ученики получали ещё в школе. Увлёкся Григорий Фёдорович киносъёмкой и подключил к этому детей, самых любознательных. Снимала группа так профессионально, что до сих пор существует цветная кинохроника основных событий и свершений коллектива Порт-городской средней школы с конца пятидесятых, в течение всех шестидесятых, до середины семидесятых годов прошлого века. В хронике на кадрах и все ученики, и те прекрасные учителя, многих из которых уже давно нет. В 1965 году отправили десятый класс, в ближайшую деревню, на помощь колхозникам, убирать редиску. На семь дней. Практиковались тогда такие десанты. Жили дети в отдельном доме, стоявшем посреди чистого поля. Вокруг дома по периметру была сплошная непрерывная канава шириной 0,8 метра. Почему так точно? Просто потом специально замеры. Вечером, когда уже было темно, для надзора приехал Григорий Фёдорович, чтобы переночевать, присмотреть, а утром назад, в город. Вышли люди утром из дома, а его старенькая «Волга» стоит впритирку к стенке, рядом с крыльцом. Канава вокруг, следы от шин через канаву. Как? Чтобы выехать назад, пришлось издалека из деревни, четырём подросткам нести две широкие длинные толстые доски. Сам Григорий Фёдорович своего меткого попадания к дому более или менее внятно так никогда и не смог объяснить.

Учила химии в школе несколько поколений, в течение пяти десятилетий замечательная и умнейшая Татьяна Ильинична Болуданова. Ей было неважно, хочет учащий-

ся знать химию или нет. Знания в головы она вкладывала так настойчиво и убедительно, что никакими способами забыть постулаты органической или неорганической химии потом уже ни у кого не получалось. Поэтому основы химии в городке знали все. Лучшие ученики Болудановой заканчивали химфаки МГУ, института Менделеева и Ломоносова, не говоря о региональных институтах и университетах крупных городов. Иногда её бывшие ученики забывались и ласково называли её не Татьяной Ильиничной, а Татьяной Болудановной.

Преподаватель русского языка и литературы Клавдия Михайловна Добриленко говорила своим ученикам: «Я, ребята, ведь росла вместе с вами. Учила вас и многому училась у вас. Роднее вас нет у меня никого». И в самом деле, детей у Клавдии Михайловны не было, вот она и жила интересами учеников тех классов, в которых преподавала. Помогала понять основы написания стихов, помогала ставить школьные спектакли, дискутировала со школьниками в неформальной обстановке, ходила с ними в походы и на пикники, организовывала поездки в Куйбышев в драматический театр и в театр оперы и балета, закрывала глаза на шалости и незлобные хулиганства. Многих выпускников школы ежегодно собирала у себя дома на вечерние посиделки. Не по обязанностям, а по желанию души.

Бывшая двадцать лет старшей пионервожатой, а затем учительницей младших классов, Маргарита Владимировна Твирская, для всех была другом и человеком, которому можно доверить всё сокровенное и наиболее ценное. Маргарита (так её все называли за глаза) была организатором всех школьных затей, концертов, КВН-ов, голубых огоньков, праздничных вечеров. Но никогда и никому не указывала, что делать. Всё у неё было построено на личной инициативе и придумках детей, а она лишь мудро направляла и корректировала. Получалось интересно, остро, сочно и оригинально. Вот только, когда дело касалось классического исполнения музыки или профессионального вокала, тут она брала управление и режиссуру в свои руки, и все её указания уже были обязательными. Идеями Маргарита просто фонтанировала. Организатором была от Бога. Без неё школа потеряла бы, по меньшей мере, половину своей привлекательности.

Математики в школе в разное время были, как на подбор, просто великолепными. Каждый из них заслуживает отдельного, весьма подробного рассказа и воспоминаний. Может быть, когда-нибудь, кто знает.

Физик Юрий Андреевич Кронов был необычайно образованным, умным, мудрым, способным доходчиво, чётко, оперируя простыми понятиями изложить и вложить в головы сложнейший материал своей далеко не простой науки. Потом, когда он ушёл из школы и стал деканом в политехническом институте, любой преподаватель на его месте казался не допрыгивающим до установленной предыдущим спортсменом высокой планки. Учили тогда качественно, добросовестно и надёжно. Достаточно сказать, что в 1966 году, когда по всей стране было сразу два выпуска, и в жизнь одновременно вступали юноши и девушки, окончившие и десятые и одиннадцатые классы, выпускники нашей школы, все до одного поступили в высшие учебные заведения и без блата. Причём поступили не только у нас и в Куйбышеве, но и в Москве, Ленинграде, Горьком, Краснодаре, Воронеже и Новосибирске. А это не столько показатель успешности школы, сколько показатель профессиональной состоятельности настоящих преподавателей. наших учителей.

25. О животных и птицах городка

Кур держали в городке многие. Во-первых, всегда в наличии свежие яйца, а во-вторых, возможно в любое время приготовить что-нибудь вкусненькое из домашней курятины. Вот и бродили, что-то клевали, паслись на травке вокруг домиков городка разноцветные куры всевозможных пород, помеченные яркими красками и чернилами, чтобы хозяевам не спутать. Пацаны, из тех, что повзрослей, часто устраивали себе пикники, поймав или подстрелив всё-равно, чью курицу. Ловили чаще, стреляли реже (больно громко). Затем на волжском берегу курицу быстренько ощипывали, потрошили и опаливали над огнём костра. Далее тушку можно сварить в ведре, а можно и запечь в глине на горячих углях. Ну, просто картина Василия Григорьевича Перова «Охотники на привале», только разница в том, что персонажи помоложе, да сидят не в лесу, а на берегу Волги.

При разведении кур тоже были свои маленькие секреты, которые неплохо было бы знать и в настоящее время. Бытует поверье, что зимой куры не несутся. Ошибка это. Несутся, правда, не так интенсивно, как летом. Просто в курятник надо провести электричество и ежедневно включать мощную лампочку ватт на 200, а лучше, если на 500. Вся суть в увеличении продолжительности светового дня. Сидят они на своих насестах, светло им и тепло от лампочки, думают, что лето, вот и несутся в лучшем виде.

Голубей в Порт-городе разводили, но немногие. То ли основной голубиный бум уже спал по стране, то ли, наоборот, до нашего городка не дошёл. Всего три семьи разводили голубей. Общались они между собой, менялись, продавали друг другу коронных особей. Кормили своих любимых птиц, поили, гоняли в небе длинными шестами с тряпкой на конце, но основную массу народонаселения своим увлечением не заинтересовали и почитателей не приобрели. К шестидесятым годам в городке остались лишь дикие голуби-сизари, в невероятных количествах, превышающих разумные пределы. Было ясно всем, что число данных птиц подлежит неотвратимому урегулированию. Этим постоянно занимались мальчишки городка. Опытным путём было неопровержимо установлено, что курица гораздо вкуснее и мясистее голубя, но добыть её сложнее и гораздо опаснее. В середине шестидесятых годов незаконный отстрел голубей прекратился сам по себе, всем надоело. В-семидесятых голубей стало, по неизвестной причине, почему-то, мало. В-девяностых голуби вообще исчезли из городка. Только сейчас они стали появляться, но понемногу. Причины загадочны. Сотрудники местного института экологии ничего пояснить, по сути, не смогли. Впрочем, как не смогли ответить и по любому из остальных волнующих и задаваемых им вопросов. Зато диссертации выходили из-под пера сотрудников упомянутого института в намеченные сроки, плодотворно и в больших объёмах. «Перекуём мозги на чернила», — говорили о них в городке.

Нельзя не упомянуть о спутницах хозяйственной жизни городка — о воронах. Умнейшие, между прочим, создания. Жили вороны парами. Пары эти создавались на много, много лет и не распадались до смерти одного из супругов. В течение одного года, реже двух лет, мог жить с ними воронёнок, потом он заводил свою семью и присмат-

ривал себе своё семейное место обитания. «Прикреплялись» обычно эти пары к какому-либо приусадебному участку по собственному усмотрению, а потом много лет «обслуживали» его, как им казалось. Следили за порядком в небе и на земле, чужих допускали не часто, съедали и утаскивали всё, что попадало во двор, что отвлекающее блестело, что было опрометчиво оставлено детьми или владельцами участка. Уносили добычу недалеко, но тут же расклёвывали. Чёрствый хлеб вороны предварительно размачивали в бочках с водой, вода портилась, и, поэтому у опытных хозяев бочонки обязательно закрывались крышками или фанерками. Присматривали вороны и за домашними животными, ели с собаками из одной миски. Одна ворона низко летает, собака с диким лаем за ней гоняется, а вторая ворона, в это время, спокойно клюёт то, что было положено в миску собаке. Потом вороны меняются местами. Не давали вороны котам дико орать днём. Больно их клевали за это, с лёту. Хозяев эти птицы практически не опасались, просто чуть сдвигались по забору, или лениво, нехотя немного отлетали в сторонку.

Как я уже отмечал ранее, разводили и держали в городке свиней, вернее, пытались держать. Основная тут загвоздка была в том, кто, какой и как дорого необходимый корм достанет. Да и гулять свинью на улицы не выпустишь — накажут. Если выпустить к себе во двор — всё перекопает и подавит. Вот и откармливали поросят в своих сарайчиках без надлежащего моциона. Соблазнился на откорм свиньи и дядя Лёша Папченков. Кормил, кормил хрюшку, кормил, кормил, но пришла пора её резать. Как резать? Ранее дядя Лёша, квалифицированный киномеханик, с таким процессом не сталкивался. Самому взяться, так никакого опыта, да и рука не поднимается родную Машку, да ножом. Стал расспрашивать соседей, нет ли у кого надлежащей сноровки. Один из соседей, Витька, который всегда брался за всё на свете, но быстро остывал, соврал, что, дескать, колол свиней собственноручно и неоднократно. Сговорились. Сел Витька верхом на свинью Машку, а дяде Лёше велел её крепко держать за задние ноги, непонятно для чего. Как колоть, Витька не знал. С перепуга тыкнул бедное животное длинным ножом несколько раз куда придётся. Машка дико завизжала и стала дёргаться. Витька слетел со спины. А дядя Лёша, мёртвой хват-

кой вцепившийся в заднюю часть свиньи, летал по свиарнику вместе с вздымающейся задней частью. Через какое-то время, но далеко не быстро, свинья затихла. Затих вместе с ней на полу и дядя Лёша. Сердечный приступ от страха и всего комплекса переживаний. В больницу. Вылечился со временем дядя Лёша и никаких свиней больше не откармливал.

Особую страницу в жизнедеятельности нашего городка, конечно же, заполняли собаки. Породистых, поначалу, было мало. Породистых держал разве только директор биостанции да несколько старших офицеров, которым они доставались выбракованными из спецпитомника. Правда у этих псов появлялось неплохое потомство и потихонечку расплодилось по городку. Один из таких щенков «Верный» вырос в хорошую и умную восточноевропейскую овчарку. Жил он на приусадебном участке одного из коттеджей, лаял на прохожих, но был не злоблив и предан своим хозяевам. Местный парнишка Володька Кушаков из шалости любил подразнить «Верного». Как-то вечером Володька стал щёлкать дрынком по штакетнику забора, за которым бегал «Верный». Паренёк не просто щёлкал, но и словесно неличеприятно прошёлся по качествам этой собаки. Забор был высотой 1 метр 80 сантиметров. Пёс перепрыгнул забор, отнял у Кушакова дрын, затем мстительно покусал его, правда, не очень сильно. Осознавая неабсолютную адекватность своего поступка, «Верный» перепрыгнул назад во двор и затих, как ни в чём не бывало. Больше Володька этого пса не дразнил. Никогда.

В основном же на участках городка жили самые разнообразные дворняжки, различной величины и неодинаковых умственных способностей. Помнится дворняжка Мальшка. Не то чтоб, правда, была маленькой, нет, ростом со стандартную дворняжку и такая же лохматенькая и подвижная. Детей просто обожала. В той семье было два брата и одна сестра. Попробуй, пойдти на пляж или в яхт-клуб, не взяв Мальшку. Ну да. Прогрызёт любой забор, догонит и будет бежать рядом, виляя хвостиком. Кто знает, что там делалось в её голове, но на некоторых прохожих она не обращала никакого внимания, а некоторых звонко облаивала. Защищала. Была Мальшка вечной спутницей всех переходов и гонок на яхтах. На судне вела себя прилично, моря не боялась, её абсолютно не укачивало.

На палубе чувствовала себя, словно на земле. Если яхта ложилась, или переворачивалась, Малышка не паниковала, спокойно выбиралась на мачту или на днище и терпеливо ждала, когда её спасут окончательно. Если яхтсмены ночевали на другой стороне Волги или на Усе, Малышка зорко охраняла их ночной покой, и никто чужой близко не смел подойти. Визга и лая не оберешься. В памяти отложился ещё один «дворянин» — Бобик, о котором я уже написал ранее несколько строк. Бобик был исключительно вольный «казак». Гулял, где хотел. Цепи не признавал. Однажды он облаял и поцарапал почтальоншу. В наказание пытались посадить его на цепь. Сопrotивлялся всеми лапами и зубами. Всё же посадили. И тогда Бобик заплакал. Он молча сидел, а по его лохматой мордочке катились крупные слёзы. Отказался пить, есть. Не притронулся даже к своей любимой твёрдокопчёной колбасе. Пришлось его отпустить. Но дулся Бобик и не ел из рук хозяев ещё несколько дней. Любил Бобка охранять коляску с маленькой дочкой хозяев. Коляску вывозили во двор, на свежий воздух. Ляжет пёсик под коляску и внимательно смотрит, чтобы никто чужой или посторонний близко не подошёл, чтобы никакая птица рядом не пролетела и рядом не села, чтобы бабочка или стрекоза на коляску не приземлилась. Зорко охранял и надёжно. В памяти осталась ещё одна ласковая и очень умная овчарка Веста. Не совсем овчарка. Бабушка у неё была настоящая волчица, а дедушка из породы немецких овчарок. Доброты Веста была несказанной. За 13 лет своей жизни никого не укусила, хотя пугнуть могла чрезвычайно. Обожала Веста играть с детьми. Чтобы они ей что-нибудь бросали, а она бы приносила. Когда детям надоело, она стаскивала с них шапки и бежала прятать. Если не находили, она показывала, где. Но вот соседских кур Веста душевно не воспринимала. Стоило беззаботной курице перелететь забор, всё. Потом и то не всегда, только по перу, торчавшему изо рта собаки, можно было догадаться, кто тут навёл «порядок». Она кур не ела, но всех закапывала и место это разравнивала. Чем схожи были Бобик и Веста, это тем, что обе собаки ловили ночью ежей. Приходили ёжики ночью в огород, скорее всего, чтобы попить воды. И тут начинался дикий лай вокруг ежа. Укусить сквозь колючки сложно (правда Веста четырёх ежей задрала), поэтому оглушающий лай и собачья морда в кро-

ви. Приходилось хозяину вставать ночью, накрывать ёжика металлическим ведром, высоко поднимать ведро со зверьком над головой, чтобы не допрыгнула собака, и закрывать ежа в бане до утра. Утром собаку надо было изолировать в сенах, а колючее животное отнести в лес. В иной год до тридцати ежей так за лето спасалось. Были в городке и собаки, которые исправно в постромках катали детей на санках и на лыжах. Были собаки добрые и были злые, были умные и были глупышки. Короток век собаки, но постоянна её любовь к людям.

Про котов и кошек и говорить нечего. В разное время в каждой семье хоть раз, но бывало это гордое и непокорное животное. Разгуливали кошки по всему городку, дрались и кричали, огорчали своих хозяев постоянными ранами и клочьями выдранной шерсти. Конечно, нет ничего приятнее, если домашний любимец ляжет на твой живот или грудь, прищурит глазки и убаюкивающее урчит, урчит, урчит. Мурлыкает мурлыка. Жаль, что коты часто гибли под колёсами.

Некоторые жители вдруг в восьмидесятые годы стали разводить нутрий. мех на шапки и шубы. Мясо для личного употребления. Но мех надо правильно выделывать, шить не просто, свои хитрости, сбыт, не налажен. Мясо очень быстро приедается, да и вкусовые качества его не столь высоки. А как внимательно надо следить за тем, чтобы эти нутрии не разбежались. А они всё зверски грызли и разбежались. Вот и не стали нутрий разводить. Некоторые пытались выращивать кроликов, но тоже что-то там не так пошло. Но жители видели пару лет бегающих по снегу, от кого-то сбежавших кроликов. Выращивали коз, но их целый день надо пасти и несколько раз в день доить. Не прижились. На сегодня коз нет, свиней нет, никаких нутрий, и только около одного из коттеджей пасутся несколько упитанных кроликов. Говорят, что за ними присматривает охранник. Вот так раньше жили животные и птицы среди жителей нашего Порт-города.

26. Порт-городские диалоги и монологи

В человеке есть странная и необъяснимая его составляющая — это память. Что-то в ней стирается до основания,

исчезают люди, события, временные промежутки, горькие обиды и радости. К чему-то начинаешь относиться совсем по другому, чем много лет назад, и кажется, что то событие было маловажным, или, наоборот весьма значительным, щемяще трогательным и просто необходимым. Вот так и отдельные разговоры, монологи. Почему они запомнились? Почему так ярки они в памяти? Раньше казались эти слова обыденными, повседневными, проходящими, но вот, почему-то отпечатались и шевелятся на потрёпанных листках прошлой жизни. Почему-то листки с этим текстом попали в подшивки памяти. Вот я их и листаю, хотя, если приглядеться, вроде бы ничего особенного, просто мгновения житейских ситуаций.

— В городке проживала весома женщина, необыкновенно деятельная, общительная и мудрая. До всего ей было дело, несмотря на колоссальную персональную загруженность на ответственной работе. Была она первым руководителем главной базы снабжения всеми товарами и материалами, и строительства ГЭС, и всех городских структур. Но успевала помогать делом и советом, эта замечательная женщина практически всем. Наставляла нерадивых, защищала обиженных, принимала суровые меры к пьяницам и дебоширам, входила в положение нуждающихся, обсуждала с женщинами животрепещущие проблемы и бытовые неурядицы, делилась кулинарными рецептами, поддерживала развитие местных талантов. Была всеми любима, доступна для общения, а широта её души не знала границ. Вот такая женщина была Шпилькина Хана Самуиловна. Вновь прибывших и поселившихся в городке обычно спрашивали: «Вы хорошо знаете наш городок?» Обычно следовал ответ: «Да, спасибо, я уже изучил Порт-город.» Второй, дополнительный вопрос: «А Вы знаете Шпилькину?» Ответ: «Нет, извините, но пока не знаю». Следовало утверждение: «Ну, так значит, Вы не знаете ни Порт-город, ни Ставрополь, ни Куйбышевскую область».

— Вот ещё страничка. Григорий Фёдорович Темнобров — школьный учитель труда очень уж ревновал своих учеников к парусу. Ну, а как-же? Он, Григорий Фёдорович, даёт им столько материалов по вождению, пытается научить любить моторы и грузовики, а они, практически все, увлечены парусным спортом и яхт-клубом.

Только и слышно: грот, бейдевинд, галфвинд, фордак и прочая дребедень. Однажды Темнобров собрал старшекласников и выдал им: «Скажу по секрету, недоволен я вашим влечением к этим яхтам. Ну что такое паруса, хотя бы и большие? Подумайте сами. А вдруг снова война? Что тогда? Ведь на яхте от немцев не убежишь, из любого автомата, хоть с берега, хоть с катера, моментально вас срежут. То ли дело грузовик. На нём и убежать легко, и борта от пуль прикроют, и пайки с обмундированием вывезешь. Надеюсь, что теперь-то вы поняли разницу? Поняли, что такое грузовик и как он незаменим?»

— Однажды Григорий Фёдорович случайно застал старшекласников вечером в скверике. Отмечали они семнадцатилетие своего одноклассника. Собрались мальчишки и девчонки, человек пятнадцать, по-взрослому отметить знаменательное торжество. Купили бутылку водки, бутылку сладкого ликёра и бутылку марочного портвейна. Из закуски яблоки, рыбные консервы, тушёнка, хлеб и шоколадные конфеты. Из посуды одна литровая эмалированная кружка на всех. Спросил учитель труда о причинах веселья. Пояснили. От всего сердца щедро налили в единственную кружку сначала водки, затем ликёра, потом портвейна. Самодельный коктейль, так сказать. Больше, чем пол кружки получилось.

— Выпейте с нами, Григорий Фёдорович, за день рождения.

— Нет, что вы, что вы, что вы, что вы!

— Ну, ладно. (Уже хотели забрать у Григория Фёдоровича кружку и передать её по кругу для дегустации, но не успели).

— Хорошо! Буду. (Быстро выпивает всё содержимое кружки.)

Остатки сладки.

— Ещё памятный эпизод. Это из детства. Хвастался один парнишка во время игры в оврагах своим товарищам, что якобы во время войны его отец был командиром подводной лодки. Якобы в 1943 году лодка эта потопила фашистский линкор и крейсер в одном бою. Потопила, но и сама уйти не смогла. Погибла от глубинных бомб, которые разбрасывали преследовавшие героическую лодку немецкие миноносцы. «Лежит мой отец, где-то на дне Балтийского моря», — хмуро добавил сын ге-

роя. Все сочувственно покивали, но вдруг Алик, который был старше всех, прищурился, спросил: «Слушай, а ты в каком году родился?» Мальчишка ответил: «В апреле 1949 года». Алик: «??????» Основная масса детей так ничего и не поняла.

— Ходил через городок автобус № 104. Считался междугородним «Жигулёвск — Ставрополь». Поэтому в автобусе всегда полагался кондуктор. Этот кондуктор женского пола рьяно обилечивала многочисленных пассажиров. Как-то на остановке «Порт-больница» заходят новые пассажиры и остаются стоять на задней площадке. Кондукторша, теребя ленту билетов, сурово смотрит на них и из её уст бриллиантом вылетает громкая, сакраментальная фраза: «Что-то у меня в заду никто не чешется». Люди в автобусе молчали ещё секунд семь-восемь, и вдруг весь автобус словно взорвался от дикого хохота.

— Жила в городке склочная и сварливая бабка с непрезентабельной фамилией Горлопанова. Замечания делала всем, а маленьких шкочивших пацанов постоянно пыталась ущипнуть. Особенно не по сердцу ей была молодёжь, пытающаяся следовать последней моде. А Колька Догинов, как назло, носил узкие брючки, пиджак с широченными плечами, корочки на толстой подошве и красную рубашку с пальмами. Бежала за ним по улице бабка Горлопанова, плевалась, визжала и кричала: «Стиляга, стилияга, стилияга, гад ты этакий». Колька, внешне абсолютно спокойный, значительно приподнял бровь: «На эту тему, уважаемая, Вам лучше поговорить с электровозом».

— Что, что, что, что? Это ещё почему?

— Электровоз, со стороны головного окончания, такой же тупой, как и Вы, мадам.

— А вот ещё сценка, которую я подсмотрел около продуктового магазина. Магазин в то время закрывался в восемь вечера, если я не ошибаюсь. За десять минут до закрытия, состоялся следующий разговор двух жителей. Один из них уважаемый инженер-геодезист, а второй — его рабочий с трассы.

Рабочий: «Вот Лев Викентьевич, закуску по вашему перечню: сырок, колбаску, селёдочку, чернушку я взял, две белые головки завернул, и в авоську, как вы говорили. Всё готово, можно и в лес. Пора идти».

Геодезист: «Матвей, а как же стакан. Стакана то нет. Пойди, попроси в отделе, где соки, завтра вернём. В крайнем случае, может, пустая пол-литровая баночка у них найдётся?»

Рабочий (долго молчит, надувается, щёки его краснеют): «Лев Викентьевич, вот Вы очень образованный человек, даже по каким-то формулам всё считаете, слова научные постоянно говорите». Опять напряжённо молчит, потом взрывается: «Да на хрена ж тебе стакан? Что ты, как люди из горла не можешь, что-ли?»

— В клубе «Гидростроитель» аккомпаниатором официально работал Борис Долганов. В своё время, играл он в Ленинградском оркестре у Чижа, но был с треском отставлен оттуда за неумеренную страсть к алкоголю. Постепенно допутешествовался до нашего клуба. Но приверженностей своих по дороге не растерял. Как-то вечером в клубе должен был состояться очередной большой концерт с хором, солистами и конферансом. Борис вместе с баритональным басом Марком Прищенко с обеда начали дегустацию разнообразных спиртных напитков. Дегустация постепенно перешла в неумеренное потребление. Затем друзья затеяли за клубом серьёзную драку с тремя водителями. Творческим личностям порвали рубашки, разбили носы и повредили брови. Сердобольные хористки отмыли воякам лица, переодели их в рубашки из театрального реквизита, попытались отпить их крепким чаем, но в этом потерпели неудачу. Начинался концерт. От публики в зале было тесно. И вот открылся занавес. На сцене застыл сводный женский хор, а перед хором, с полным роскошным аккордеоном через грудь, в центре стоял Борис Долганов. Аплодисменты. Борис постоял, постоял и навзначь звонко упал на сцену, на аккордеон. Занавес, в спешке, закрыли. Когда его открыли вновь, публика увидела, что аккомпаниатор плотно сидит на стуле, по бокам его надёжно подпирают хористки, а в руках его баян. Играл Борис великолепно на любых инструментах в любом состоянии. Хор спел три песни, а после на сцене появился солист Марк Прищенко. От неумеренного употребления Марк перепутал все слова и запел серьёзнейшую песню «Бухенвальдский набат» в неимоверной интерпретации: «Люди мира, на минуту ... выйдите, выйдите. Слушайте, слушайте, поют со всех сторон. Это раздаётся в Бухенвальде ... рус-

ская кровь, русская кровь». Он, гад, ещё и повторил этот опус дважды. Для тех, кто не очень чётко помнит первоисточник, приведу оригинальный текст:

Люди мира на минуту встаньте!

Слушайте, слушайте: гудит со всех сторон —

Это раздаётся в Бухенвальде

Колокольный звон, колокольный звон.

Сплошное фиаско. Прищепко в клубе года два не появился, а Долганов переехал на новую работу, то ли в Мисс, то ли в Златоуст.

27. Новогодние сосенки

В те дальние времена ёлки к новому году на улицах не продавались. Да и ели, честно говоря, в нашей области массово, практически, не росли. Росли сосны, в огромных количествах. Все ставили в квартирах к 31 декабря пушистые сосенки, но величаво именовали их ёлками. Какой же Новый Год без зелёной красавицы? А где её взять? Искусственных ёлок тогда не было совсем. Так где же взять натуральную, хоть бы и сосенку? Существовал один легальный способ: нелегально купить у лесника. Лесникам продавать эти молоденькие деревца почему-то запрещалось, но они продавали. Только, предварительно лесника надо было застать дома, что проблематично, затем приобрести лысую реденькую сосенку под его подозрительным взглядом и выслушать нудную, подробную инструкцию, как деревце нести, чтобы никто не увидел, и что говорить, если спросят: «Где взял?». Не любил граждане ходить к леснику и поощрять его нелегальную коммерцию. Был ещё вариант получения за небольшую плату новогоднего деревца. Это распределение и приобретение ёлки по месту работы. Но не все организации закупали так называемые ёлки для своих сотрудников, да и не всему коллективу они доставались, а если вдруг и доставались, то в состоянии облезлом и неказистом. Перед детьми стыдно. Правильно, правильно, оставался один выход: пилить самим. Что, практически, все и делали. Вокруг Порт-города сосенок этих молодых было полным-полно, что с одной стороны, что с противоположной, что вдоль оврагов, что на склонах, что в лесу. Но не дремали охран-

ные органы, создаваемые в лесничествах, подкреплённые под Новый Год службой доблестной милиции. Патрулировали, стояли постами на стыках дорог, проверяли автомобили, нарядами по два и по три человека курсировали по просёлочным дорожкам вдоль лесных угодий. Но сосну-ёлку то в дом надо. И приносили. Мы, молодёжь, с пацанского возраста, конечно же, пилили деревья сами. Вот именно пилили, а не рубили. Топор брать на заготовку нельзя. Звук его раздаётся на километры. Только пила-ножовка. Как всё это осуществляется? Если по уму, то в два этапа. Этап первый: днём гуляешь, катаешься на лыжах и высматриваешь деревце попушистее. Высмотрел. Теперь этап второй: пила и доставка. Идти на дело надо ночью, после двух часов, но до четырёх. В это время все стражи в основном уже угомонились, и по главной дороге курсирует только одна патрульная машина, из одного конца городка в другой. Ждёшь, когда она провояжирует в один из концов маршрута, перебегаешь дорогу и углубляешься в посадки или лесок за своей красавицей. Находишь, ждёшь, ориентируясь по звуку, чтобы патрульная машина опять максимально удалилась, и быстро пилишь. Прячешь пилу под одежду, удобно размещаешь сосенку на плече и перемещаешься поближе к дороге, оставаясь в тени деревьев. Опять ждёшь, когда патруль проследует в конец городка, вот в это время быстро с деревом на плече перебегаешь дорогу и удаляешься на территорию родного дома. Рано утром выходишь из дома и собираешь, уже при свете, веточки и иголки, которые попадали, отмечая твой ночной путь. Всё. Теперь об установке ёлки. У многих дома были крестовины, или специальные деревянные подставки. Но те, у кого в хозяйстве был широкий металлический бак, или огромная кастрюля, обязательно применяли их. Ставишь деревце в бак, раскрепляешь кирпичами или деревянными плашками. Свободное пространство заполняешь заранее заготовленным песком, плотно утрамбовываешь, и этот песок поливаешь водой. При такой установке зелёная красавица, не осыпаясь, может стоять хоть до 1 мая. Начинается украшение ёлки. Многие игрушки делали сами. Бумажные цепи, разрисованные флажки, снежинки, грецкие орехи, завёрнутые в фольгу от конфет, самодельные фигурки из ваты, картона и блёсток. Подвешивались на ёлку конфеты и мандарины, яблоки и само-

дельные бусы. Продавались и очень недорого шарики, звёзды, картонные игрушки, шишки, стеклянные фигурки, самолётики, корзиночки, деды Морозики, Снегурочки и сказочные персонажи. Изредка можно было купить светящиеся гирлянды из окрашенных в разные цвета лампочек для карманного фонарика. Низ ёлки закрывался белой материей и засыпался ватой, имитирующей снег. Сюда, под ёлку, ставились подарки для всех малышей, да и для взрослых тоже. Теперь можно было весело всей семьёй встречать Новый Год.

Обычно такая заготовка ёлок обходилась без последствий. Попадались патрулям изредка отдельные смельчаки, но обычно это были не наши, не Порт-городские, а заезжие из Ставрополя и Комсомольска. На что они надеялись? Уметь надо. Отдельный казус произошёл с Колькой Желтухиным. О нём, о Кольке, я как-то выше уже упоминал. Влюбился Колька беззаветно и по уши в девочку старше себя на класс. Оказывал ей всевозможные знаки внимания и даже провожал несколько раз домой после кино. И вот перед Новым Годом его осенило. Все одноклассники пилили обычные сосенки, а Колька залез на территорию биологической станции, и в её экзотическом парке смахнул под корешок замечательную пушистую голубую ель редкой породы. Спил и сразу отнёс предмету своей любви. Неизвестно, что он сказал её родителям, но роскошную ель в доме установили. Следы свои Желтухин уничтожить не догадался, и по ним на следующий день сотрудники биостанции накрыли и предмет любви незадачливого Кольки, и его самого. Хорошо, что работники станции о происшествии не заявили в милицию, только для нашего Ромео это приключение даром не прошло. Отец его качественно выпорол. Всё лето потом Желтухин младший что-то полон, копал, сажал, поливал в парке биостанции, а девочка, столь обожаемая Колькой, в нём после столь скандального случая разочаровалась.

Теперь, кажется, никто не пилит сосенки к Новому Году. Зачем пилить, когда и искусственных ёлок полно, и натуральные деревца продаются практически везде. Необходимость этой традиционной для городка процедуры, похоже, отпала навсегда.

28. Выстрелы в лесу и в городке

Стреляли. Стреляли много вокруг городка и в самом городке. Так уж сложилось. Сначала отстреливали волков в лесу, который со всех сторон окружал наш городок. Стреляли охотники и в одиночку, и группами, устраивая на серых хищников настоящие облавы. Последняя облава, самая масштабная и эффективная состоялась в 1952 году. Красными флажками была окружена огромная лесная территория. Всё мужское население городка, имеющее охотничьи ружья, офицеры и младший командный состав местных лагерей с карабинами, а то и с автоматами участвовали в этой грандиозной облаве в роли стрелков. Загонщиками управляли лесничий с тремя лесниками. Огромное количество солдат назначили загонщиками, они шли цепью по лесу, стучали палками по стволам деревьев и громко кричали. Гнали всю дичь леса на стрелков, расположившихся за красными флажками. Стрелять разрешено было только волков. Так всех и постреляли. Далее лес жил уже без волчьего присутствия. Но оставалось в лесу много другой дичи. Местные умельцы добывали здесь зайцев, лис, глухарей, тетеревов, вальдшнепов, куропаток. К шестидесятым годам развелось множество лосей. Героям Социалистического Труда, высоким чиновникам, офицерам на крупных должностях и ответственным партработникам выдавались охотничьи лицензии с правом на отстрел лося. Стреляли. Памятен местному населению вкус лосятины, или, если говорить совсем правильно, то сохатины. А бывшие пацаны помнят тот вкус пельменей из дичи. В семидесятые годы полюбили в лес ходить, пострелять из ружей местные подростки. Палили во всё, что летало. Однажды, во время ружейной охоты в войну, Ваське Кормишину прострелили дробью ладонь в четырёх местах. Неудачно высунулся из-за дерева во время наступления «наших» на «фашистов». Стрельба в качестве игры как-то сама собой прекратилась. Потом наступило время перестройки, а если сказать честно и более точно, то правового беспредела. В лесу появились никем не преследуемые браконьеры — и местные и пришлые. Выбили всех лосей, косуль, зайцев, лис и даже ежей и сусликов. Перед пожаром в нашем лесу из живности оставались только мелкие птицы. Но,

стреляли. Было две, а может и больше, крупные разборки противоборствующих бандитских группировок. Много стреляли. Но это были уже пистолеты и автоматы. Были и крики, и густой мат, и брошенные в лесу простреленные автомобили «Жигули», испачканные кровью. Было.

Стреляли и в самом городке. Вот вам несколько эпизодов. Жил в индомах старшина милиции со своей очень сварливой женой и сынишкой Толиком Брусникиным. Както в 1955 году супруга старшего Брусникина нашла хорошо заныканную им денежную записку, и сразу отправилась с ней в магазин для закупки продуктов. Старшина, находившийся в состоянии качественного подпития, бросился вслед за ней спасать свои дивиденды. Жена милиционера не собиралась отдавать деньги и подняла дикий визг прямо у прилавка, оттолкнула мужа и выбежала на улицу с криком и матом. С ответным матом, следом выскочил глава семьи, достал из кобуры наган и стал садить из него вокруг улепётывающей супруги. Шесть выстрелов. Шесть фонтанчиков песка от кучно лежащихся пуль вокруг перепуганной женщины. Попало милиционеру. Из старшины разжаловали его в ефрейторы. Но через год стал он младшим сержантом, ещё через год сержантом, а через три старшим сержантом. Жена его публично скандалить так и не прекратила. Выпивали оба. Я уже описывал, как палил из ружья напуганный черепом дядя Паша Митрохин, и как обстреляли в туалете его самого. Теперь ещё об одном случае. Второй эпизод. Как-то местные хулиганы перебрали с обыденным набегом в чужой сад за яблоками. Залезли, как обычно, ночью, но зачем-то подпёрли брёвнышками оба выхода из дома. Сами стали набивать яблоками мешки, да к тому же сломали одну яблоню чуть ли не под корешок. Собаку овчарку оглушили мощным ударом по голове, еле-еле потом выжила. Хозяин дома, подполковник, не стал впадать в панику, а взял ружьё, разбил окно и стал стрелять по верх голов ночных разбойников. Те врассыпную бросились бежать. Племянник подполковника подхватил ружьё и тоже саданул из него. В это время один из грабителей как раз перелезл через забор, и дробь после последнего выстрела частично, но веско вошла ему в задницу. Пострадавший Олег Молдаков несколько дней потом отмачивал раненное место в тазу с

горячей водой, а его мать иголкой выковыряла из распятого мягкого места Олешки семь дробинок шестого номера. Поправившийся ночной визитёр долго грозился, потом, расправиться с метким племянником, но не успел. Посадили Олега по другому нелюбимому делу за злостное хулиганство на четыре года. После отсидки он помирился со стрелком и претензий более не предъявлял. Теперь третий эпизод. Два шестиклассника очень обиделись на свою учительницу по географии. Поставила она им по единице на одном уроке. Да-да, не по двойке, а по единице. И, главное, ни за что, как им казалось. Вопиющая несправедливость. А с несправедливостью необходимо бороться. Как? Стрелять. Взяли они свои поджиги, зарядили порохом и дробью, и пошли после уроков вслед за учительницей. Только кровью хотели они смыть своё унижение и позор. Дошла географичка до своего дома и исчезла за дверью. Мстители остались ждать на лавочке во дворе. К вечеру вышла Нина Максимовна из дома с небольшим чемоданчиком и куда-то направилась. Боевики следом. Дошли до бани. Значит, решила помыться. Выждали школьники минут двадцать, чтобы уж разделась и зашла в помывочную. Затем приставили к окну женского отделения лестницу для подглядывания, залезли, открыли форточку. Практически ничего там видно не было, но что-то в темноте и в пару вроде как шевелилось. Вздохнули, жажнули внутрь из своих поджигов и в диком страхе убежали, даже не спрятав общую лестницу. Ночь приятели практически не спали, переживали. В школу утром шли, как на Голгофу. Потом оказалось, что дробь попала в одинокий металлический тазик, стоявший на пустой помывочной мраморной скамейке. Была ли учительница в это время в злополучном помещении, неизвестно. Слава богу, никто не пострадал. Стреляли. Любили в городке пацаны пальнуть из ружья за клубом «Гидростроитель во время танцев, быстро убежать и спрятаться в лесу. Шухарили. Любили пострелять из поджигов по лампочкам фонарей. Во время перестройки один раз гонялись друг за другом по улицам Порт-города две машины различных неформальных сообществ, палили друг в друга. Потом одна машина была брошена на улице Волжской, а пассажиры её исчезли в оврагах, отметив свой скорбный путь пятнами крови. Что делать? Стреляли у нас.

29. Визит Хрущёва

Хотелось бы как-то поярче отразить это знаменательное событие, поэтому начну несколько издалека, с раскрытием разнообразных, мало кому памятных, но значимых нюансов. Итак: визиты высокопоставленных лиц на строительство ГЭС вблизи Ставрополя начались задолго до её официального открытия, которое ожидалось в 1958 году. Первым в 1955 году наведался министр иностранных дел СССР Вячеслав Михайлович Молотов (при Сталине он считался вторым лицом в государстве). Выступил Молотов в клубе «Гидростроитель» для партийно-хозяйственного актива и поведал всем о международном положении. Затем посетил строительство и спустился в котлован водосливной плотины, всего с двумя охранниками. Потом, непосредственно на стройке, Молотов пообщался с рабочими и с заключёнными. Отвечал на все многочисленные вопросы. Сопровождал его начальник строительства, который своими огромными руками раздвигал толпу и неоднократно говорил: «Дайте же старичку пройти», хотя было «старичку» тогда только 65 лет. Затем высокий гость заехал в продовольственный магазин в Комсомольске, где очень удивился отсутствию в продаже спиртных напитков. Спросил у сопровождающих: «А что, гидроэлектростанцию баптисты строят?» А когда узнал, что спиртное с полок убрано специально, так сказать, на всякий случай, махнул рукой и произнёс: «Много ещё дураков в России осталось». Уехал. А в 1957 году Молотова сослали послом в Монголию. Затем в 1957 году на грандиозной стройке странно побывал секретарь ЦК КПСС Андрей Андреев с супругой. Отвечал в то время Андреев за сельское хозяйство страны. Побывал в трёх колхозах, поговорил с крестьянами, а гидростроителей общением не удостоил. Вслед за ним посетил строящуюся ГЭС Председатель Совета Министров РСФСР сорокалетний Дмитрий Полянский. Провёл совещание с руководством и полюбился панорамой стройки с верхней смотровой площадки. Отбыл. В октябре 1957 года на строительство приехал секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев. Убеждал сдать ГЭС в эксплуатацию к 40-летию Великого Октября, то есть через месяц, но быстро понял, что это нереально, а недоделки раньше августа 1958 года не устранить. Первый секретарь

Куйбышевского обкома Михаил Ефремов, зная, что Леонид Ильич большой гурман, поручил начальнику строительства организовать отлов хорошего экземпляра белуги. После нескольких неудачных попыток в районе села Моркваша заключённые зацепили порядочную белугу весом более 200 килограммов. Начальник ОРСа принял добычу и поместил её в промышленный холодильник. Но приезд Брежнева получился довольно скромным и не столь длительным. Белужьей ухи, будущий Генсек успел отведать всего один раз, причём на её приготовление ушло всего около пяти килограммов рыбы. Когда высокопоставленный гость уехал, начальник строительства вызвал руководителя ОРСа и строго спросил о том, куда тот девал остальные части белуги. Матёрый снабженец развёл руками и ответил, что остатки царь-рыбы, якобы, напрочь протухли, и их пришлось выбросить. Фактически же пройдоха разрубил рыбу на куски и сложил в деревянные бочки, которые сначала хранил в погребе, а затем закопал в снегу на базе отдыха. Потом всю зиму находчивый орсовец со своими друзьями под водочку ел белужью уху и жаренную деликатесную рыбу.

Конечно же, все ждали приезда Хрущёва. Ждали правительственных наград, больших премий, новых званий, почестей, амнистии и грандиозного праздника, которым должно было быть завершено торжественное открытие ГЭС.

Заранее готовилось и место, где должен был временно проживать такой высокопоставленный гость. В 1957 году в Порт-городе была построена гостиница-дача «Белокаменная» для приёма главного человека страны. Архитектор Эстулин изваял массивную двухэтажную белоснежную усадьбу с огромными колоннами. В здании было только два номера апартаментов и несколько комнат для свиты и охраны, а также огромный зал для приёмов и просторная кухня. Чуть не схлопотал автор партийный выговор за архитектурные излишества, но обошлось. Первому лицу всё понравилось. Как-то уместились здесь и Хрущёв, и Брежнев, и Сулов, и ещё кто-то из главных. В дальнейшем, спустя годы, «Белокаменную» переформатировали на четыре полновесных номера «люкс», и впоследствии в разное время в них проживали Соломенцев, Косыгин, Подгорный, Устинов, Лигачёв и даже Горбачёв. До недавнего времени здание принадлежало ГЭС, а в настоящее время

оно приватизировано кем-то из лиц, близких к руководству, и владеет им бог знает кто. Рядом с «Белокаменной» вначале 1958 года был спроектирован и быстро отстроен летний обеденный зал для чествования многочисленных гостей, приглашённых на финальный банкет после официального пуска гидроэлектростанции. Застеклён был зал не каким-то обычным оконным стеклом, а стеклом органическим — плексигласом. Украшено было это необычное остекление симпатичными металлическими шишечками и шариками. Побежал слух, что этот самый необычный плексиглас очень замечательно горит, а при желании его можно и разбить, или, в крайнем случае, поломать. Представляете: вроде бы как стекло, а горит. Ну как тут утерпеть порт-городским пацанам? За один день весь плексиглас был вдребезги разбит и растащен. Били и тащили все мальчишки от мала до велика. Три года потом жгли куски плексигласа по оврагам, лесам, по берегу разлившейся Волги. Несколько лет все играли и бросались блестящими шариками и шишечками. Никого не поймали. Хотя брать можно было любого пацана. Банкетный летний зал застеклили заново, но проще, оконным стеклом, а не плексигласом и без шариков и шишечек, без этих украшательств. Приставили охрану, хотя теперь охранять было нечего. После состоявшегося грандиозного банкета летний этот зал в тот же год разобрали полностью.

Итак, 10 августа 1958 года, на специальном поезде приехал сам Первый секретарь ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущёв в сопровождении многочисленной свиты. Доставленный на ГЭС руководитель государства наблюдал за шлюзованием судов, потом специально для Главы на водосливной плотине 250-тонным краном подняли несколько затворов, чтобы Никита Сергеевич смог увидеть сброс воды с 25-метровой высоты. После этого все прошли в машинный зал здания ГЭС. Здесь Хрущёва попросили перерезать красную ленточку, что означало, как бы, первый запуск последнего агрегата станции. В завершение ритуала Первый секретарь ЦК КПСС лично включил большой рубильник. Гром оваций. Турбина начала вращаться. ГЭС заработала на полную мощность. Начинались торжества. Кортёж автомобилей проследовал к местам размещения членов высокой делегации на временное жительство. Ав-

томобили шли от ГЭС к гостинице «Белокаменной» через Порт-город по улице «Комсомольское шоссе». Вдоль всей упомянутой улицы с двух сторон стояли мы, местные жители, поставленные здесь для радостной встречи высокой правительственной делегации. Стояли мы с букетами цветов, сорванных на личных приусадебных участках, на полях и по кромкам оврагов. Букеты было велено плавню бросать под колёса того автомобиля, в котором едет Хрущёв. И вот появилась колонна машин различных марок. Впереди в открытом «ЗИСе» стоял Никита Сергеевич и добродушно махал рукой. Посыпались букеты. Все старались бросить букеты не под колёса, а лично Хрущёву. Местная пьяница и хулиганка Лёлька Скорпионова вставила свой букет в литровую банку и привязала его к банке, чтобы не выпадал. Вот этим агрегатом она и засветила по головной машине. Банка ударилась о ветровое стекло и звонко рассыпалась на мелкие осколки, а дорогой Никита Сергеевич от неожиданности быстро сел и уже больше не вставал. Среди шеренг встречающих резво забежали люди в штатском. Но машины уже прошли, и народ стал быстро расходиться. Кортёж доставил всех до «Белокаменной», а потом автомобили стали развозить тех, кто должен был жить в иных местах, по точкам их временной дислокации.

Хрущёв пообедал в номере, выпил несколько рюмочек, сел в машину, верх у которой теперь прикрыли и, вдруг поехал на берег Волги искупаться. Все сопровождающие лица поневоле потащились за головной машиной по грунтовой дороге. Береговая линия песка была резво оцеплена. Никита Сергеевич в чёрных семейных трусах зашёл в прозрачные волжские воды, которые в то время ещё не цвели и недолго, но шумно поплавал. Члены свиты, по возможности, постарались уклониться от купания, но не всем это удалось. Затем вереница автомобилей продолжила свой путь на деловые встречи с местными и областными руководителями.

Теперь о временной дислокации. Не все члены ЦК партии и правительства разместились в «Белокаменной». Перед приездом такой делегации жители лучших коттеджей были из них временно выселены и отправлены на подселение, в качестве уплотнения, в дома менее значимые и не столь ёмкие по кубатуре и метражу. Поддержанная мебель из освобождённых коттеджей выносилась на скла-

ды. Освобождённые дома заполнялись мебелью новой, шикарной, современной, импортной. Заносились пушистые роскошные ковры, новенькие холодильники, радиоприёмники, проигрыватели. Устанавливалась свежая сантехника, резные кровати под шикарным постельным бельём, вешались невиданные шторы, тюль, стопками лежали богатые скатерти и кружевные салфетки. Оставались в домах только книги, если они присутствовали в квартире изначально. В некоторых коттеджах, в качестве смотрителей, были оставлены бывшие хозяйки, при обязательном условии безупречного личного послужного списка и наличии высшего образования. Поступали они в непосредственное и беспрекословное подчинение к начальнику охраны размещённого на данной площади члена правительства, или члена политбюро родной КПСС. При каждом таком доме проживания высокого лица был личный повар, штат прислуги и «незаметные» сотрудники охраняющих органов. Более подробно расскажу об этом на примере размещения в коттедже Председателя Совета Министров РСФСР Дмитрия Степановича Полянского. Ему тогда исполнился 41 год, а мне десять лет. Каждый день я приходил с подселения в гости в свой родной дом к тётушке, которую оставили смотрителем дома в своём же жилье. Тётушка была филологом, географом и биологом, мудрой, очень умной и начитанной, поэтому Полянский любил беседовать с ней по вечерам. Конечно же, он догадывался, что она не просто смотритель, но вслух это не обсуждалось. Начальником охраны Полянского был тридцатилетний полковник и очень неплохой человек. Это его тётушка научила не выбрасывать нижнее бельё Председателя Совета Министров, а просто качественно постирать его и погладить. Подказала она, какую книгу положить Полянскому вечером на прикроватную тумбочку, с чем подать кефир и какую таблетку выпить от головной боли. Года три потом созванивались начальник охраны и моя тётушка, беседовали, время от времени. Перед домом прогуливались, или просто сидели на лавочке мужчина и женщина, иногда делали вид, что читают журнал, или газету. Сзади за домом у калитки, выходящей в лес, постоянно находились или перемещались двое мужчин в штатском. Начальник охраны два

раза давал мне пощёлкать своим длинным пистолетом, предварительно вынув обойму. Я давал ему пострелять картечью из своей мощной рогатки. Получалось у него очень метко. Лучше, чем у меня. В еде Полянский был удивительно неприветлив, от женщин, с которыми ему два раза предлагали скрасить вечер, отказывался. На работе за день уставал, но живо интересовался всем происходящим вокруг. Читал, пока находился в Порт-городе, рассказы Чехова из полного собрания сочинений. Прочитал третий том, перешёл к четвёртому, но не дочитал, так как уехал вместе со всей делегацией.

После отъезда знаменательных гостей, элементы обстановки типа холодильников, радиоприёмников и кухонных шкафов, настоящим хозяевам разрешили выкупить по сниженным ценам. Но вот ковры, стильную мебель, шторы, скатерти, кровати, постельное бельё и прочее, снабженцы быстро увезли и, поговаривали, что они приватизировали эти предметы сами.

Вернёмся к визиту Хрущёва. Состоялся грандиозный митинг. У здания ГЭС собрались десятки тысяч людей. Это были строители, жители Ставрополя, Жигулёвска, советские и иностранные журналисты, служащие, бывшие заключённые. Вместо трибуны для выступления была задействована эстакада, которая возвышалась над дорогой. Для начала выступили первые лица области, потом руководители строительства, представители трудовых коллективов, знатные рабочие. И вот, наконец, к собравшимся обратился дорогой Никита Сергеевич. Тут-то все и узнали, что более пяти тысяч участников гидростроительства удостоены высоких правительственных наград, двадцати пяти из них было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Немного отвлекусь, так как на митинге об этом не говорилось и факт этот малоизвестен. Более ста человек заключённых, наиболее отличившихся в строительстве, также получили полновесные ордена и медали, а многие из лагерников, работавших на этой «стройке коммунизма», специальным Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1958 года были освобождены от дальнейшего пребывания в местах заключения. Ещё нескольким тысячам человек существенно сократили лагерные сроки. Итак, митинг. Митинг закончился овациями, большим концертом, народными гуляниями.

У нас в Порт-городе, на территории гостиницы «Белокаменная», в летнем зале состоялся грандиозный банкет, главной изюминкой которого, конечно же, был Никита Сергеевич Хрущёв. На застолье были приглашены все высокие руководители, передовики производства и новоиспечённые Герои Социалистического Труда. Никита Сергеевич был в ударе, изрядно выпил, лихо плясал и пел песни. Все остальные довольны. Все, кроме города Жигулёвска. Из-за незапланированной продолжительности банкета в Порт-городе, пришлось отменить назначенную пресс-конференцию Хрущёва. В кафе «Дружба» города Жигулёвска, где должна была быть встреча главы советского правительства с журналистами, столы ломились от разнообразных угощений и выпивки. Журналисты сидели за столами долго-долго, не ели и не пили, ждали Никиту Сергеевича. Вместо него появился министр электростанций СССР Алексей Павленко и объяснил присутствующим, что Хрущёва не будет, а он сам готов ответить на все вопросы. После завершения такой пресс-конференции на столах оставалось много нетронутых блюд и непечатых бутылок. Корреспонденты собрались расходиться, но работники кафе их остановили и сказали просто: «Возьмите всё это с собой». Конечно же, журналистов упрашивать не пришлось.

В дальнейшем Никита Сергеевич посетил г. Куйбышев, где готовился сверхмасштабный митинг посвящённый окончанию многолетнего строительства. Но местные организаторы перестарались. С шести утра планово стекались на центральную площадь колонны людей. Теснота, давка, крики. Несколько часов ожидания. Тщетная попытка властей по громкоговорителю управлять людскими потоками. С опозданием на несколько часов из здания театра оперы и балета появился Хрущёв, взял микрофон и отругал организаторов, хорошо, по-русски. Только шум не прекращался. Все кричали, пытались задавать вопросы о плохом уровне жизни. Хрущёв попытался что-то сказать, но очень кратко, наверное, впервые в жизни так кратко. Несколькими предложениями поздравил и ушёл под нескончаемый шум и крик. Митинг был сорван. Потом была опубликована речь Никиты Сергеевича, якобы произнесённая им на митинге, но, фактически, так и не состоявшаяся.

Что ещё о пребывании правительственной делегации? Осмотрел Хрущёв поля местных колхозов, засеянных в этом году любимой культурой главы государства — кукурузой. Перед его приездом в колхозы за тракторами цепляли железнодорожные рельсы, чтобы те повалили в поле кукурузу. Мол, кукурузу мы уже убрали вовремя. Показуха была во всём.

Правительственная делегация отправилась назад в Москву. ГЭС работала на полную мощность. В строительных подразделениях начались массовые сокращения. Где теперь работать, никто не знал.

30. Эпилог

Вот и закончены мои разрозненные воспоминания о тех временах, событиях и людях, многие из которых уже не на этом свете. Тепло и приятно было окунуться в прозрачные волны воспоминаний о промчавшейся молодости. Жаль, что уже никогда не повторятся те ощущения сопричастности к грандиозным свершениям страны, ощущения той доброты и открытости общений, той бескорыстности и всепоглощающей любви к людям и их откровенным поступкам. Где та незамысловатость поведения и искренняя дружба без претензий? Многого осталось только там, в тех временных отрезках, на той территории нашего Порт-городка. Как хорошо, что есть память неповторимости так быстро промчавшихся событий. Вот и поставлю точку на этом.

Тогда, в Ташкенте

Маленькая повесть

Первое утро

В 1971 году закончил я Тольяттинский политехнический институт довольно благополучно и достойно. Последние три курса обучался я, освежаемый повышенной стипендией, да плюсом шли бонусы за общественную работу и успехи в институтской самодеятельности. В результате получал распределение шестым на потоке, а поток насчитывал 75 человек. Выбор был, конечно же, у меня огромный. Нельзя не упомянуть и то, что 18 человек (естественно, мужского пола) однозначно уходили служить офицерами в артиллерийские подразделения нашей армии и в группу войск на территории Германии. В их число я не попадал по причине неполной семьи, было в то время и такое обстоятельство, отражённое в законодательстве, позволяющее избежать призыва в первых рядах. Итак, распределение. Зашёл в аудиторию, где заседала комиссия, и оказался перед нелёгким выбором. Можно было взять направление на работу в Москву или в Подмосковье, можно было ехать в Клайпеду, Ригу, Ленинград, Тарту, Тбилиси, Минск, Ташкент, в другие города и городки поменьше, можно было остаться в родных местах на автозаводе. Внутри моей черепной коробки блуждали мысли и толкались рассуждения. Думалось так: в Москве и в Подмосковье бывал я неоднократно. В Прибалтике тоже был, а в Талине даже прожил зимой десять дней. В Ленинграде у меня была преддипломная практика в течение трёх с лишним месяцев. В Грузии мне ещё надлежало побывать во время предстоящего месячного июльского похода по горам Кавказа. В Минск почему-то не хотелось. Ну, не привлёк он меня ничем. А вот Ташкент, да это же сплошная экзотика, кроме того, и не бывал я в тех краях ни разу. Усугубилось желание тем, что распределение в Ташкент предусматривало работу на военном авиационном заводе имени Чкалова. Повёлся я. Выбрал Ташкент, чем немного удивил членов комиссии и порадовал очередных за мной соискателей на получение вожеленных мест в Москве, Ленинграде и прочее.

Итак, Ташкент. Прибыть к новому месту работы рекомендовалось 1 августа, но для меня, вчерашнего студента, это было малоосуществимо, так как 10 июля я отправился в чудесный, увлекательный, не очень сложный для профессионала, но весьма познавательный поход (двойка по туристической квалификации). Поход от Теберды, через горы Кавказа, через четыре знаковых перевала, через два ледника, через многочисленные горные речки, речушки и озёра, с выходом из долины реки Чхалта на побережье Чёрного моря в районе города Сухуми. Вернулся я домой только 16 августа, быстро собрался, попрощался с домашними и 19 августа прилетел к месту распределения в город Ташкент.

Самолёт подлетел к Ташкенту рано утром. Над незнакомым городом стояло какое-то малопрозрачное облако. «Пыль», — объяснила мне соседка по салону: «Над городом всегда пыль». Перед аэропортом на площадках, а также в аэропорту, в самом здании, на полу, на каких-то подстилках (название курпачи было мне тогда незнакомо) размещались группки людей в восточных нарядах и в чёрных с белым тубетейках. Они пили чай из пиалушек и ели круглые лепёшки. Небо над Ташкентом было не синее, не голубое, а какое-то сероватое. Это от пыли над городом. Такое небо мне предстояло видеть три года. Лишь изредка, когда доводилось выезжать в горы Чимган, или в небольшие поселения, окружающие Ташкент, я мог видеть по-настоящему голубое небо и яркие ночные звёзды на глубоком тёмно-синем до черноты фоне. Там не было пылевого облака. Итак, Ташкент.

Я сдал в огромную камеру хранения свой чемоданчик и большой абалаковский рюкзак, набитый вещами про запас, на три года приехал, по меньшей мере, как-никак. Куда мне сейчас с вещами? Время, шесть часов утра. На завод ехать рано. Расспросил, где центр города, как туда добраться, на чём, и автобусом отправился пока в центр. Центр Ташкента — это сквер. В сквере дорожки посыпаны ярким красным песком — оказывается, здесь это обычный цвет для песка. Есть вариации чуть темнее или чуть светлее. Вокруг густые зелёные деревья и кустарники, и среди них масса различных кафешек и забегаловок. То чайхана, то лагманная, то мороженое с подачей, то цыплята-табака под соусом, то шашлычная, то пловная, то манты, то чебуреки. И это в начале семидесятых годов, не

страдавших пышным продуктовым изобилием, да ещё рано утром, когда в центральной России традиционно всё закрыто. А тут, в Узбекистане, волшебные ароматы, наличие посетителей, радушные улыбки, сравнительная чистота, божественный ассортимент и незнакомая в предыдущей жизни широта выбора. После некоторой растерянности и существенных размышлений, глотая слюни, зашёл я в лагманную. Ну, не знал я тогда, что такое лагман. Посмотрел, ознакомился с внешним видом этого экзотического для меня блюда, понравилось. Взял на раздаче полный лагман, порцию мантов и порцию чебуреков. Вместо хлеба давали лепёшки. Взял пол-лепёшки и чайничек зелёного чая, пиалушку и две конфетки — карамельки. Если бы я тогда был знаком с узбекской кухней, то, скорее всего, взял бы, конечно, лагман, манты и самсу. Но что такое самса, я и не предполагал, а по внешнему виду оценить вкусовые качества самсы для дилетанта было практически невозможно. Поэтому и пал мой выбор на чебуреки. Чебуреки россиянам были знакомы.

Светило мягкое, но жаркое солнышко. Люди вокруг меня ели размеренно, никуда не торопясь. Поевшие медленно и солидно пили чай, изредка переговариваясь, произнося слова со значением, предварительно их обдумав. Абсолютно другое течение временных потоков и другой склад жизни, так не похожий на нашу привычную суету, вечную занятость и из-за этого несерьёзное пустое мельтешение по тропинкам жизненных обстоятельств. Поневоле и я начал есть свой обильный завтрак не торопясь, получая удовольствие, оценивая и смакуя великолепную вкусовую гамму выбранной еды.

К моему столику, за которым я трапезничал в утреннем одиночестве, подошла чистенькая, благообразная старушка в скромном платочке и с чёрной потёртой сумочкой средних размеров. Смущённо улыбаясь, она обратилась ко мне: «Молодой человек, ради Бога, извините, пожалуйста, меня за столь необычную просьбу, но не смогли бы Вы купить мне на раздаче половинку лагмана? Мне очень перед Вами неудобно, но крайне хочется хотя бы что-нибудь покушать, а необходимой суммы для этого, к моему прискорбию, у меня нет».

До боли мне стало жаль эту голодную, интеллигентную русскую бабушку, вынужденную голодать в гостепри-

имной столице солнечного Узбекистана. Я купил старушке полный лагман, а также ватрушку с творогом, чебурек и компот. Благодарная женщина чуть не прослезилась: «О, молодой человек, огромное Вам спасибо. Это ведь не половина лагмана, а целый лагман! Ах, какой большой чебурек, ах, какая аппетитная ватрушка. Спасибо Вам, спасибо, спасибо, спасибо». Старушка разместилась за моим столиком, полюбовалась на поставленную перед ней еду. Затем она встала, сходила к раздаче и принесла пустой гранёный стакан. Села. Достала из своей чёрной сумочки непечатую пол-литровую бутылку красного портвейна с яркой этикеткой (вечером в гастрономе я увидел на витрине такую же бутылку стоимостью 1 рубль 24 копейки). Бабуля мастерски, очень профессионально откупорила бутылку и одним движением руки налила в свой стакан грамм 170. Махнула стакан и стала уплетать чебурек. Покончив с чебуреком, старушка так же молниеносно налила себе вторичные 170 грамм портвейна и с воодушевлением несколькими глотками выпила очередную порцию. Перешла к лагману. После лагмана долила остатки портвейна в гранёную ёмкость и, причмокивая, выкушала последнюю порцию живительной влаги. Затем она спёрла у меня конфетку, для приличия быстро спросив: «Не возражаете?» Далее старушка достала из сумочки газетку (вернее, её обрывок), завернула в обрывок ватрушку и уложила свёрток туда, где до этого покоилась поллитровка портвейна. Компот бабуля пить не стала. Я оглянулся на соседей, вернее, на их смех. Когда я повернулся назад, старушка уже исчезла из-за стола, из кафе и навсегда из моей жизни.

Вот таким было моё первое утро в Ташкенте. Не прост этот Восток, ох как не прост.

Путь к трудовым будням

Итак, я в Ташкенте. Во внутренних карманах длинного двубортного чёрного бостонного пиджака лежат паспорт, военный билет, комсомольский и профсоюзный билеты, институтский диплом и официальное направление на работу на Ташкентский авиационный завод им. В. П. Чкалова. Плотно позавтракав и погуляв по центру Узбекской столицы, я сел в маршрутку и поехал устраиваться на ра-

боту, кроме того, необходимо было определяться на проживание в новых предлагаемых обстоятельствах. То, что я опрометчиво и напрасно одет в плотный чёрный костюм, стало понятно очень и очень быстро. В этих местах, при сорока с лишним градусах, такую одежду не носят. Но что делать, что делать, не ехать же назад в аэропорт, в камеру хранения за более лёгкой экипировкой. Оставалось полностью расстегнуться и обмахиваться газетой. Авиационный завод, если двигаться из центра города, находился слева от маршрута, за высоким бетонным забором. Аж четыре остановки, и всё завод, завод, завод. А как иначе разместить более пятидесяти тысяч человек работающего персонала. Вышел там, где предполагался отдел кадров этой махины. Как же здесь всё обстоятельно. Очень внимательно и не спеша две женщины-инспектора ознакомились с моими документами, позвонили куда-то. Через полчаса пришёл к нам солидный мужчина — начальник лаборатории сварки. Поясню, что был я по диплому инженером-механиком по специализации «технология и оборудование сварочного производства». Теперь начальник лаборатории подробно побеседовал со мной по соответствующей специальности тематике, ознакомился с моими оценками по предметам, отражёнными в прилагаемой к диплому специальной вкладке и остался, как я понял, в полном удовлетворении своих надежд и предположений. Жить мне доставалось в специализированном заводском общежитии, работать инженером в лаборатории. Оклад был назначен 115 рублей, плюс немаленькие премии, плюс 15% дополнительных выплат на все денежные начисления (так называемый коэффициент за отдалённость). В январе 1942 года военный авиационный завод, эвакуированный из подмосковного города Химки, начал выпускать свою продукцию в городе Ташкенте. Завод так и остался на этом новом для себя месте, а все работающие на нём стали получать дополнительные 15% за отдалённость. Окончательное оформление меня на работу должно было произойти в течение одного-двух дней, а пока я получил направление на размещение в мужском общежитии. Начальник лаборатории любезно согласился сопроводить меня туда, что и сделал. Попал я в свободную комнату на третьем этаже пятиэтажного здания. Пространство для проживания в общежитии было разбито на отдельные блоки.

В каждом блоке по две двухместные комнаты. В каждой комнате свой отдельный большой балкон — скорее, лоджия. В блоке отдельный туалет и отдельная ванная комната. В коридоре вместо одного из блоков одна довольно большая кухня с двумя газовыми плитами, шкапами, кухонной посудой и двумя мойками. На каждом этаже десять блоков, одна кухня и одно хозяйственное помещение. В каждой комнате по две кровати, стильный стол, стулья, два кресла, две резные тумбочки, два встроенных платяных шкафа, холодильник, тяжёлые шторы, скатерть с бахромой, вазочки (непонятно для чего). Постельное бельё менялось один раз в неделю, скатерть один раз в два месяца, шторы один раз в год. В связи с таким графиком жильцы обычно один раз в месяц скатерть переворачивали, так как изнанка её и лицевая часть были одинаковыми. Один заселился я в пустующую комнату. Соседа по комнате у меня не было ещё с полгода. Потом появился Федя, с которым мы подружились, но это уже отдельная история. Комендант общежития выдала мне всё, что причитается в таком случае и ознакомила с неукоснительными правилами добропорядочного проживания в этом здании. На первом этаже находился большой буфет с широким ассортиментом в меню, так что вопрос завтраков отпадал сам по себе. В буфете было восемь или девять столиков, что-то в нём даже готовили, а что-то привозили. Хорошее подспорье одиноким мужчинам. Была на первом этаже и своя библиотека, небольшая, тысячи на полторы книг, на русском, узбекском и почему-то на украинском языке (но украинских книг не более сотни). Был на первом этаже и зал для собраний, правда, за два с половиной года моего проживания в общежитии ни одного собрания я не застал. Правила проживания здесь были относительно строги. А как иначе на пуританском Востоке? Общежитие-то чисто мужское. Никаких женщин или девушек к посещению, вроде бы, не допускалось. Удивительно, но ко мне до 11 часов вечера дам пропускали. Руководитель, как-никак, мало ли какие у меня могут быть производственные дела. А может, это происходило из-за высокого моего имиджа среди вахтёрш, было и такое. Таким послаблением нередко пользовались мои соседи, подговаривая своих пассий сказать, что идут, якобы, они к ... и назвать мою фамилию. Проходило. Остальных дам под-

нимали на простынях через балконы второго этажа, а далее они расходились сами по необходимым им комнатам. Но что-то я отвлёкся от строгой последовательности своего рассказа. Так вот, наконец я зашёл в свою теперь комнату, сбросил костюм и остальную одежду, сполоснулся под душем, и пару часов поспал на облюбованной койке. Потом надел брюки и рубашку. Документы, кроме квитанции на багаж, оставил в комнате и поехал в аэропорт за своими вещами. Привёз вещи, разложил в комнате и пошёл знакомиться с местностью и достопримечательностями, окружающими моё теперешнее место пребывания. Поел я хорошо, вкусно и сытно, благо в Ташкенте в то время это можно было сделать на каждом углу, как говорится. Полюбовался на базарчики и предлагаемые на них товары. Купил килограммов пять огромного, сочного, прозрачного винограда, темно-зеленый полосатый арбуз килограмм на 15, длинную, ароматную, необъятную дыню. За два раза перенёс всё это в свою комнату. Спустился в гастроном, купил бутылку водки и две бутылки вина. Одну бутылку сухого, другую сладкого марочного. Здесь же набрал различной закуски, благо, что на прилавках раздолье. Только вот чёрный ржаной хлеб в Ташкенте не выпускался, купил лепёшки. А деньги у меня, вчерашнего студента, были, рублей 150. Огромная по тем временам сумма. Пока учился в институте, регулярно по вечерам, ночам и выходным разгружал вагоны с рисом, сахаром, солью, углём, стройматериалами, мясом, консервами, вином и прочим. Итак, вечером того дня вернулись с работы мои соседи по блоку, познакомились, я представился и протставился. В соседней комнате жили крымский татарин Алик и узбек Садулло. Отметили моё заселение. Нет, не алкаши какие-нибудь. Выпили по три рюмки и всё. Далее только разговоры, еда и чай. Ну, и дыня с арбузом. Утром я позавтракал, не спускаясь в буфет, а потом отправился в отдел кадров. Одна из вчерашних женщин, инспектор отдела кадров, повела со мной душевную беседу:

— Вот Вы, Владимир, молодой специалист, и даже не представляете, в какое интересное место Вас забросила судьба. Да, я одобряю Ваш вчерашний выбор, но поверьте, есть возможность получить такую практику и такие профессиональные навыки, которые ни в одном месте ни Узбекистана, ни СССР Вам нигде, никогда и никто не

предоставит. По Вашей специальности, которая, не скрою, является очень редкой и дефицитной, Вы можете получить интереснейшую работу только здесь, у нас. Есть на заводе цех № 91, в котором сосредоточены все известные в мире виды и способы сварки, действующие и развивающиеся. Не только работа, но и широчайшее поле для экспериментов, творчества и профессионального роста. Я лично буду следить за Вашими успехами, помогать Вам, направлять и давать необходимые советы. Предлагаю Вам работу не в лаборатории сварки, а в цехе № 91. Должность — мастер по сварке. Не смотрите, что должность звучит непрезентабельно. На самом деле — это 120 человек подчинённого персонала, 18 видов сварки, огромная заработная плата, а также колоссальная ответственность и ненормированный рабочий день. Почёт и уважение, постоянная работа с военпредами, огромный круг человеческого и профессионального общения. Не скрою, прежде чем сделать это предложение, я очень внимательно к Вам присмотрелась и навела справки через соответствующие органы. Если Вы задумались над моим предложением, я готова отвести Вас на экскурсию в этот цех.

— Да, но как же мои обещания, которые я дал вчера начальнику лаборатории сварки?

— Пусть Вас это не волнует, его я беру на себя и сама с ним решу этот вопрос.

— Ну, даже не знаю, что Вам на всё это ответить.

— А ничего и не надо отвечать прямо сейчас. Вот через 10 минут мы пойдём в цех. Потом Вы отправитесь домой. Сегодня пятница, 20 августа. За субботу и воскресенье Вы всё обдумаете, а в понедельник 23 числа вернётесь в отдел кадров с готовым решением. Договорились?

— Хорошо.

Посмотрел я цех, производство и, честно говоря, очень впечатлился. Познакомился с начальником цеха и с двумя его заместителями, с мастером Сашей Кольцовым. Саша командовал рабочими по ручной электродуговой сварке, на выездных работах, по сварке взрывом, по электрошлаковой, по наплавке, по пайке и по контактно-точечной сварке. Всеми остальными видами создания неразъёмных соединений металлов и сплавов предстояло заниматься мне, если, конечно, соглашусь. Честно говоря, увидев то количество рабочих, которыми предстояло руководить и,

самое главное, спрашивать с них, я сильно растерялся. Однако растеряться не означает напугаться. Опыта руководства производственными коллективами у меня не было абсолютно. Да, вращался я среди рабочих. То летом работал два месяца аппаратчиком шестого разряда на заводе СК (синтетического каучука), то вместе с остальными грузчиками таскал тяжести при разгрузке вагонов, то на заводе «Трансформатор» сорок дней трудился электрослесарем. А вот командовать большим коллективом рабочих не доводилось, но захотелось. Как же иначе, если тебе только-только исполнилось 23 года, если будущая жизнь виделась праздником, и впереди предполагались только замечательные и интереснейшие события. Дал я своё согласие. В понедельник оформлялся, во вторник тоже, проходил всякие комиссии и медосмотры, получал инструктажи. Между делом сбегал в лабораторию сварки, пропуск то уже выдали, и повинился перед начальником. Тот отреагировал спокойно, сказал: «Как надорвёшься, возвращайся к нам. Твоё место тебя будет ждать». Я подумал: «Теперь уж ни за что не вернусь, не такой уж я слабак, чтобы сдать и размазаться. Не дожждётся от меня этого Узбекистан». Трудно было, порою очень, но не размазался.

На работу я вышел в среду 25 августа. Строго всё было тут, на заводе. Пропуск получаешь по личному шифру из своей ячейки в отведённой для тебя проходной. Через эту проходную, а не через другую, идёшь в свой цех и сдаёшь пропуск табельщице. Та закрывает его у себя в каморке и выдаёт его на руки только по окончании рабочего дня. Можно взять пропуск и на время, отведённое для обеда, или по командировочному удостоверению. По окончании рабочего дня табельщица раздаёт всем пропуска и уходит домой. Рабочие, оставшиеся трудиться сверхурочно, практически все руководители, ещё долго находятся в цехе, но пропуска уже лежат в их карманах. При выходе через проходную пропуск опять сдаётся. С собой его не забрать. А что вы хотели? Завод-то военный. В то время, когда я приехал в Ташкент, здесь уже заканчивался выпуск транспортно-десантного самолёта АН-12. Всего их было выпущено с 1961 по 1972 годы 830 штук. Полным ходом шёл выпуск огромного военного транспортного тяжёлого самолёта «Антей» (АН -22), длиной 56 метров, с размахом крыльев 64 метра, полезной нагрузкой в 60 тонн, с даль-

ностью полёта 5,5 тысяч километров. Выпускали их с 1965 по 1975 год и успели сделать 66 штук. Осваивалось производство нового среднего транспортно-десантного самолёта ИЛ-76, состоящего из 800 тысяч деталей. Полетел первый ИЛ-76 в 1973 году. Руководил заводом Виктор Николаевич Сивец, массивный и мудрый, авторитетный и разносторонне образованный, и военный, и штатский в одном лице. Главным хобби Виктора Николаевича была работа. Боялись его, но уважали и подчинялись беспрекословно. Правами в Узбекистане он обладал не меньшими, чем министр республики.

Итак, иду в свой цех. Шагать от проходной до нового места работы ровно 11 минут. Первый визит к начальнику цеха. Начальник цеха Вайсерман Моисей Абрамович сидит за массивным столом, с левого угла которого стремится ввысь красивая, добротная модель самолёта «Антей». Рядом лежит небольшая стопка бумаг и потрёпанная пухлая папка производственных планов на август 1971 года. Слева большой пузатый фарфоровый чайник с синим национальным орнаментом, а справа ещё более массивный фарфоровый чайник в красных мотивах. Стопка маленьких пиалусечек и стопка пиал поболее. Маленькие в синих тонах, а большие в красных. В противоположном от модели самолёта углу стола большой графин с водой и тарелочка с нарезанным лимоном. Моисей Абрамович встал, поздоровался со мной, усадил напротив себя, налил мне из красного чайника горячего ароматного чая в большую пиалу, предложил лимон и начал беседу со мной. Беседовал долго, подробно, на профессиональные темы и на темы житейские. Расспросил и об учёбе, и об увлечениях, и о практических навыках в сварке, которых пока было как кот наплакал. Поведал мне о трудностях, с которыми я столкнусь, и посоветовал: «А главное, не давай работягам садиться тебе на шею. Дашь только палец, не успеешь оглянуться, а они всю руку оттяпают». Объяснил, сколько специфических вопросов мне придётся решать. Сообщил, что в подчинении у меня будет 105 человек. Есть служащие — это помощник мастера (за помощником, вернее, помощницей — снабжение, комплектация и обеспечение работающих подручными и присадочными материалами), комплектовщица (по сути, оформитель нарядов) и кладовщица. Двадцать человек — это женщины,

специалистки по газопламенной сварке, работающие на повременной системе оплаты труда, а восемьдесят два человека — мужчины, это сдельщики, которым ежемесячно надо закрывать наряды, а осуществляют они самые разнообразные виды сварки. Все они различной квалификации, и тут важны кропотливый учёт выполненной работы, но главное — это качество, качество, качество в первую очередь, а всё остальное потом. Рассказал он мне и о методах контроля продукции, и о рентгенолаборатории, и о магнитоскопии, и об ультразвуковом контроле, и прочее, прочее. Поведал о специализированных камерах, из которых до вакуума отсасывается воздух, а затем безвоздушное пространство заполняется аргоном, и в этой чистой среде производится сварка нержавеющей и титановых сплавов. Оказывается, все эти камеры тоже будут входить в сферу моей ответственности.

Потом Моисей Абрамович пригласил своего заместителя по производству по фамилии Зарандия, по имени отчеству Олег Александрович, и поручил меня ему. Далее, уже с Олегом, я знакомился с цехом, планом, характером работ, и был им представлен коллективу, руководителем которого я был только что назначен. Всё так ново, незнакомо, многое просто непонятно, и самое главное, абсолютно непривычно. Олег посоветовал влезать во всё по порядку. Не хвататься разом за всё, а по порядку. Сначала изучить и освоить досконально какой-то вопрос и лишь потом переходить к следующей ступени. Вот этот способ в дальнейшем мне, на самом деле, помог освоиться и перейти от дилетантства к профессионализму. Оказалось, что у меня есть свой личный кабинет, который располагался в уединённом зале, вне вечного цехового шума. В самом зале находилась установка автоматической сварки сплавов и несколько агрегатов экспериментальных видов сварки — научный полигон, так сказать. Этот зал заканчивался большой комнатой без входной двери, только арка. Вот эта комната, по сути, и представляла мой кабинет. В кабинете стоял огромный сейф, сейф поменьше, солидный письменный стол, два шкафа для различных документов и бумаг, небольшой стеллаж для учитываемых присадочных материалов, маленький столик и от 10 до 12 стульев. В углу кабинета стоял ещё один письменный стол, за которым работала комплектовщица. У помощницы мастера был свой маленький закуток в цехе. С этого дня начались мои трудовые будни.

На работе

Так много событий закрутилось в сфере моей трудовой деятельности на заводе, столько нового доводилось узнавать каждый день, с такими житейскими загадками я теперь сталкивался, что порою объективно не мог оценить значения происходящего вокруг меня. Не мог поначалу выработать реальных постулатов своего поведения и отношения к событиям, людям и их разноплановым поступкам. Несколько месяцев пролетело как мгновение, голова пухла от закачиваемой в неё информации. Рабочие присматривались ко мне, а я к ним. Несколько раз они провоцировали меня на приписки к закрываемым нарядам, предлагая некоторую мзду. Но такие поползновения я пресёк сразу, категорично, в довольно резкой и очень грубой форме. Не проехало это у них. Во всех перипетиях, возникающих на производстве, я старался встать на сторону реальной справедливости в решении спорных вопросов, и не принимать в расчёт политические аргументы или доводы, что так надо или так положено. Незаметно, не очень быстро, скорее постепенно, стал я замечать, что рабочие начали ко мне прислушиваться, без ворчанья выполнять отдаваемые мною распоряжения и, что уж было для меня совершенно непредсказуемо, стали советоваться со своим мастером по производственным и даже по житейским вопросам. Это оказалось для меня полнейшей неожиданностью и вызвало реальное большое удивление. К двадцатитрёхлетнему парню приходили здоровенные дядьки и жаловались на сложные семейные обстоятельства, на неприятие их склонностей и увлечений жёнами, на непослушание и плохое поведение детей, на невозможность поменять свой образ жизни на более насыщенный и интересный. Володька Миникин, мужчина тридцати трёх лет, даже жил у меня в комнате в течение недели, когда уходил от жены. Некоторые сварщики ночевали у меня в общежитии, когда у них в доме складывалась нетерпимая семейная обстановка. Какие я там советы давал людям, сейчас, конечно не помню, но к советам этим почему-то прислушивались. Вернусь к Володьке. Жена Володьку Миникина, скорее всего, не любила. Однажды после очередной семейной ссоры купила она ему бутылку и позволила прилечь к ней за ужином, затем вызвала милицию, при-

гласила подружку соседку, расцарапала себе лицо, и приехавшим стражам порядка подруги поведали, что Володька якобы буянил, дрался и бил посуду. Перед приездом милиционеров они разбили об пол три старых чайных чашки и опрокинули две табуретки. Володьку посадили на 15 суток по заявлению этих двух мегер. За время его отсутствия подружки нагулялись всласть. Поднахватался Володька в местах отсидки житейской мудрости. Вышел, вернулся домой, вёл себя с женой виновато, тихо и даже подобострастно. На праздник зашёл к нему приятель, принёс цветы для хозяйки дома и бутылку шампанского на стол. Сели, откупорили спиртное, жена выпила один, другой раз, а Володька только делал вид, что поднимает рюмку, но сам не пил. Приятель потихоньку вызвал милицию. Володька ножом поцарапал себе лицо и руки, а нож они попросили забрать Володькину супругу. Милиции оба трезвых приятеля заявили, что та буянила, ругалась и в пьяном виде бросалась с ножом на мужа. Теперь жену посадили как злостную хулиганку и дебоширку. После её отсидки Миникины развелись. Через год он стал встречаться с кладовщицей из тридцатого цеха. Поженились и жили душа в душу. И каких я житейских историй не рассмотрелся, и чего по вопросу жизненных неурядиц не наслушался, пока работал в цехе. Случай попроще. Вот Димка Мусин. Великолепный сварщик, сварщик от Бога. В его руках необъяснимым порядком соединялись такие детали, которые по всем канонам и учебной литературе вообще никак не должны были свариваться. Чувствовал он и металл, и сварочную дугу. Даже маститый профессор по нашей специальности из Ленинградского научно-исследовательского института приезжала специально посмотреть, как Димке удаётся сварить хитрый магниевый сплав со сплавом титановым, так как сварке между собой напрямую они не подлежали. Удивилась, забрала образцы с собой в Ленинград и сообщила нам, что разработает теоретическую базу этого оригинального события. Насколько знаю, не разработала. Так вот, Дмитрий зарабатывал очень большие деньги, от 500 до 800 рублей в месяц (в то время 100 рублей — это был месячный оклад начинающего инженера не на военном предприятии). Был он абсолютно не жаден, деньги не ценил и тратил заработки как придётся. Идет с завода, увидит в продаже, например, мотоцикл,

или дорогуший зеркальный фотоаппарат, и сразу, не раздумывая, покупает. Повозится с покупкой две-три недели и остывает. Продаёт знакомым за бесценок. Те уже знают и ждут очередную дорогую новинку по бросовой цене. Вот и пришла ко мне его супруга с жалобой на такое расточительство семейного бюджета со стороны мужа. «Неподобающее поведение», — так она выразилась. А что тут скажешь этому Димке? Но что-то говорил. Больше супруга не жаловалась. Звали, и постоянно, Димку работать специалистом по пайке и сварке на ювелирную фабрику. Предлагали заработную плату в размере 1000 рублей в месяц, вероятно, что преувеличивали. Пока я жил в Ташкенте, Димка на переход не решался. Перешёл после моего отъезда. Да, опять отвлёкся от сути своего повествования. И так, работа и цех. Кроме четырёх отдельных необитаемых камер (это камеры, в которые запускаются только руки в специальных перчатках) и обитаемой камеры для сварки специалистами, находящимися в контролируемой среде инертного газа, были в цехе самые разнообразные виды разноплановых сварочных работ. У каждого специалиста-сварщика была своя отдельная кабинка, где он и работал. Это для того, чтобы не слепить соседей. По кабинкам сидели и те сварщики, кто варил специальной горелкой с вольфрамовым электродом, через сопло этой горелки в зону сварки поступал инертный защитный газ аргон из баллона через систему шлангов. В левой руке специалист держал присадочный материал, который вручную подавался в зону горения дуги. Расход аргона позволял содержимым баллона оперировать до обеда. После обеда необходим был ещё баллон. Самому сварщику таскать баллоны нельзя, руки будут трястись, а его основная работа ответственная и филигранная. Вес баллона с газом примерно 90 кг. Надо перед началом смены до 8 часов утра развезти или разнести по кабинам 36 баллонов. В обед забрать пустые ёмкости и заменить на новые. Собрать по окончании работ использованные баллоны. Как это правильно делать и кому? Не скрою, поначалу это было настоящее мучение. Десятки вариантов, и всё не то. Но вот, сообразилось. Договорился я с Колькой Новиковым, тоже сварщик, но на работах менее ответственных (специалист по ширпотребу). Сто рублей в месяц дополнительно к зарплате за ежедневное жонглирование баллонами по кабинкам, несколько раз в

день. Николай был человек силы необычайной. Я, по крайней мере, такой силы у людей, с кем сводила судьба, более не встречал. Он брал под мышки по баллону и быстро-быстро, бегом разносил их и уносил, не уставал и не надрывался. Никаких проблем. Правда, ел Коля очень много. На обед три порции плова, а одной порции с лихвой хватало на взрослого человека, на завтрак колесо грамм в 700 полукопчёной колбасы, да плюс яичница из пяти яиц и каша. Рост его был в районе двух метров, а вес килограммов 120. Но не капли жира, мускулистый и поджарый. Произшёл с этим Колькой ещё один поразительный случай. Для сварки нескольких сложных деталей из редких сплавов (на ИЛ-76), потребовалась присадочная проволока очень необычной марки с большим перечнем металлов, входящих в неё в качестве компонентов. Проверили наши службы наличие этой проволоки по всему Советскому Союзу. Оказалось, что есть такая марка только на военном моторостроительном заводе в городе Пермь. Связались, договорились. Доставка должна была быть срочнейшей. Послали дневным авиарейсом Николая Новикова. Получать-то надо было аж 100 кг. Утром пришёл я на работу, смотрю, Колька как всегда баллоны по кабинкам разносит. Спрашиваю его: «На самолёт не успел, что ли?». Отвечает: «Да я уже вернулся ночным рейсом». Оказалось, наш силач для экономии времени взял в обе руки две бухточки проволоки по 50 кг каждая, завёрнутые в белую упаковочную бумагу, и пронёс эти свёртки на борт самолёта, как ручную кладь. Нёс их как пушинки, ни у кого не вызвав и тени подозрения об истинном весе бумажных пакетов. В этот же день редкую проволоку запустили в работу. Женщины-сварщицы работали не в кабинках. Газопламенная сварка осуществлялась за плоскими столами. 3 женщины с одной стороны стола, 3 с другой. В основном почему-то это были гречанки. В Ташкенте в то время было много греческих эмигрантов. Потом, когда в Греции пала власть хунты — чёрных полковников, стали эмигранты возвращаться на родину, но я этого ещё не застал. Гречанки меня сначала стеснялись, потом привыкли и полюбили затевать со мной в свободное время сакраментальные беседы на политические темы, на темы профессионального мастерства и робко на темы отношения мужей к своим жёнам у разных национальностей. Но это только

коллективно, никаких разговоров наедине с женщиной не допускалось. Не буду подробно обо всех перипетиях работы. Не буду обо всём, что казалось мне интересным и необычным. Расскажу только про обитаемую камеру. Итак, это отдельно стоящий в цехе большой дом. В доме огромный зал, по бокам шлюзовые камеры, несколько операторских и много подсобных помещений. В центр этого зала на специальные столы загружаются рельсовыми тележками нержавеющие и титановые детали и узлы, подлежащие сварке. Затем зал герметически закрывается и из него полностью откачивается воздух до глубокого вакуума. Нагнетается инертный газ аргон очень высокой чистоты. Спецприборы регулируют дополнительную очистку среды от любой пыли и примесей. Через шлюзование в зал попадают сварщики, одетые в изолирующие костюмы, похожие на водолазные скафандры со шлемом, шланговой подачей воздуха и отдельным отводом отработанной дыхательной смеси. «Водолазы» производят сварку в течение четырёх часов, затем опять шлюзуются и выходят на свежий воздух. Готовую продукцию вывозят тележкой через отдельную шлюзовую камеру ежедневно. Загрузка камеры 1 раз в неделю, на шесть дней работы. Перед заходом людей в камеру — полный медицинский осмотр в течение одного часа. Затем проверка снаряжения и экипировки — один час. Одевание, осмотр, заход через шлюзование — полчаса. Выход из камеры и раздевание, осмотр костюма — полчаса. Опять небольшой медицинский осмотр. Наблюдать за работой сварщиков можно через двенадцать иллюминаторов, находящихся в стенах зала. Контролируют все параметры и следят за приборами два человека, плюс три человека обслуживающего персонала. Отвечает за всё начальник камеры. И за технику безопасности, и за своевременность и полноту медосмотра, и за соблюдение всех технологических параметров. За сварщиков, их экипировку, подготовку, поведение, состав, обучение и аттестацию отвечал я. Кстати, однажды приезжий, командированный на завод, генерал-лейтенант наблюдал через иллюминатор за работой сварщиков в упомянутых скафандрах. Миша Бодягин, случайно переключившая в камере узел, который предстояло сварить, задел за детали барашком краника подачи воздуха. Количество поступающего в скафандр воздуха намного превысило количество отводимого через вто-

рой шланг отработанного воздуха. Резиновый скафандр стал быстро раздуваться. Мишка не успел дотянуться до краника, дабы уменьшить приточную подачу. Раздутые рукава не давали такой возможности. Генерал-лейтенант, ничего не поняв из происходящего, но понаблюдав за неуклюжими взмахами раздутого до шарика сварщика, произнёс: «Ах, как интересно у вас там всё происходит». Хорошо, что Лямин Коля, второй сварщик, вовремя заметил незапланированное раздутие, подошёл к Михаилу и отрегулировал ему подачу и отвод воздуха. Мишкин скафандр постепенно сдулся до рабочего состояния. Генералу, конечно же, не сказали о неординарности ситуации. Что ещё рассказать читателю о трудовых буднях? Неоднозначный вопрос о спирте. Перед сваркой большинство деталей самолёта сначала обезжириваются ацетоном, а затем обезживаются спиртом. С ацетоном проблем не было. А со спиртом были. Много его полагалось. Спирт — это вторая валюта. За него всё можно было достать, или получить вне всякой очереди. Нельзя было пригласить военпредов на приёмку готовых деталей и узлов, не поставив на стол графин со спиртом, в совокупности с лёгкой закуской. Обычно посылал я комплектовщицу за «солёными апельсинами». Что это такое? Рядом с помещением столовой стояла огромная бочка с зелёными солёными помидорами — «солёные апельсины» в посторечьи и на цеховом жаргоне. За полстакана спирта посудомойщицы накладывали полный пакет этих солёностей и присовокупляли три или четыре лепёшки. Великолепная и постоянная закуска для военпредов. Кроме военных, регулярно и почти ежедневно употребляли спирт контрольные мастера, которых в цехе было пять человек. Два производственных мастера и начальник участка Бабичев тоже не брезговали этим напитком, а заместитель начальника цеха Адыгамов был большим его любителем. Как позже я узнал, синий чайник на столе начальника цеха содержал спирт-ректификат. В зависимости от характера беседы и личности собеседника, Моисей Абрамович наливал своему визави и себе тоже то ли спирт из синего чайника, то ли чай из красного. Поработав и понаблюдав, я убедился в зависимости многих цеховых от этого напитка. Чтобы самому не спиться, я соврал всем, что мой организм спирт не воспринимает и что у меня на спирт дикая аллергия. Так качественно соврал, так всех в

этом убедил, что даже сам в это поверил и спустя десять лет, уже после Ташкента, как-то попробовал выпить спирт и не смог. А в цехе пили, или, как здесь говорили, употребляли и крепко. Получал я в день от шести до девяти литров гидролизного спирта и около двух литров ректификата. Применение спирта по его прямому назначению, возможно, было только под личным контролем, любая его передача другому лицу, хоть и с благими намерениями, грозила употреблением внутрь. Самая главная задача была — это спрятать полученный спирт в недоступное место и, по возможности, надёжно, до конца дня. Рабочие были в состоянии открыть любой замок, что в сейфе, что в металлическом шкафу. Исхитрялся, прятал, но не всегда удачно. Обычно после официального окончания рабочего дня трудовые подвиги в цехе продолжались ещё четыре-пять часов. Сварщики сверкали огнями сверхурочно, служащие, естественно, находились тут же, до окончания всех работ. Субботы и воскресенья оплачивались в двойном размере и работа кипела. В 1971 году я отдыхал только три воскресенья. Платили, правда, много, врать не стану. Получал я от 300 до 400 с лишним рублей в месяц. Утекали. Директор завода любил назначать в восемь часов вечера очную оперативку первых руководителей подразделений. Несколько раз доводилось и мне посещать эти заседания. Причина простая и банальная. К восьми вечера начинается поиск представителя от цеха. Начальник цеха подшофе, заместитель ещё в большей степени. Начальник участка, по той же причине, представлять не в состоянии, а мастер Кольцов просто пьян и т. п. Хватают меня и отправляют защищать интересы цеха. Вроде бы и хорошо, что не пью, а с другой стороны, как это обременительно. Начальник камеры, о котором речь шла выше, выпивал по своей оригинальной схеме. Был он человек пожилой (как мне тогда казалось), в районе пятидесяти лет. Целый день он в рот не брал, крепился. Нельзя. Ответственность слишком высокая. Но вечером, после окончания всех работ, Виктор Николаевич садился за стол в операторской. На столе стояли графин со спиртом, пиалушка с водой и лежал «солёный апельсин». Один, но большой. Наблюдали за этим обычно его сослуживцы и иногда я. Сослуживцам Виктор Николаевич спирта не давал, берёг их. Начальник камеры наливал полный стакан спирта, лихо его выпи-

вал, запивал небольшой порцией воды из пиалушки и закусывал половинкой зелёного «апельсина». После этого Виктор Николаевич от 15 до 20-и минут разговаривал с подчинёнными сотрудниками на различные житейские темы. Затем выпивал второй стакан спирта, закусывал остатками помидора и быстро-быстро шёл к проходной, идти-то 11 минут. Накрывало его уже в маршрутке, по дороге домой, или на скамейке на остановке, но это происходило уже за проходной завода. Больше всего пили, как ни странно, контрольные мастера. Рабочие цеха тоже не брезговали, если сопрут спирт, или достанется он им окольными, неисповедимыми путями. Дружил я в цехе с Олегом Зарандия — заместителем начальника цеха, грузином по национальности, вернее, мингрелом, и с Лёвой Финкельштейном — начальником цехового технического бюро, сами понимаете кем по национальности. И Олег, и Лёва спирт не пили. Олег мог выпить в праздник сухого вина, а Лёва рюмочку вина марочного. Это были разносторонне развитые люди, с хорошим тонким юмором, порядочные, честные и интересные. Правда, Олег был на семь лет меня старше, а Лёва на восемь. Но нам это, по-моему, не мешало. Оба они были людьми семейными, и это препятствовало нашему общению вне работы. Рядом с цехом находилась огромная рентгенлаборатория. Основная масса деталей, относящихся к категории ответственных составляющих самолёта, подвергалась просветке сварных швов рентгеновскими лучами. На специальную фотоплёнку, помещённую в чёрную плотную бумагу, выкладывалась деталь сварным швом к плёнке, под специализированный мощный рентгеноаппарат. Все выходили из помещения, закрывались массивные двери, дистанционно излучатель включался на продолжительность, зависящую от параметров изделия и его толщины. По окончании облучения плёнка проявлялась, и на ней были видны все дефекты сварных швов, если они имели место быть. Интенсивность излучения тоже регулировалась. Однажды девушки-операторы не уследили, и в комнате с аппаратом во время сеанса облучения осталась наша цеховая тёмно-серая кошка Мурка. Вышла из-под облучения, сначала вроде бы ничего, но потом с Муркой произошёл казус. Вся её шерсть вылезла. Ах, какое это ужасное зрелище — лысая кошка. Мурка стала казаться очень худой, и была покрыта какими-то го-

лубыми прожилками, может быть, её вены так смотрелись. Она постоянно мяукала и мёрзла. Но не погибла, так и ходила по цеху в безобразном обнажённом состоянии, пугая людей, не знакомых с её ситуацией. Из любопытства я и заместитель начальника рентгенолаборатории Надя стащили с подоконника кабинета нашего начальника цеха один из кактусов, тот кактус, у которого колючки были самые длинные. Ещё три кактуса осталось. Хотели посмотреть, отбросит он иголки от облучения, или нет. Станет ли кактус лысым? Дали большую интенсивность и длительный срок облучения. Подождали потом сутки. Ничего. Повторили на более жёстких режимах. Ничего. Выставили на ночь под включённым аппаратом. Вроде бы опять ничего. Оставили мы этот кактус в покое. И вдруг через несколько дней подопытный кактус зацвёл чем-то розовым. Как оказалось, до этого эксперимента он не цвёл никогда. А иголки только крепче стали. На заводе трудились умельцы самых разноплановых направлений. Обидно им было, что такие ценные и особенные материалы проходят мимо рук, минуя семью. Изготавливали из редких сплавов всё, что придётся, потом выносили. Многие гаражи в нашем четвёртом жилгородке были крыты листами из нержавеющей стали. На одном гараже я заметил крышу из титанового листа. Какие фляги изготавливались, какие предметы домашнего и кухонного обихода, какие красивые, острые, как бритва ножи и прочее, прочее. В общежитии только у меня было семь или восемь подаренных мне великолепных ножей различных размеров, конфигурации и назначения. Из специализированной стали, прошедшие соответствующую термообработку, практически не затупляющиеся ножи. А один нож был даже качественно вороненым. Делали умельцы и металлические бочки для домашних солений. Причём, опытным путём было установлено, что хорошо солёности сохраняются только в таре из определённой марки нержавеющей стали и ни в какой другой. Эту марку называть не буду. А металл остальных марок для такой цели подходит, но гораздо меньше. Непригодны для засолочных бочек и листы из титановых сплавов. Привкус потом у капусты не тот. Как же выносили эти бочки? Насколько знаю, всё очень просто, одно изделие охране, а одно себе. Правда, ходили слухи, что когда на территории завода продавали для со-

трудников российскую картошку, то её умельцы загружали в бочки и несли через вахту. Вопрос: «Что ты там несёшь?». Ответ: «Да вот, картошку купил». И проносили картошку вместе с бочкой. Но вполне возможно, что это просто байки о человеческой лихости и сообразительности. Наш цех был очень дружным. Все праздники проводили вместе, снимали какое-нибудь кафе, обязательно приглашали членов семей и гуляли весело, долго, по многу часов. Причём это были и инженерно-технические работники, и рабочие, и весь обслуживающий персонал. Все вместе. На следующий день на работе я несколько строже, чем обычно, спрашивал с подчинённых, панибратства не допускал. Рабочие всё понимали и не роптали. В 1973 году я узнал, что у меня есть своя кличка. Оказывается, за глаза звали меня подчинённые — батя. Не скрою, мне, по сути, ещё мальчишке, было даже приятно, хотя и явилось это для меня полной неожиданностью. Вот так и летели наши рабочие будни в городе Ташкенте.

Вне работы

Ташкент для меня — это совокупность чудесных ароматов восточной кухни, это размеренность и неспешный ритм шума многочисленных базаров, это вечное распитие чая в многочисленных чайханах, это вкуснейшая горячая еда прямо на улице, это солидность и обстоятельность узбеков, опущенные глаза и показная покорность узбеков. Также это разноплановая разноцветность местных орнаментов, это пёстрые женские одежды и скромная монотонность одежд мужских. Это вечная торговля всем, что хоть как-то пригодно для продажи, это минареты и утренние пронзительные молитвенные призывы муэдзинов. Фоном к городу, своеобразная и полностью национальная музыка. Под дутары, под оглушающие гудки карнаев перемещаются по улицам многочисленные национальные группы людей, так начинается какое-то очередное и запланированное торжество. Это означает, что, как положено, отмечается очередное знаменательное событие. Значит, где-то уже щедро накрыты достарханы и всех гостей ждёт обильное угощение. Скорее всего, это большая свадьба, или это обязательный, необходимый и грандиозный праздник, суть

которого вслух не произносится, но означает, что отмечается обрезание. А теперь я фрагментарно попытаюсь описать то, что наиболее ярко запомнилось. Вот по улице идёт узбек в чёрной с белым тубетейке, в халате и, обычно, имеет он впереди животик, а это его характеризует только положительно, значит человек солидный, а не вертихвост какой-нибудь. На расстоянии в несколько метров за главой идёт жена в пестром национальном платье и разноцветных штанах, а за ней дети этой семьи, чем их больше, тем лучше. Вот такая обыденность. Если семья едет в городском транспорте, то на сиденье сидит муж, а жена стоит рядом. Торговать узбекские дети на улице начинали лет с пяти, а то и раньше, лишь бы деньги различали. Базаров везде и вокруг неимоверное множество. Скорее, не базаров даже, а базарчиков. Слово рынок в Ташкенте малоупотребительно, во всяком случае, я его никогда не слышал. Итак, базары. Самых больших где-то пять-шесть, по одному огромному на каждый район. Остальные поменьше, и количество их учёту не поддаётся. Огромный базар — Алайский, был от меня в пяти автобусных остановках. Это был не базар, это был как бы отдельный город со своими законами и обычаями. Обойти все ряды с предлагаемыми товарами можно было только за несколько часов. Продавцы обязательно звали попробовать овощи и фрукты, нахваливали свой товар, готовы были бесплатно отнести совершённые тобой покупки до остановки, или до автомобиля, если таковой имелся. Заполненные, я бы сказал, заваленные барханами товаров нескончаемые ряды. Тут и виноград всех цветов, сортов и размеров, разномастные дыни и арбузы, абрикосы, персики, груши, яблоки, грецкие орехи, сливы, вишни, черешни, айва, гранаты, хурма. Горы различных овощей и нескончаемые горки разнообразных специй, отдельные ряды с мясом и мясными продуктами, колбасами, изготовленными вручную в домашних условиях, копчёностями и прочее. Но из мяса только баранина, говядина, телятина, конина, козлятина и зайчатина. Страна-то мусульманская. Реже мясо птиц и дичи. Курдючное сало. Почему-то в Ташкенте очень мало ели гусей и уток. Был на базаре целый ряд из различной рыбы. И размеры рыбы, и её ассортимент впечатляли, но спросом рыба обычно не пользовалась. Не приучены в Ташкенте были к рыбе. Раз

я купил свежих замечательных карасей, почистил, выпотрошил, пожарил у себя в общежитии, пригласил на ужин соседей. Они поковыряли рыбу на тарелке, попробовали, но есть не стали. Не обычная это для них еда, не привычна для них рыба. Далее о базаре. Были здесь особые ряды, где покупателям предлагались заготовки для национальных блюд. Это и нарезанная для плова особым способом морковь, жёлтая и красная, и нашинкованный лук, и различные виды риса для многочисленных сортов плова, и разнообразные ингредиенты, и порубленная на порционные куски баранина для конкретных блюд. Здесь же и мясо для шашлыка, если пожелаешь, то и промаринованное, и даже плотно насаженное на шпажки, здесь же и лепёшки различных размеров, конфигураций, толщины и вкуса. А вот заготовки для лагмана, шурпы, моставы, мошхурды, гужи и так далее. Рядом подготовленные для дальнейшего использования и обработанные соответствующим образом пшеница, ячмень, горох, нут, маш, фасоль, репа, лён, кунжут, тыква, редька, редис, льняное, кунжутное и хлопковое масло. Если продолжить путешествие по базару, то упираешься в любимые посетителями места приготовления и подачи проголодавшимся покупателям горячей пищи, состоящей из национальных узбекских блюд. Здесь можно было поесть и ташкентский плов, и самаркандский, и ферганский, и бухарский, и хорезмский, и ещё чей-то, сейчас уже и не упомяну. Поверьте, что вкус у всех видов пловов замечательный, но абсолютно разный и неповторимый. Наскучил плов, можешь попробовать шавлю, или лагман, чучвару, или манты, самсу, или шашлык, чебуреки, или тухум-барак, кебаб или шурпу. И каждое из этих аппетитных кушаний доступно выбрать в различных вариантах. Например, шашлык можно заказать кусочками, а можно взять люля-кебаб из провёрнутого мяса, можно отведать шашлык из брусочков говяжьей или бараньей печени, можно съесть шашлык из телятины. Стоил шашлык (любой) 21 копейку за палочку, к нему бесплатно подавался маринованный репчатый лук. Хочешь, бери кусочек хлеба за 1 копейку. Тогда уже палочка шашлыка обходилась в 22 копейки. Самса была самых разнообразных сортов и размеров. И большая, и маленькая, и с мясом, и с тыквой, и с добавлением кусочков курдюка, и без них, и слоёная, и гладкая, с посыпкой и без. В мантах начинка

была из говядины или из баранины, с большим количеством лука или с иными составляющими. Я любил манты из баранины, которые подавались в большой кисе по пять штук и были сверху залиты горячим бараньим жиром. На Алайском базаре можно было очень сытно и вкусно поесть, главное, не запутаться в огромном разнообразии предлагаемых яств. По желанию, посетителю по его заказу перед едой наливали или сто, или сто пятьдесят граммов водки, но скрытно, из заварочного чайника, и обязательно в пиалушку. При острой потребности повторения могли и повторить, но не более одного раза. Любили мужчины посещать базар для закупок продовольствия. Это вкратце о базарах. Теперь о магазинах. Что меня более всего поразило, так это то, что в витринах гастрономов свободно лежало мясо для продажи. В Российской части страны близко тогда ничего подобного не было. Правда, надо отдать должное, что здесь из мяса продавалась в основном свинина, но качественная и не всегда излишне жирная. Местные жители свинины ели очень мало, разве что украинцы, по национальной тяге к салу. Иногда, когда я поздно возвращался с работы, то по дороге покупал хороший кусок свинины, бросал его на кухне на сковородку, после соответствующей обжарки заливал яйцами и потом с удовольствием съедал со свежей лепёшкой. Затем уминал пару кисточек винограда и оставался сыт и доволен своим ужином. Продавали в магазинах и говяжью печень. Готовилась она очень быстро. Поэтому обжаришь на сковороде картошечку, нарезанную соломкой, добавишь куочки печени, помешаешь, чуть-чуть подождёшь, вот и вышло вкусное блюдо. А далее очередь арбуза, или дыни, или персиков, если сезон. Пиво я в Ташкенте почти не пил, хотя пивных было более чем достаточно. Дело в том, что вкус этого напитка в Узбекистане почему-то был противным и кислым. А само пиво непрозрачным и мутным. Поймали здесь одного хозяина пивной, который добавлял в пиво стиральный порошок для обильной пены. С Ташкентским пивом у меня не сложилось. Зато в городе продавалось очень много сортов великолепного белого сухого вина. «Гулоб», «Баян ширей» и ещё шесть или семь названий, сейчас даже не припомню. Местные жители сухое вино в основном игнорировали, предпочитая водку или портвейн, а я иногда в застолье с удовольствием, особен-

но в жару, мог выпить холодненькое сухое. Цена почему-то у этого вина была мизерная. Так, например, полулитровая бутылка «Баян ширей» стоила 66 копеек, это притом, что в эту стоимость входила и цена бутылки — 12 копеек. Что ещё? В Ташкенте многое было не так, как в России. В магазинах на витрины болгарские сигареты не выставлялись, но продавались. Подходи к любому продавцу и называй марку: Ту-134, или Опал, или Родопи, отсчитывай 50 копеек, и тебе сразу же выдавали запрашиваемую пачку, цена которой в реальности составляла 35 копеек. Ночью у любого магазинного сторожа в Ташкенте можно было приобрести пол-литра водки стоимостью 3 рубля 62 копейки за 5 рублей, или же бутылку портвейна стоимостью в полтора рубля за 3 рубля. В промтоварных магазинах можно было купить из-под полы любую дефицитную вещь с соответствующей доплатой, на всё существовал свой тариф. Были в Ташкенте и несколько вещевых рынков, цены на которых регулировали мода и спрос. При желании и крайней необходимости достать можно было всё, любую вещь. Спекуляция пресекалась вроде бы как, но от милиции все, кто хотел, откупались. Здесь тоже были свои таксы. Что меня всегда поражало, это то, что разбитая чайная посуда у местных не выбрасывалась. Кусочки разбитых пиал или чайничков собирались вновь и стягивались между собой медной проволокой. Часто можно было видеть, как сидит на улице узбек, пьёт чай, а носик и ручка у его фарфорового чайника скреплены проволокой, и пиалушка, состоящая из нескольких кусков, вдоль и поперёк перетянута такой же медью. Присмотрелся я и к тому, как обычно отдыхают местные жители. Собираются на целый день, ну, скажем, к примеру, в парке Сабира Рахимова. На возвышенности под навесом, прикрывающем от солнца, стоят достарханы — очень низкие столики с едой, вокруг них на курпачах — узких ватных стеганых одеялах — рассаживаются, скрестив ноги, солидные узбеки в тюбетейках и халатах. Никаких женщин. Рядом, чуть ниже, журчат и несутся быстрые мутные воды местной речки Кара-су. Шумят на ветру пыльные чинары. Для начала подаются фарфоровые чайники с водкой и пиалушки к ним. Наливают и выпивают. Считается, что Аллах не видит, если пить не из бутылки и рюмки, ведь чайники и пиалушки для чая. Итак, выпивают, закусыва-

ют зелёной маргеланской редькой, помидорами, квашеными баклажанами, маринованными сливами. Потом продолжают выпивать и едят шашлык, самсу, даже иногда шурпу. Проходит несколько часов. Разговоры оживляются, лица краснеют. И вот сообщение: «Сейчас будет плов». Выпивают водку последний раз. Во время плова и после него водка уже не пьётся. Только чай. Приносят плов на огромном национальном блюде. Красивый, дымящийся плов. Все начинают его есть, обязательно только руками, специальным хитрым способом тремя пальцами и горстью. Едят долго, отдуваясь, вытирая жирные руки о салфетки и о свои халаты, чуть пережидая и вновь приступая к трапезе. Затем, отдышавшись и развалившись на курпачах, в течение нескольких часов пьют чай с сухофруктами, изредка переговариваясь и что-то не спеша обсуждая. Разъезжаются на такси, это обязательно, для статуса.

Жили местные отдельными кланами. Кланов образовывались по территориальному принципу. От 100 до 400 и более человек, семьи которых живут рядом, составляют такой клан, называемый махалей. В этой махале все основные вопросы решаются коллегиально группой старейшин. Старейшины разрешали возникающие семейные конфликты, решали очерёдность проведения знаковых празднеств, назначали дни проведения обязательного обрезания или свадьбы, определяли суммы, которые для этого должны быть собраны и подготовлены семьями виновников торжества. Если старейшины принимали решение помочь кому-то в строительстве дома или в проведении капитального ремонта, то все члены махалы участвовали в этом мероприятии, кто деньгами, а кто физическим трудом. Но должен отметить, что были узбеки и довольно жестоки. Силу свою они ощущали только тогда, когда были все вместе. Поодиночке же они довольно трусливы. Помню, в 1972 году узбеки поймали парнишку лет пятнадцати или шестнадцати, который залез в чей-то сад. Парень был уйгур по национальности. Положили его на глиняную площадку, связав руки и ноги. Разбегались и по очереди прыгали ему на грудь. Чтобы потом никому лично не отвечать. Все, мол, прыгали. Переломали парнишке рёбра, еле выжил. Нередко в день полочки на заводе узбеки ночью, группками, нападали на одиночных пьяных, не добравшихся ещё до дома. Били сзади тяжёлой гирькой на це-

почке по голове и очищали карманы пострадавшего. Несколько пьяных работяг погибло. Однажды я поздно вечером, а скорее ночью, возвращался домой в общежитие. То ли кого-то проводил, то ли где-то загостевался, сейчас не помню. Увидел, что семь или восемь человек восточной национальности окружают меня, стараясь зайти со всех сторон, а на улице пустынно. «Деньги, деньги давай», — услышал я от них. Уже знал, что даже если что-то отдам, всё равно избыбуют и, скорее всего, очень жестоко. В кармане у меня лежал только ключ от комнаты. Ключ был не обычный, а в виде длинной металлической планки с уступами, которыми он взаимодействовал с обратными уступами в глубине замка. Длина ключа была сантиметров пятнадцать. Что делать? Я резко присел, выхватил ключ, молниеносно распрямился и дико, на всю улицу, заорал: «Запорю-ю-ю-ю!!!» Всех узбеков как ветром сдуло. Убедился, что действительно, трусы они. Не то, что российские. В то время, когда я жил в Ташкенте, численность его населения составляла полтора миллиона человек. Из этого числа русских было сорок один процент, остальные узбеки, татары, корейцы, греки, евреи, казахи, киргизы, таджики, туркмены и прочее, прочее, прочее. Очень многонациональный город. Жили все довольно дружно, но, конечно же, некоторые эксцессы происходили. В конце шестидесятых пытались местные националисты вырезать, по возможности, побольше русских, но этих экстремистов быстро смяли и пересажали. Узбеки абсолютно не любили работать на заводах и фабриках, они очень любили торговать и это у них очень даже хорошо получалось. Даже в отделах продаж женского белья продавцами обычно работали мужчины узбеки. Самое высшее достижение у узбека, это работать в какой-нибудь конторке начальником. И неважно, что возглавлять, лишь бы быть начальником. Начальник узбек, а заместитель еврей, или русский, чтобы было кому работать на самом деле.

Многие уголки в Ташкенте мне очень нравились. Полюбил я местный зоопарк, расположенный в тенистом парке. Полюбил искусственные озёра, на которые ездил на трамвае купаться летом. Полюбил русский драматический театр, филармонию и местный театр оперы и балета (но его только снаружи). Полюбил центральный фонтан с подсветкой, ГУМ и местную Красную площадь, экзоти-

ческий старый город и новый Чиланзар, улицу Навои и древние мечети, комплексы Хазрет, Имам, Шейхантаур, Кукельдаш и новый современный музей Ленина. В комнату ко мне поселили Федю из Украины. Федя работал водителем мощного КРАЗа. Мы с Фёдором сдружились. Оказался он человеком любопытным к жизни, увлекающимся, не пьяницей. Феде понравилось рисовать гуашью и акварелью. Получалось у него довольно ловко. Даже несколько моих портретов набросал в цвете. Весьма похоже, и нерв поймал. Рисовали мы с Федей довольно долго, года полтора. Все в общежитии вешали на стены наши картинки, и даже в женском общежитии наши произведения в красках прижились. Потом мы с Федей плавно перешли к фотографии. Что ещё про Ташкент? Впервые именно в нём я увидел наркоманов. Недалеко от вокзального сквера около лавочек везде валялись использованные шприцы. Мне пояснили, для чего они, и показали тех, кто шприцами пользовался. Рассказали и про то, что если на улице стоят или сидят на корточках группкой в кружок люди, курят одну папироску, передавая её друг другу, то это анашисты, а анаша — такой наркотик, к которому быстро привыкают. Объяснили и то, что многие узбеки кладут под язык насвай и долго сосут его, тоже лёгкий наркотик. Для меня всё это было очень необычно, как картинка из другого незнакомого мира, чем-то неприятного и совсем неприемлемого. А вот что в Ташкенте было великолепно, так это розы. Росли они везде. Там, где хоть кусочек зелени, там и розы: и в скверах, и в сквериках, и у арыков, и вдоль дорог, и на приусадебных участках, и на территориях научных учреждений, институтов, школ и контор, вокруг зданий. За ними бережно ухаживали, регулярно поливали, а они щедро дарили свою нежную красоту людям. Если гуляешь с девушкой, можно было подойти к узбеку, ухаживающему за цветами, и он обязательно сорвёт одну или несколько роз для твоей спутницы. Часто и сами узбеки вставляли розу на коротеньком стебельке себе под тубетейку, рядом с ухом. Так принято. В центре города был летний кинотеатр. Сеансы в нём начинались, когда уже хорошо стемнеет. Летом это довольно поздно. В том летнем кинотеатре ежегодно проводился большой фестиваль художественных фильмов производства стран Азии и Востока. За вечер по два, а то и по три фильма. Заканчи-

вался просмотр обычно после двух часов ночи. Но выходя из открытого зала, несмотря на столь позднее время, зрители сразу упирались в группу узбеков с тележками, которые предлагали всем горячие манты и дымящуюся самсу по цене, абсолютно не отличавшейся от цены дневной. «Левые» автобусы, ожидающие рядом, готовы были развезти припозднившихся в любое место. Тут же суетились таксисты.

В первый год моего пребывания в Ташкенте, по вечерам я старался уехать в центр города, где можно было посетить театр или филармонию, изредка пойти на танцы, хотя, честно говоря, танцы не люблю, можно было посидеть в приличном кафе или ресторане. Затем я поступил на вечерний факультет Ташкентского театрального института. Поступил для того, чтобы не торчать по вечерам в цехе и не отсиживать на директорской очной оперативке, чтобы не любоваться на крепко выпивших сослуживцев. Кроме того, эта учёба предусматривала и субботние занятия, что официально освобождало меня от необходимости присутствия на заводе в выходные дни. А потом, мне очень нравились те дисциплины, которые преподавались в театральном. И сценическое мастерство, и сценическое движение, и сценическая речь, и ритмика, и даже история театра. Но о своей не очень длительной учёбе в театральном институте я напишу чуть позднее.

У греков в Ташкенте были свои греческие клубы. Эти клубы вечером посещали только мужчины, а их греческие жёны оставались и ждали дома. Мужчины здесь общались, что-то обсуждали, во что-то играли, слушали музыку, естественно, национальную. Затем расходились по домам. Дома главу семейства встречала супруга и мыла ему ноги в тазике. Ничего не поделаешь, обычаи такие. Было в Ташкенте много корейцев. Под Ташкентом процветал даже корейский совхоз «Звезда Востока». Совхоз миллионер. Очень уж работающие эти корейцы. В цехе у нас тоже работал старшим контролёром кореец Володя Угай. Довелось мне побывать на похоронах его отца. Оказывается, памятники у них ставят не лицевой стороной к могиле, а от могилы. Тут же свои оригинальные особенности прощания, а потом застолье с огромным количеством разнообразных блюд, нам незнакомых и с непривычными вкусовыми особенностями. Попробовал я понемножку девять или десять блюд, а потом тихонько спросил Угая: «А из

собаки здесь что на столе?» Володя незаметно показал. А я-то думал, что это телятина. Побывал я и на национальной свадьбе у крымских татар. Сосед по общежитию, татарин Алик, женился на русской девушке. Была она сиротой с детства и воспитывалась в татарской семье, стала мусульманкой, поэтому считалась у них своей. Отец Алика состоял в должности завхоза в винодельческом совхозе посёлка Улукбек. Там он и проживал, там и гуляла свадьба Алика. Предварительно Алик научил нас, приглашённых на свадьбу соседей по общежитию, как следует себя вести, дабы соблюсти все традиции. Итак, добрались мы до той сельской улицы, где гуляла свадьба. Вдоль всей улицы в два ряда стояли столы от начала до горизонта. В середине сидел Алик с супругой, сбоку родители. За их спинами были натянуты массивные, огромные, роскошные ковры специального орнамента, с пушистым длинным ворсом. Много ковров, очень много. Добрались мы до Алика, поздравили молодожёнов, вручили наши подарки, и их тут же куда-то унесли распорядители свадьбы. Левый рукав распорядителей был повязан белым полотенцем, они проводили нас на приготовленные заранее для нас места. Места были недалеко от молодых, среди почётных гостей. Здесь пришлось вспомнить предварительные наставления, а вспомнив, мы стали робко требовать у распорядителей, чтобы они принесли то одно, то другое блюдо. Что делать? Так должны вести себя на свадьбе уважаемые гости. Десятки наименований блюд, особенных кушаний, всяческие разносолы, великолепные и самые дорогие спиртные напитки, невероятное, не поддающееся подсчёту количество гуляющего народа. Женщины за столами были, но их было намного меньше, чем мужчин, не все мужья взяли с собой жён. Женщины могут погулять на второй день. Обслуживали гостей только мужчины-распорядители. Чем чаще к ним обращались и чем больше их озадачивали различными просьбами, тем правильнее соблюдались незыблемые каноны проведения традиционного торжества. Играл живой оркестр. Человек десять. Инструменты и обычные, и национальные. Пели два певца, в основном на татарском языке. Самое главное в таких мероприятиях, чтобы артисты были с микрофоном. Микрофон — это незыблемая основа солидности проводимого праздника. На этой свадьбе было аж два микро-

фона и даже какая-то усилительная установка. Всё, как положено, уже никто потом не осудит. Начались танцы. Можно, вроде бы, встать, потанцевать и потом опять за стол. Но под определённую музыку можно было танцевать только мужчинам, под другую только женщинам, под какую-то иную музыку вместе, но не прижимаясь. Хорошо, что распорядители потихонечку, ненавязчиво поясняли нам все перипетии происходящего. И вот, наконец, кульминация свадьбы. Танец жениха и невесты. Танцевали они минут сорок. Друг против друга, медленно, чуть притоптывая и поворачивая влево-вправо кисти рук. Такой вот танец. Кроме молодожёнов, танцевать никто не имел права. Во всё время танца к молодым подходили приглашённые гости и вставляли в руки танцующих купюры денег. Причём это были не рубль, не три, не пять, а только десять, двадцать пять, пятьдесят и сто рублей. Сначала деньги держались в горстях у жениха и невесты, потом стали выпадать из рук и сыпались, сыпались на асфальт. Завершали танец молодожёны, танцуя на ковре из денежных знаков. После окончания танца, сёстры новобрачного венниками смели денежные купюры в предусмотрительно приготовленный сундук. Деньгами из этого сундука Алик наполнил картонную коробку то ли из-под печенья, то ли из-под конфет, и лихо бросил эту коробку коллективу музыкантов и певцов. Аттракцион небывалой щедрости. Далее все гости танцевали без соблюдения ограничений. После окончания праздника, уже поздно-поздно вечером, когда пришла пора прощаться, всем гостям раздали с собой домой спиртные напитки и разнообразную, хорошо упакованную еду. Такие традиции. Всех развезли на арендованном транспорте по месту жительства. Учтено было всё. Прошло несколько дней после свадебного торжества, и Алик посадил свою молодую супругу на Алайский рынок торговать виноградом. Раза два в день он приезжал её проведать, а вернее, проконтролировать, как Светлана держит установленную цену. Позже Алик уволился с завода и перешёл на работу по снабжению в совхоз, где уже трудился его папа. Более с Аликом и членами его семьи я не встречался, и следы его для меня навсегда потерялись.

Вот таким остался Узбекистан, на долгие годы, в моей памяти.

Почти творчество

Всё же где-то внутри я был не технарь, а гуманитарий. С детства в этом направлении развивался мой характер, вот и шагал я самостоятельно по малознакомым, широким, скользким литературно-театральным ступенькам, ведущим не вверх и не вниз. Петляли спиральями те ступеньки, исчезая в таинственной, туманной дали. Замысловато выразился, но довольно точно. Сколько помню себя, столько я и рифмовал строки, пытаюсь вложить конкретный смысл в их содержание. Это даже не стихи были, а зарифмованное отношение к событиям, порою юмор и сатира, облечённые в относительно гладкие и складные формы, заздравные юбилейно-праздничные поздравления с саркастическим душком, куплеты для сценических выступлений, позже КВНовские репризы и даже стихотворные фельетоны, в основном на друзей и приятелей. Что-то было весьма остро, но для окружающих понятно и интересно, а главное, довольно необычно. Кроме того, с семи лет выступал я на сцене местного клуба «Гидростроитель» в качестве объявлялы, чтеца стихов, басен и рассказов, клоуна, конференсье, исполнителя юмористических сценок и актёра драматических спектаклей, родившихся в недрах клубной самодеятельности. Позже, будучи студентом политехнического института, последовательно я был и конференсье, и активным участником выездных агитбригад, лауреатом и дипломантом студенческих фестивалей и многочисленных смотров самодеятельности, бессменным участником всех игр КВН и, наконец, режиссёром студенческого театра миниатюр. Не мешало это мне, а наоборот, делало жизнь насыщеннее, глубже и интереснее. Каждый день был расписан поминутно, и в нём было место для науки, техники, поэзии, литературы, для сцены и режиссуры, а, кстати, ещё и для спорта, паруса и профессионального туризма. А ведь не чуждался я в то время и прелестей личного общения и сладкого времяпрепровождения с прекрасным полом. И всё это в одном флаконе. Длинном и худущем флаконе, внешним видом своим отображающем меня из того далёкого прошлого.

Приехав в Ташкент и приступив к работе, невзирая на увлекательность последней и большую персональную загруженность цеховыми проблемами, я постоянно чувство-

вал какой-то личный, творческий дискомфорт. Просто привык и к сцене, и к перу. Если только работать и всё, то это как копать землю одной рукой. Вторую руку тоже тянет к чему-то приложить. Узнал я, что в местном клубе «Звезда Востока» в нашем городке авиастроителей есть кружки художественной самодеятельности. Нагрянул я в драматический кружок. Руководитель кружка, Анна Ефимовна, была женщиной всё давно повидавшего возраста. Но ловко используемые хитрости макияжа, правильно подобранная косметика делали её женщиной элегантной и даже броской. Как позже я узнал от неё, она в далёкой молодости играла в одном театре с Петей Монастырским, и даже была к нему довольно равнодушна, хоть и был он, как она произносила, незначительно помладше. Узнав, что главный режиссёр Куйбышевского драматического театра, этот самый Монастырский, мне знаком лично, и даже несколько раз беседовал со мной, Анна Ефимовна погрузилась в тёплые и мягкие волны ностальгических воспоминаний. Как раз незадолго до моего появления в Ташкенте, последняя моложавая супруга Монастырского сбежала от него насовсем, и пристроилась на роли ведущей актрисы в русском драматическом театре, и именно города Ташкента. Ах, как хотелось Анне Ефимовне посудачить о Людмиле Грязновой (экс-супруге Монастырского) и, конечно же, со мной, человеком почти оттуда. Но я посетовал, что в семейные дела Монастырского абсолютно не посвящен, так что и говорить мне на эту тему не о чем. А как актриса, Грязнова заслуживает самых хороших отзывов. Опять отвлёкся.

Итак, попросили меня в кружке что-нибудь почитать. Это нехитро. Почитал. Приняли. Сразу же стали давать главные роли. Но не нравился мне их репертуар. Все тексты идеологически досконально выдержаны. Все отрывки из спектаклей, что ставились на местной сцене, обязательно прославляли и чествовали нашу родную партию. Смысл постановок — это незыблемый патриотизм, высокие партийные принципы и пафосное возвеличивание коммунистического строя и его руководства. Ничего живого и человеческого. Это бы Бог с ним, но Анна Ефимовна ещё создавала на пролетарские праздники литературные монтажи, в которых патриотическое славословие просто перехлёстывало. Участвовать в этих опусах я категорически отказался. Присмотрелся к репертуару и стал делать всё

по-своему. Анна Ефимовна учила всех с показа. А это последнее дело. Результат минимальный, кроме того, смотрится весьма глупо и зашкаливает надрывающий пафос. Я стал объяснять начинающим актёрам, как надо работать с текстом, рассказал об основах сценической речи. Учил, произнося текст, не торопиться, мысленно расставлять знаки препинания, шепча их про себя. Вкладывать смысл в каждую фразу, обязательно подготавливать и держать паузы, определять ударение в каждой реплике, оттеняя остальные слова, избавляться от монотонности, не форсировать звук, проговаривать все буквы в словах, понимать и определять для себя, а значит и для зрителя, основную задачу роли. Конечно же, помогал каждому найти свои личные приспособления для раскрытия сути характера персонажа, и многое что ещё, чему уже научился в своей далеко не короткой сценической практике. Анна Ефимовна скептически закатывала глаза, хмыкала, но не возражала против проводимого мною ликбеза. Постепенно из лиц, посещающих драмкружок, сгруппировался коллектив единомышленников и хороших приятелей. Я отучил их пить водку, перешли они на сухое вино в допустимых количествах. К патриотическим опусам стали относиться критически. И вот однажды в клубе мы сделали для публики вечер скетчей, весёлых сценок, юмористических монологов и даже пародий. Успех был грандиозный, публика хотела так, что тряслись стёкла. Актёров многократно вызывали на бис. Такого в клубе никогда не видели, мне приятно было. Совпали в тот день настрой актёров и настроение зрителей. Анна Ефимовна долго тряслась, боялась, что осудит её партийное руководство за безыдейность и прочее. Тряслась она зря. Не отругали, а даже, кажется, похвалили. Скоро я расстался с самостоятельностью, так как поступил в театральный институт. Но ребята и девушки из кружка до самого моего отъезда из Ташкента продолжали ко мне бегать и в общежитие, и к проходной после работы. Говорили со мной обо всём, что их волновало, Говорили и советовались. Говорили взахлёб. Потом моё проживание в Ташкенте завершилось навсегда, я уехал из города и бросил их. Был на заводе литературный кружок. Вёл его главный редактор заводской многотиражной газеты «Ударник». К сожалению, не помню теперь ни фамилии его, ни имени, отчества. Газета выходила два раза

в неделю тиражом десять тысяч экземпляров. Печатались в ней статьи идеологически выверенные, одобренные партийным руководством, согласованные с профсоюзным и комсомольским комитетами. Все материалы правильные, информативные, необходимые, но малоинтересные, написанные казённым языком. О литературном кружке. Узнал день и час сбора, пришёл, представился. В членах кружка числилось 12 человек, я пришёл тринадцатым. Пообщался со мной редактор и попросил на следующее занятие принести свои поэтические произведения. Я выторговал себе 10 дней, якобы для того, чтобы привести в порядок свои потуги творчества. На самом деле ничего у меня не было. Стихи свои я не хранил. То, что было мною написано, никогда не мог запомнить. В детстве несколько раз читал свои стихи по местному радио и со сцены, в печать никогда не отдавал, а то, что писал для своих друзей на памятные даты и юбилеи, давно уже было выброшено. Оставалось у меня 10 дней. За это время написал я семь стихотворений. Постарался написать разными стилями. Сначала написал, потом переделал, потом подкорректировал, потом подправил, потом отшлифовал. Еле уложился в срок. Попросил цеховую секретаршу, и она мне стихи напечатала на пишущей машинке в четырёх экземплярах. И вот предъявил я по окончании отмеренного срока свои произведения для прочтения и критической разборки. В основном стихи понравились, что-то даже хвалили, но что-то и критиковали. Интуитивно я не спутал ямб с хореем, выдержал ритмический рисунок, не сделал оплошностей с мужской и женской рифмой. В результате редактор три моих стихотворения опубликовал в многотиражке, а про остальные четыре потихоньку сказал мне, что партийное руководство такие стихи не пропустит, так как есть в них излишнее вольнодумство и некий декадентский налёт. Что такое декадентский налёт, я в то время не знал, но не сильно расстроился. В одном из опубликованных стихотворений редактор сделал незначительную правку, но в другом переделал конец, усилив патриотичность и явно изменив основной смысл. Мне это не понравилось. И когда через несколько месяцев редактор попросил меня написать в газету статью ко дню рождения Маяковского В.В., я отказался, сказав: «Очень люблю я поэзию Маяковского, но писать о нём так, как Вам надо, не буду. Я считаю, что

он напрасно прославлял те дела вашей партии, за которые надо порицать. И часто его показной патриотизм, во многом лживый, основательно расходится с реальным поведением и с действительными поступками Владимира Владимировича». Редактор чуть не рухнул в обморок. Стал обходить меня стороной. А через некоторое время я и сам перестал посещать литературный кружок. Очень скучная и рутинная обстановка была у них. Неинтересно мне с ними стало. В предыдущей главе я уже назвал основные причины, по которым в 1972 отправился поступать в Ташкентский театральный институт. Да и потом, честно говоря, мне в нём очень интересно было. Как хорошо по вечерам и выходным заниматься одним из своих любимых дел. Набирали в тот год на вечернее отделение всего одну группу. Если учесть, что во всём Советском Союзе это было единственное вечернее отделение театрального института, понятно и то обилие желающих, кто стремился сюда поступить. Август, двадцать шесть человек на место, из тех, кто допущен к конкурсу актёрского мастерства. В набираемой группе три места оставлено для национальных меньшинств. Что это такое, до сих пор не знаю. Никаких меньшинств среди поступивших не было. Только русские, евреи, одна татарка, да два узбека. Театральный институт для жителей Ташкента, это что-то из высших сфер. Маринка Касымбарова (девушка из драмкружка) пять лет поступала сюда и пять раз не прошла. Может, потом поступила, когда я уже уехал? Узнав, что я направляюсь держать экзамен, две девушки, бухгалтерша и экономистка из нашего цеха, отправились со мной, очень им хотелось посмотреть, как это всё там. Остальные экзамены я не сдавал, так как политехнический институт за плечами, всё перезачли. Читал любимого Гарсиа Лорку, басню Михалкова «Лев и ярлык», которую до этого годами читал со сцены. Вместо прозы показал две юмористических сценки, которых у меня в памяти пока ещё было полно из репертуара агитбригад и институтской самодеятельности. По просьбе приёмной комиссии сыграл сценический этюд, при этом я хитро вовлёк экзаменующих в своё действие в качестве невольных партнёров. Настало время проверки моих музыкальных способностей. Двигаться синхронно под музыку, фиксируя ритмический рисунок, я умел, что и показал. Вот со слухом у меня всегда была напряжёнка. К моей удаче,

женщина, которая проверяла слуховые данные, перед этим, когда я показывал сценку, так хохотала, что даже, пардон, ноги закидывала. Она несколько раз ткнула пальцем в клавиши рояля, я что-то изобразил голосом, она печально вздохнула, но повернувшись к членам комиссии, бодро произнесла: «У нас всё в порядке. Всё очень даже хорошо». Для меня тур закончился. От прохождения второго и третьего тура меня освободили. Зачислили по результатам первого тура. Несколько дней среди женского контингента цеха я был почти героем. Наши дамы приводили своих подружек со всего завода и показывали им меня, единственного им знакомого человека, с первого раза играючи поступившего в театральный институт, считавшегося у местных недоступным. Мужчины, наоборот, смотрели на происходящее скептически и никому, конечно же, меня не показывали. Начались занятия. Деканом у нас был режиссёр театра Немировский, лет на 12 старше меня. На первых занятиях все знакомились и присматривались друг к другу. Я оказался самым старшим в группе. Преподаватель танцев и балета заставил всех перед его занятиями переодеваться в одной комнате. Девушки поначалу возроптали, на что учитель заметил: «Тело — это инструмент актёра, и им надо уметь пользоваться, а не стесняться его, иначе артиста не получится». Но совместное переодевание было недолгим, вскоре нас развели по разным помещениям. Все предметы мне были интересны, не всегда получалось, как надо, работать приходилось много. Особенно сложны были для меня сольфеджио и балет, но ничего, привыкал. Постепенно некоторых из нас стали вводить в массовки в спектакли Ташкентского русского драматического театра им. Горького. Здесь в 1973 году за кулисами я перезнакомился с актёрами Московского театра на Таганке, приехавшего в тот год на гастроли. Дважды был у них на вечеринке с застольем. Познакомился с Володиёвым Высоцким (это не панибратство, просто так мне его представили, и общались мы с ним на ты и по именам). Немного поговорили вдвоём на кухне на темы стихосложения и про подбор рифм, а в основном, с восхищением слушал я, как и что он поёт. Правда, пел, на тех двух вечеринках не только он, но и другие. Володя в то время не пил, а ходил по комнате с бокалом, в котором был то ли лимонад, то ли сухое вино. Уходил он со сборища рано с одной из

актрис, раньше, чем расходились другие. Конечно же, я не доучился в театральном институте. Бросил его, так как надо было уезжать из Ташкента и возвращаться домой. По ночам мне снилась Волга, шум волн, и то, как барашки воды, шурша, накатывают на жёлтый песочек и неспешно отступают. Но об этом, может быть, попозже.

Только о личном

В городке, из которого я переехал в Ташкент, оставались и продолжали полнокровно жить мои друзья и приятели. Вот дама сердца там меня не ждала. Со всеми подружками, с которыми пересекался я в последние годы, перед отъездом навеки распрощался, прекрасно осознавая, что моё трехгодичное, по крайней мере, отсутствие подтолкнёт их вступить в новые и, возможно, более определённые для дам отношения с противоположным полом. С мужчинами более предпочтительными для семейных перспектив. Другьям в первые два года отправлял письма. Нечасто, но добросовестно. Ответов не было. Посылал им же три раза бандерольки с характерными местными сувенирчиками. Но то ли узбеки вложения забрали при отправке, то ли на российском почтамте руку приложили, ни одно из отправлений до моих друзей не дошло. Так что постоянная переписка у меня осуществлялась только с моими родными. В 1972 году весной с ЛИСа (летно-испытательная станция) авиационного завода отправился в Куйбышев военно-транспортный самолёт с заданием доставки на вечер встречи выпускников Куйбышевского авиационного института четырёх человек, ранее там обучавшихся и теперь занимающих различные руководящие посты среди самолётостроителей города Ташкента. Попал в эту четвёрку мой начальник цеха Моисей Абрамович, который и мне любезно предложил провояжировать на военно-воздушном транспорте до Куйбышева, посетить свой родной дом, а через трое суток вернуться рейсовым самолётом в Ташкент. Мои попутчики возвращались тоже самостоятельно, но только через пять дней. Грех был отказываться от такого предложения, и мы полетели. Летели долго, целых десять часов, но это с посадкой на дозаправку в Армавире. По дороге пили коньяк, ели казы и самсу,

а также играли в преферанс. Трое из руководителей играли, а четвёртый не умел. Так я удостоился быть в игре четвёртым. Было это несколько опрометчиво со стороны руководства. В студенчестве играл я в эту карточную игру не просто сносно, а с предсказуемым успехом. Вот и теперь за время нашего полёта я оправдал стоимость обратного авиационного билета, и приблизительно такая же сумма пополнила мои денежные запасы. Ныне полагаю, что из моих попутчиков абсолютно доволен таким времяпрепровождением остался, кажется, только тот четвёртый, который не играл. Сели на закрытом для гражданских лиц аэродроме. Оттуда меня вывезли на армейском «газике» и доставили на городской автовокзал. А через два с небольшим часа я уже был дома, и было у меня впереди ещё три дня. Сразу окунулся в глубины местных событий, но раз, два, три, и вновь улетать. Много чего уже случилось за время моего отсутствия и в трудовой жизни, и в личной судьбе моих знакомых. Шла своим чередом обычная, эта самая жизнь, а я, к сожалению, выпадал из неё по причине физического отсутствия в настоящее время в этом месте. Значит и мне предстояло складывать по камешкам свою судьбу, выбирать свой путь, но пока в другой точке страны. Вернулся в Ташкент, избавившись от иллюзий и, частично, от ностальгии. Старался жить интересно, по возможности до предела заполняя каждый день с его наступления и до полного окончания. Сразу после работы уезжал в центр города. Посещал все театральные, музыкальные и хореографические постановки как местных театров, так и многочисленных коллективов, добившихся гастролей в Ташкенте. Очень все любили здесь гастролировать и летом, и весной, и осенью. Занесло меня как-то даже на узбекскую оперу «Улук Октябрь» — «Великий Октябрь» по-нашему. Ах, как интересно было смотреть на пузатенького узбека характерной внешности с накладной лысиной, изображающего вождя пролетариата В.И. Ленина, лихо на узбекском языке что-то распевającego с фанерного макета броневи́чка внимающим и толпящимся вокруг таким же узбекам в солдатских шинелях и матросских робах. Очень интересно мне было и откровенно весело. Ещё почему-то обожали коренные жители Ташкента индийские кинофильмы. На улице Навои был специально отстроен огромный кинотеатр, где эти

фильмы гоняли с утра и до поздней ночи. Я посетил однажды какой-то сеанс, но до конца не смог усидеть, ушёл. Не выношу наигранности, слащавости и ложных душераздирающих страстей и страданий. Каждый вечер старался поужинать в новом месте, поэтому досконально изучил и местную кухню и, как здесь считалось, европейские изыски. Научился разговаривать с узбеками требовательно и сурово. К сожалению, уважают восточные народы только силу и значимость оппонента. Знакомился со многими девушками, но были те знакомства мимолётны, а встречи недолговечны и малоинтересны. Интеллектом новые подружки были обременены лишь в его изначальных объёмах, точнее, в размерах весьма зачаточных. Желания примитивны, интересы к познанию — это размеры моих доходов, неприятие искусства, театра и литературы и нетленное обожание индийских кинофильмов. Многие девушки с нашего завода имели на меня перспективные виды и сразу же пытались познакомиться со своими родителями, настойчиво приглашая почаще посещать их семейный очаг. Была ещё одна категория девиц, из тех, кого по вечерам на простынях поднимали на второй этаж общежития. От них просто отбою не было, но меня отталкивала от этого рода общения, может быть, природная, а может и приобретённая брезгливость. Где-то через год три умненькие девицы, работавшие на нашем заводе, стали моими надёжными подружками, без перегиба в сферу интимных отношений. У них были парни, порядочные и надёжные, не очень эстетически подкованные, обычные, более зацикленные на физическом и материальном благополучии. С этими девушками-подружками я ходил по театрам, библиотекам, по музеям и выставкам, а их парни при малейшей возможности от такого развлечения отлынивали. Одна из трёх, Татьяна, тайком, иногда вечерами, больше для себя, выходила на подиум как модель, демонстрируя новые силуэты в местном доме мод. Знал об этом только я. Её на фотографиях в боевой раскраске и в шикарной одежде никто не ассоциировал со скромной экономисткой невзрачной внешности, без грима и макияжа из бухгалтерии цеха № 91. Двое из этих девчонок сопровождали меня и на вступительные экзамены в театральный институт, всех троих я брал потом иногда на вечеринки студентов нашей группы. И они в этом новом и незнакомом для себя кол-

лективе прижились. Надолго ли, не знаю. Я перестал ходить на занятия, а вскоре навсегда из Ташкента уехал. Был у завода свой загородный дом отдыха «Кристалл» в 80 километрах от Ташкента в горах Чимган. Так сложилось, что директор этого дома отдыха, достаточно молодой в то время, парень, стал моим приятелем. Поэтому довольно часто, если выпадало свободное воскресенье, я договаривался с ним на определённое число мест и заезжал со своими рабочими или с приятелями в «Кристалл» для полноценного суточного отдыха. Рабочие брали с собой своих жён, а приятели своих девушек. Весело и необычно. В горах лежал снег, можно было кататься на лыжах или на санках. Это всё же Ташкент. Из тех, кто попал со мной на отдых, на лыжах стоять практически никто не мог, и поэтому, когда я зигзагами быстро катился на лыжах с горы, окружающие стояли, открыв рты, хотя для наших российских мест в этом ничего особенного не было. Гораздо ниже дома отдыха текла с гор очень быстрая, неширокая, прозрачная и ужасно холодная речка Угам, если только я не путаю её название. Если рискнуть, то в неё можно было нырнуть в определённом месте с большого камня. Стремительное течение очень быстро выбрасывало тебя на гальку перед крутым поворотом реки. Нырjali, выбрасывались, но дико холодно, до зубостучания. А если по определённой тропинке пройти через горы километров восемь-девять, то попадаешь в старый заброшенный фруктовый сад. Чей раньше это был сад, я так реально и не понял, но сад был огромный, а доступ свободный. И груши, и абрикосы, слива, алыча, вишня и ещё какие-то фрукты, название которых не зафиксировалось в памяти. В сезон всё это очень вкусно, а плодов просто немерено. Дорога к саду по камням среди гор под жарким солнцем. Под ногами в каменистой пыли шуршат многочисленные змеи, в узких щелях таятся скорпионы. В местных змеях и в степени их ядовитости я так и не разобрался, скорпионов видел много раз, но восторга при этом не ощутил. Кормили в доме отдыха просто великолепно, но отдыхающим зачастую одной только еды было мало, и они бегали в ближайший кишлак за белым и прозрачным горячительным напитком. Мне и приятелям хватало сухого вина. В самом Ташкенте протекало несколько речек и множество арыков. Одна быстрая и холодная мутноватая речка была

обрамлена в бетонные берега. В ней часто купались и пацаны, и взрослые. Окунутся и пулей выскакивают, вроде бы освежились. Теперь можно полежать рядом, хорошенько согреться, прожариться на солнце и вновь в воду. В самом быстром месте речка ныряла под мост. Здесь вся вода уходила в широкую бетонную трубу, проложенную под мостом, и через 25 метров вновь вырывалась на просторы, зажатые рукотворными берегами. Так вот, самые отважные жители ныряли в реку у входа её в бетонную трубу, набрав в себя побольше воздуха. Через небольшой отрезок времени труба выплёвывала ныряльщика на другой стороне за мостом на водные просторы. По своей природной глупости два раза и я нырял в этот бурный поток. Ощущений не помню, но скажу честно, что это довольно страшно, и, главное, непонятно: зачем? Здесь же у трубы я серьёзно подрался с двумя местными жителями. Причины конфликта не помню, но меня впервые порезали ножом, вернее, не меня, а моё левое ухо. После того, как я взял в руку кусок арматуры, местные бежали с поля боя, а я отправился в больницу накладывать скобки на ухо. «Неудачно нырнул», — поведал я в поликлинике. По вечерам и по ночам в Ташкенте с июня по сентябрь было очень душно и жарко. Кондиционеры в то время для граждан являлись непозволительной роскошью и определённой редкостью. Люди в квартирах ночью часто спали, завернувшись в мокрую простыню. Летом я спал на балконе, который находился с северной стороны общежития, а потому спать мне на нём было достаточно комфортно, и иногда я даже накрывался ночью простынкой. Несколько раз со своими знакомыми мне довелось побывать на полноценной рыбалке с ночёвкой. Ловили мы мелкую рыбёшку в реке Чирчик, сазанов в Ташкентском водохранилище, змеяголов в проточных речушках, и какую-то крупную рыбу в Сырдарье (но здесь ничего не поймали, даже поклёвки не было). Когда рыбачили на водохранилище, то ночевали на берегу прямо под открытым небом. Лежал я ночью, смотрел в небо и любовался яркими мохнатыми звёздами, такими, каких в Ташкенте не увидеть. Вдруг заметил, что через мою грудь поперёк ползёт что-то огромное, тоже мохнатое, но отвратительное и мерзопакостное страшное существо, ни на что мне известное не похожее. Фаланга. Была весна. Яд фаланги в это время наиболее опасен. За-

таил дыхание, даже перестал моргать, по-моему. Слава Богу, переползла эта тварь благополучно и исчезла в темноте. Я сразу встал, расшевелил костёр и, конечно же, больше не ложился. По весне жители Ташкента очень любили ездить на электричках в степь за городом за дикими тюльпанами. Вся эта так называемая степь сплошным ковром покрыта разноцветными, в основном красными тюльпанами. Красота необыкновенная. Везли эти тюльпаны в город огромными охапками, но долго они не стояли, очень быстро увядали. Там, где тюльпаны, там же в это время и огромное количество черепах. Приглядишься, перемещаются жёлто-коричневые безразмерные квадраты и овалы по более светлой почве степи. Это плотные стада черепах. Ползут куда-то. Тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч. Черепахи в степи — это всё равно что кузнечики в российском разнотравье. Никто и внимания не обращает. Опять отвлёкся, ведь о личном собирался писать. Итак, теперь о сугубо личном. В 1973 году отправился я на Первомайскую демонстрацию. Быть я здесь был обязан, поскольку являлся руководителем рабочего коллектива и отвечал за присутствие в праздничных колоннах 80% личного состава и никак не менее. Правда, никаких моих усилий для этого прилагать не приходилось, так как после демонстрации уже была снята для продолжения празднования большая и цивильная чайхана. Практически все уже стояли в колоннах, да ещё с жёнами и детьми. Холостяки с девушками и с подругами девушек. Мои приятели тоже пришли и привели с собой много красивых знакомых им девушек. Среди них была Люба, по фамилии ..., впрочем, не буду про фамилию, она простая, исконно русская. Вот так первого мая я и познакомился с моей будущей женой. Кстати, о Ташкентских демонстрациях. В руках людей такие же, как и у нас в городке на массовых праздниках флаги, транспаранты, лозунги, только гораздо больше цветов. У всех праздничное настроение. Впереди колонн идут знатные хлопкоробы — герои социалистического труда и орденосцы. Мужчины. Многие из них обладают весьма солидной фигурой и очень объёмным животом. Не наклониться с таким пузом к коробочке с хлопком. Да они и не наклонялись. Основное их ежедневное занятие — это сидеть в чайхане, пить нескончаемый чай и неспешно обсуждать всё происходящее вокруг. А как же сбор рекорд-

ного количества хлопка? Всё просто. За каждого такого рекордсмена хлопок собирают его жёны и его многочисленные дети. Результаты сборов записываются на главу семейства. Вот тебе и орден, а то и золотая звёздочка Героя Социалистического Труда. Общепринятое очковительство. Стыда никто не испытывает. По Красной площади Ташкента шли стройные колонны. Шли и мы с Любой в праздничных рядах, затем сидели рядом в чайхане, где я произносил смешные тосты, потом мы долго гуляли по городу, потом я провожал новую знакомую до дома, где она жила, и мы говорили, говорили, говорили. Уже поздно ночью договорились о следующей встрече в воскресенье. Но на свидание я опоздал, потому-что проспал. Опоздал даже больше чем на двадцать минут. Если бы она меня тогда не дождалась, не было бы у меня такой всё понимающей, верной, заботливой и преданной жены, которая, к счастью, есть и по сегодняшний день. А тогда она уже уходила, но увидев, что я стремглав несусь к ней вдоль улицы, остановилась. Как много в этой жизни зависит от случайностей. Мы встречались всю весну и лето, я перезнакомился со всеми её подругами, а осенью мы поженились. Перед этим я слетал на родину в отпуск и взял её с собой познакомить с родными и с друзьями. С Любой мне было легко, просто, было что обсудить, все мои увлечения она принимала, понимала и даже, что не очень характерно для женщин, поддерживала, хотя зачастую и не без ворчания. Зона её интересов, предпочтений, увлечений и внимания была огромна, но упорядочена и регламентирована. Я сдружился и с её близкими подругами. Они меня в свой круг приняли и допустили без ревности и неприязни. Бывали мы с будущей женой и в театрах, и в «Кристалле», часто ходили в гости и к родственникам, и к хорошим знакомым моей невесты. На нашей свадьбе в квартире у жены гулял чуть ли не весь цех. На второй день мы улетели в мой родной городок, прихватив с собой подружку жены. Вторую большую свадьбу отгуляли уже здесь, в моём родном доме. После возвращения в Ташкент произошёл у меня конфликт с начальником цеха. Отпускал он меня всего на три дня, а отсутствовал я неделю. Предоставленный мною больничный лист был в гневе разорван на мелкие кусочки. Разъярённый начальник цеха начал орать на меня и топтать ногами. Ну, нельзя на меня орать.

Не сдержался я и весомо двинул Моисея Абрамовича по пузу. Реакция непроизвольно сказала, всё же боксом занимался в раннем студенчестве. Абрамович даже задохнулся. Как ни странно, этот инцидент закончился весьма благополучно, оба ведь были неправы. Начальник цеха остыл и наш конфликт успешно рассосался. Через месяц заводские общественные и профсоюзные органы предложили мне получить однокомнатную новую ведомственную квартиру в хорошем районе. Я отказался. Всё равно на будущий 1974 год срок моей обязательной отработки в Ташкенте кончался, так квартиру сначала получать, потом сдавать придётся, только никчемные лишние хлопоты. Предлагающие удивились. Через три дня предложили получить уже не однокомнатную, а двухкомнатную квартиру. Опять отказался. Трёхкомнатной квартиры не предлагали. Остался проживать с женой и тещей в их двухкомнатной квартире, а числился по-прежнему в общежитии. Новой семьёй мы жили дружно и интересно. Вскоре моя тёща вышла замуж (была она вдовой уже пять лет) и перешла временно жить к новому мужу в его однокомнатную. После нашего с супругой отъезда тёща обменяла эти две квартиры на одну, большего размера.

А я работал, занимался домом и семьёй, всё реже стал посещать занятия в театральном институте, забот прибавлялось, а времени не хватало. Неожиданно в середине января 1974 года меня призвали на военные сборы, но не в Ташкент, а в город Ашхабад — столицу Туркменистана. Быстро присвоили очередное офицерское звание и отправили. Добирался до Ашхабада самолётом. Здесь во второй половине января уже было довольно тепло. Днём постоянно в районе двадцати градусов по Цельсию. Кадрированный артиллерийский полк, на базе которого разворачивались сборы, располагался довольно близко к центру города, рядом с большим кинотеатром «Космос», если не ошибаюсь с названием. До этого по воинской специальности я числился командиром взвода дивизионной артиллерии (специализация 122 мм гаубицы). Теперь мне предстояло пройти обучение и сдать экзамены уже на командира батареи по специализации 152 мм гаубицы. Офицер — это вам не что-то. Совершенно другое отношение в воинской части. Вечером абсолютно свободный выход в город. Обязаны мы были лишь быть к 8.00 часам утра на построении

и разводе. А так, хочешь, ночуй в своей казарме, хочешь, не ночуй. Когда большинство прибывших на сборы было размещено в части, когда мы все собрались на площади перед штабом и сгруппировались, к нам подошёл лейтенант возрастом хорошо за тридцать, был он довольно потрепанной внешности. Командным голосом объявил: «Так, товарищи офицеры, тот, кто желает отправить домой телеграмму о благополучном прибытии в часть, пишет на листочке адрес и текст сообщения, прикладывает к записке один рубль, а я сегодня же вечером отправлю вашу депешу по означенному адресу. Почтамт отсюда далеко, самим вам его сразу не найти». Повелись мы, сдали по рублю. Никаких телеграмм тот лейтенант никому не отсылал. Пропил все деньги за несколько дней. Как оказалось, побывал тот лейтенант и старшим лейтенантом, и даже капитаном, но неумеренная страсть к алкогольным напиткам всегда возвращала его к начальному этапу офицерской карьеры. Был у него в штабе округа какой-то родственник, который не давал руководству части окончательно распроститься с нерадивым алкашом. Кстати, уже в конце февраля этот лейтенант, будучи дежурным по части, нажрался на службе до поросячьего визга, зашёл в большой солдатский многоочковый туалет, рухнул на очко, не забыв снять галифе, но забыв снять кальсоны, и... заснул. Отмывать его потом солдаты категорически отказались. Когда я уезжал в марте, этот лейтенант всё ещё служил. Интересно и всё необычно было в Ашхабаде. Оказывается, сюда на зимовку со всего Советского Союза в то время съезжались бомжи. Вели себя прилично. Если заходил, скажем, в местную пивную обычный человек выпить кружку пива и чем-то закусить, то сразу же за ним пристраивался один из бомжей. Забивал за собой клиента, так сказать, чтобы допить за ним из кружки пиво и доесть его пирожок. Учили нас в полку добросовестно и основательно, но только поначалу. Недели через две это выглядело приблизительно так: после развода в 8 часов 15 минут наш курсовой майор ведёт вверенную ему группу из пятнадцати человек в класс для занятий. Пишет мелом на доске тему занятий и тезисы основополагающих моментов предстоящей лекции. Смотрит на часы. Бархатным, но командирским голосом сообщает: «Товарищи офицеры, 8 часов 50 минут, через 10 минут, на «сучьем» поле

открывается пивная. Какие будут предложения?» Ясно, что до обеда вся группа и её наставник баловались пивом. Но теорию нам дали. Начиналась практика. Организовано были призваны на сборы солдаты, отслужившие действительную срочную службу в артиллерийских подразделениях. Из личного состава этого призыва были сформированы и развернуты пять батарей 152 мм гаубиц. А мы, далеко не кадровые офицеры, должны были по очереди проходить практику командования батареями. Вывезли технику и нас в Фирюзу, это в ста километрах от Ашхабада. Та самая высокогорная местность, где в кинофильме «Застава в горах» скакал на своём «Орлике» в середине пятидесятых актёр Сергей Гурзо. Горы эти очень впечатляющие, скалистые, серо-коричневые и мрачные. С одной стороны длинного хребта стреляли наши гаубицы, а с другой, там, где Иран, как нам объявили, стреляли иранские пушки. Тоже вроде бы учения. Над хребтом время от времени летали вертолёты, наши и иранские, подсматривали друг за другом. В моей батарее оказался солидный старшина с большой и густой бородой. В миру — мулла, за какие-то грехи призванный на сборы. Знал он все артиллерийские тонкости и расчёты просто досконально. Не успеют дать вводную, а он мне уже сообщает все установки прицела, уровня и прочее для пристрелочного орудия. Быстро, чётко и точно, всё сосчитал в уме. Наша батарея отстрелялась на отлично благодаря ему. Вернулись в Ашхабад, потекли армейские будни. Основные задачи сборов были выполнены, что дальше с нами делать, никто не знал. Отпустить нас полагалось только с середины марта, а стоял конец февраля. Так и ходили мы: до обеда на «сучье» поле, а после обеда играли в волейбол и нарды. С шести часов вечера посещение городских достопримечательностей и в меру значных заведений. Был у нас на сборах один профессиональный астроном, так он на всю ночь удирал в свою обсерваторию, к восьми утра как штык на построении, а потом до обеда и после обеда крепко и безмятежно спал. Вечером снова к телескопу. Был у нас и хоккейный судья международного класса Андрей Захаров. Этот попал под раздачу вместе с тренером советской сборной по хоккею Тарасовым. Андрей от артиллерии был настолько далёк, что ему никто даже и не пытался вложить специальные знания или навыки. Каждому своё. Тайком ко-

мандиры полка отправили его в Москву на три недели. Из этой поездки Захаров привёз штук двадцать хоккейных клюшек, на каждой из которых были жирные росписи всех членов советской сборной команды по хоккею. Представляете, каким необыкновенным подарком были эти клюшки для старших офицеров нашего кадрированного полка, затерянного на задворках самой большой в мире страны. Насколько помню, переругались офицеры из-за этих сувениров. А в это время мы, призванные на сборы офицеры запаса, пристроились по вечерам и воскресеньям разгружать вагоны с замороженным мясом (точнее, с говядиной). Разгружаемая говядина шла полутушами. Каждая корова была разрезана вдоль на две половины. Каждая замороженная полутуша весила от 110 до 180 кг. Таскать их было удивительно неудобно, холодно и скользко. Но платили хорошо. Новенькую форму мы, конечно, замызгали. Две коровьих ноги спёрли и жарили мясо в своей части на саксауловых дровах. Ели это мясо и, конечно же, запивали практически все офицеры полка. Кто-то из наших заработанные деньги обстоятельно пропивал, а я купил подарков жене и её родственникам, поскольку в Ашхабаде в то время был бум в реализации промышленных товаров и модных вещей. Скоро нас постепенно стали отпускать со сборов, не всех сразу, а по пять человек. Отпустили и меня. Билетов на самолёт не было. Добирался на поезде в общем вагоне. Билетов в плацкартные вагоны тоже не было, а купейных вагонов в этом поезде вообще не было предусмотрено. Стоял этот черепаший поезд у каждого куста и подолгу. Жарища внутри поезда в марте была невыносимая. Расстояние между Ашхабадом и Ташкентом ровно в тысячу километров этот «стремиТЕЛЬНЫЙ» поезд пробежал почти за четверо суток. Вышел я на железнодорожном вокзале Ташкента десятого марта слегка обалдевший от такой дороги. После столь долгого отсутствия в городе в театральный институт я вообще перестал ходить. Да и как ходить, если в конце июня у нас с женой родился сын. Когда о рождении сына стало известно, в тот же вечер ко мне домой пришли лучшие подружки моей жены, и мы закатали с ними грандиозный банкет. Мы чудесно веселились весь вечер и всю ночь. В три часа ночи всей компанией пошли во двор купаться в бассейне. В Ташкенте во многих дворах около домов в пять

этажей и выше существовали летние детские бассейны длиной метров в семь-восемь и глубиной сантиметров в семьдесят. Вот и мы, как дети, долго и весело купались поочерёдно в двух бассейнах соседних домов практически всю ночь до утра. Купались прямо в верхней одежде, потому что купальников у подружек моей супруги с собой, конечно же, не было. Завершился этот импровизированный праздник только тогда, когда пора уже было собираться на работу. Девчонки по возможности надели на себя сухую одежду из гардероба жены и мы разбежались. До сих пор вспоминают эту великолепную ночь и праздничное гуляние по поводу рождения моего первенца те пожилые тётеньки, что были тогда молоденькими девчушками, весёлыми и счастливыми. А время бежало, и пора мне настала, пора. Настала пора собираться к переезду на мою родину, но теперь не одному, а с женой и ребёнком, которому было меньше двух месяцев. Основная сложность заключалась в трудностях с моим увольнением. Без подписи генерального директора Сивца инженерно — технические работники с этого военного завода уволиться не могли. Были у него права не меньшие, чем у министра республики. Да и не станет в Узбекистане никто с ним судиться. Не желал Сивец меня отпускать. Дважды не подписал заявление. Подключили всех родственников и знакомых супруги. Помогли во время трёхдневной командировки Сивца в Москву: его заместитель по предварительной просьбе моих заступников подписал моё третье заявление. И так, отпустили. Очень быстро оформил я увольнение с завода. Собрали мы контейнер с вещами, отправили. попрощались с родственниками, с друзьями и подругами, с Ташкентом, чуть погрустили и улетели навсегда. Прощай, Ташкент. Жаль, что теперь ты совсем не такой, каким был в то время, во время моей молодости. Всё меняется, меняются и города, и люди, их населяющие. Уже никогда не вернуть тех мгновений, событий и тех отношений, всё это только в памяти. Как хорошо, что пока ещё эта память меня не подводит.

РАССКАЗЫ

Как мы с Мишкой...

С Мишкой я познакомился лет в восемь на площади у клуба. В июле асфальт, которым площадь была закатана, дыша распаренностью, стал сверху мягким, чуть вязким и пах промышленными мотивами, призывая к трудовым будням. Мишка в своих чёрных трусах, белой запачканной майке-безрукавке и стоптанных сандалиях без одного ремешка подошёл первым:

— Тебя как зовут? Ага, понял, а меня Мишка, пойдём пошухарим?

— А как это?

— Как, как, да чтобы весело было. Понял?

Далее несколькими фразами он обозначил пределы возможностей шухарения и отличие этого процесса от злостного хулиганства и недопустимого непотребства.

Солнце стояло над верхушками сосен на западе нашего городка, вечер почти не приближался, люди тянулись к клубу на семичасовой вечерний сеанс. Тогда ведь не говорили и, тем более, не писали 19 часов. 7 часов вечера, и никак иначе. Почему, не знаю. Сначала мы с Мишкой ходили вслед за парочками, пересекающими площадь и поднимающимися по мраморным ступенькам лестницы, ведущим к входным дверям клуба. Накопив во рту слюну, мы плевали им сзади на одежду и посыпали обильно то ли мелом, то ли алебастром, который набрали в металлическом коробе, стоявшем рядом с клубом среди набора стройматериалов, предназначенных для проведения очередных отделочных работ. Но скоро нам такое шухарение надоело. Не видно мгновенного результата, ответной реакции, так сказать. Мишка сбегал к себе домой, а дом его был в ста метрах от клуба, и принёс две длинные жёлтые тонкие резинки, как говорили раньше, от трусов. Мы с ним изготовили из толстой алюминиевой проволоки (бухта её лежала неподалёку от клуба, среди стройматериалов) две рогатки, вернее, их капитальные основы. Загнули зу-

бами кончики рожков, в местах загиба привязали концы резинок, камнем загибы расплющили. Вдоль недавно установленных столбов для линии электропередачи и телефонной связи валялись брошенные обрезки свинцового кабеля и обрезки металлических косичек, сплетённых из тонкой алюминиевой проволоки. Из этого подручного материала наломали мы коротенькие фрагменты медной и алюминиевой проволоки и наделали из них множество шпонок, сгибая зубами каждый обломок пополам под острым углом. Цепляешь такую шпонку за резинку, оттягиваешь, отпускаешь, и она резво летит, хлёстко ударяя цель, это если попадёшь. Попадали. Сбоку клуба по стене металлическая лестница вела в кинобудку, расположенную на втором этаже здания. А под этой лестницей был подвал. Перед подвалом приямок, как бы полуподвал. За тёмным приямком металлическая дверь в сам подвал. Дверь постоянно была закрыта, и что там в этом подвале, так никто никогда не узнал. Я, конечно, имею в виду пацанов. Спуск к этой двери через приямок был глубокий и, как я уже отметил, удивительно тёмный. Отличное место для засады. Там мы с Мишкой и засели. Как кто из прохожих появится на тропинке, пропустим, высунемся, прицелимся и разим живую цель шпонкой из рогатки — куда попадёт. Сразу назад в темноту и молчок. Сверху, со свету, крики, ругань и даже ёмкие нецензурные выражения. Нахватались, обучились, но пойманы не были ни разу. Не ассоциировалось наше убежище у пострадавших с местом дислокации обидчиков. Как выяснилось потом, у одного гражданина треснуло стекло очков, а у другого пошла носом кровь. Догадываетесь, куда попала шпонка? Через несколько дней это шухарение перестало быть относительно безопасным. Люди сговорились отловить беспардонных стрелков и поучаствовать в грядущей облаве группой. В своих семьях, за вечерним чаем, дома, мы узнали о готовящихся кознях неизвестным стрелкам и в своё полуподвальное убежище больше никогда не спускались. Облава сорвалась, но намто как без баловства?

Мы с Мишкой бросали из канавы пустые бутылки под колёса проезжающего транспорта. Но! Но, во-первых, транспорт в то время ходил редко. Во-вторых, бросишь

бутылку, она разлетится на мелкие осколки, а не всякий водитель поймёт, что происходит, и удивлённо проезжает мимо. В-третьих, если кто остановился, то приходится стремглав улепётывать в овраги, канава-то плохое укрытие. Попадались такие шофёры, которые гнались очень долго, наводили серьёзный страх на несколько дней, и обычно спасало только отличное знание местности и её предварительная рекогносцировка. Шухарили мы и по-другому, изобретательно, довольно длительное время, всё перечислять не буду. Мишка учился на один класс ниже, хотя был только на пять месяцев младше меня. Но тогда октябрьских в шесть лет в первый класс не записывали, а может, просто родители не захотели настоять. Разные классы, разные одноклассники, поэтому во время учёбы встречались мы не столь уж часто, зато зимние и летние каникулы проводили в основном вместе.

Мишка первый научил меня курить. Не то чтобы серьёзно. По-серьёзному курить я стал в 15 лет, а тогда мы с Мишкой баловались, так как запретный плод всегда сладок. У Мишки был дед, хитрый такой. Этот дед обменивал нам пачку папирос «Беломорканал» на две пачки папирос «Огонёк». «Беломор» я тырил у своего дядки, стоила эта пачка в магазине 2 рубля 20 копеек, а «Огонёк» стоил 60 копеек. Представляете, какая выгода была Мишкиному деду. И плевать ему было, что там этично, а что не этично. Снабжал внучонка табаком на выгодных для себя условиях. Кури, родной, на здоровье. Мишка первым придумал сворачивать из жёлтых дубовых листьев плотные сигары. Однажды нас поймали на площади родители, когда мы курили с Мишкой публично сигареты «Трезор». Меня выпороли резиновым сапогом, а Мишку офицерской портупеей. Я потом не курил до 15 лет, а Мишка время от времени покуривал то «Памир», то «Приму». Если Мишка читал, а читать он любил, то обязательно что-то боевое. Айвенго, д'Артаньян, Робин Гуд, Тарас Бульба, пираты и индейцы — это его любимые герои.

Отец у Мишки был лётчиком, и Мишке часто случалось летать на «кукурузнике». Больше всего он мечтал прыгнуть с парашютом. Не довелось. В лесу Мишка был заводилой строительства капитальных землянок. В овра-

гах Мишка был организатором поиска старинных кладов и древнего оружия. Почему в оврагах? Ничего не нашли, но перекопали невероятное количество песка, чудом никого не засыпало. Зимой Мишка был зачинщиком отважных прыжков с горок и трамплинов, летом организатором набегов на чужие сады. Драться Мишка не любил, но если надо, дрался до иступления и уходил с поля боя весь перемазанный своей и чужой кровью. Лет в 12 организовал он особое шухарение. Бра-лась плёнка от диафильма, сворачивалась в плотный рулон, рулон заворачивался в бумагу, последняя поджигалась, а после того, как пленка в бумаге качественно разгоралась, плёнка затаптывалась, но продолжала интенсивно тлеть. Из свёртка валил плотный, мерзко пахнувший дым — дымовушка. Такую дымовушку Мишка наладился бросать во время киносеанса в кинозал через заднюю дверь, которая выходила в лес. Подельники его, находящиеся в кинозале, предварительно в начале просмотра кинокартины снимали запорный крюк из гнезда двери. Вот уж шухарение, так шухарение. И, главное, сеанс прерывалась, зрители бежали бежать свежим воздухом, возмущаясь и ругаясь. Удалось Мишке проделать такую штуковину раз семь-восемь. Потом билетёрша стала бдительно охранять запор на выходной двери. Был Мишка первым в стрельбе из поджигов, постоянным участников всех взрывов, но почему-то не любил рыбалку ни бреднем, ни удочкой, ни «мордой», ни сетью, ни динамитом. Лет с четырнадцати стал я с ним общаться всё реже, да и друзья у него и у меня обозначились разные. После восьмого класса Мишка поступил в политехнический техникум, завёл себе преданную девушку и совсем новый круг общения. Когда Михаилу исполнилось 17 лет, его вечером вдруг сбил какой-то лихач на грузовике. Насмерть. Не успел Мишка ничего. Иногда я думаю: а что бы сейчас из него получилось, не произойди тогда это несчастье? И нет у меня никакого однозначного ответа. А память есть.

Мишкина девушка несколько лет оплакивала его и ни с кем не встречалась, а затем, неожиданно для окружающих, вышла замуж за старшего сводного брата Михаила — Бориса.

Сказочник

Сколько помню себя из детства, столько сочинял я тогда разные забавные истории. Происходило это как-то само собой, ради нарушения скучного и запланированного течения обыденной жизни, непроизвольно и неожиданно для меня самого. Вот, вроде бы, и не к месту и не к ситуации, но что-то внутри меня карабкается наружу, и вдруг я, как ведомый, начинаю излагать окружающим удивительные истории, красочные, событийные, увлекательные и не монотонные, не нудные о ярких разноцветных происшествиях, с замысловатой интригой. Истории, чем-то незримо связанные с настоящим моментом и с лицами, окружающими рассказчика в данном месте, в данный час. Нельзя сказать, что это было голое враньё, хотя, конечно же, враньё. Но, скорее, это были красочные фантазии на знакомые всем темы. Может быть, это было путешествие в дерзкие мечты, подспудная восторженность героическими поступками, желание торжества добра над малейшей несправедливостью? Сюжеты рождались сами, причём их развитие происходило уже по мере моего повествования. Начиная рассказ, я ещё зачастую не знал, чем он закончится. Изобретая очередную необыкновенную и увлекательную историю, я ориентировался на глаза слушателей, на их реакцию по поводу излагаемых событий, тут же корректировал сюжет, его развитие и окончательную развязку, улавливая мысленные пожелания благодарной публики. Иногда намеренно, для усиления трагедийности повествования, уходил от ожидаемого счастливого конца, пробуждая в воображении слушателей всплески чувств жалости, сострадания, а также желания уронить слезу сопереживания с горькой безнадежностью, создаваемой ударами судьбы по описываемым персонажам. Вечерами, когда я маленький сидел на крыльце или лежал в своей кровати, в мою детскую голову прилетали стихи. Сначала это были короткие рифмы без подпорок. Лет с четырёх рифмы стали обрастать словами, формируясь в строчки. Потом и строчки стали полновеснее и выразительней. Стали образовываться сами по себе двустишья и куплеты из четырёх строк. Ритмический рисунок я постигал интуитивно, ориентируясь на жёсткое понятие: складно и не складно. Если

все четыре строки читались плавно, гладко, ни обо что не спотыкаясь и не запинаясь, звучали без малейших шероховатостей, это и соответствовало моему понятию — складно. Позже в создаваемых поэтических конструкциях я самостоятельно додумался до подсчёта равенства количества слогов в рифмуемых строках. Конечно же, не знал я тогда, что такое ямб, что такое хорей, не подозревал о мужской и женской рифме, незнаком был и с постулатами стихосложения. Во всём полагался на вкус звучания и на безукоризненную гладкость произношения. Стихи мои жили очень недолго. Писать-то я ещё не умел. Да и позже, освоив грамоту, свои стихи записывал очень редко, привык, наверное, так. Домашние меня выслушивали, но не боле того, никогда не хвалили. Мои поэтические эксперименты на бумаге они никогда не фиксировали, в голову им такого не приходило. В семье всегда в почёте были офицеры, врачи, учителя, профессиональные инженеры, руководители производственных структур, но никак не поэты, не писатели или актёры. Сочинители, короче, в моей семье не котировались. Времена были не те. Вот в те самые времена и пересёк мой жизненный путь местный детский садик. Ходить в него я невзлюбил, скучно здесь мне было, да и не терпел я подчиняться кому-либо с самого моего рождения. Часто убегал я из садика домой, и переход через проезжую часть дороги меня не тревожил абсолютно. Со временем стали воспитатели следить за мной более качественно, организовав на постоянном пути побегов реальные преграды. Неожиданно воспитательнице Анне Михайловне пришла в голову оригинальная мысль задействовать на благо мой творческий потенциал. Стала она сажать меня за стол перед детсадовской группой для персональных выступлений. Считалось, что я рассказывал детям сказки. В реальности это были не сказки, а мои личные придумки. Говорили мне воспитательницы много лет спустя, что тогда я, якобы, ни одного раза не повторился. Скорее всего, так оно и было, всё уже ранее рассказанное было мне неинтересно. Сначала таким образом я беседовал со своими одноклассниками по полчаса в день, затем заслушивать меня стали дважды на дню, а в конце своей разговорной карьеры старшую группу детсада держал я своими сказаниями ежедневно по несколь-

ко раз. Слушали меня внимательно, увлечённо, не перебивая, замирая в ключевых моментах повествований. Когда взрослые отвлекались, мог я себе позволить сказать что-то крепкое, из лексикона, освежающего нашу детскую среду. Воспитатели происходящему были удивительно рады, так как давал я им возможность незапланированно отдохнуть или повозиться с многочисленной бумажной писаниной. Что я тогда конкретно излагал детям, не помню абсолютно, но позже мне говорили, что чаще всего я рассказывал про фантастически необыкновенные приключения какого-то Верлиоки. Вот воспитательницы и прозвали меня — «Сказочник». Необидное прозвище. Кстати, в обыденной детской жизни эта нагрузка не освобождала меня ни от драк, ни от житейских детских разборок, что и было, по сути, скорее всего, хорошо. Тогда, постоянно меня спрашивали и дети и взрослые: «А где бы взять и как прочитать те книжки, из которых ты рассказывал эти сказки?» Даже и не помню, что я врал в ответ. Скорее всего, что-то я врал более или менее правдоподобное. Не будешь же говорить, что все мои сказания придуманы от начала и до конца. Всё равно никто не поверит. Вот и получалось, что соврать по этому поводу гораздо убедительней. С тех пор это свойство что-то мгновенно придумывать, по виду довольно достоверное, увлекательное и почти правдоподобное, сидит во мне и по сей день. Часто это что-то вылезает наружу независимо от меня самого. Вдруг ловлю себя на том, что уже что-то рассказываю как о якобы имевшем место реальном интереснейшем событии, неожиданным свидетелем которого я совершенно случайно оказался. Бывает у меня такое, иногда бывает. Помню, однажды взяли меня, двенадцатилетнего пацана, взрослые солидные мужчины (по родственному статусу с одним из них) на серьёзную утиную охоту. Доверяли мне тогда к самостоятельному использованию лёгкое одноствольное ружьё двадцатого калибра. В первый день охоты мы, разведённые по разным точкам, долго палили из камышей по пронсящимся над нашими головами стайкам уток и чирков. Взрослые настреляли штук пятнадцать представителей пернатых. Я же не попал ни разу, хотя и извёл до сорока зарядов. Переночевали в стогу сена и утром решили сменить место дислокации, переехав к другому, пер-

спективному для охоты заливу, километров за двадцать отсюда. В нашей «Победе» ехали уважаемые люди: прокурор района, за рулём его сын — молодой офицер, капитан по званию, мой дядя, тоже не маленький начальник, а в довесок я — пацан. Так вот, всю дорогу рассказывал им этот пацан красочно про свои замечательные подвиги на вчерашней охоте. Якобы очень мастерски выстрелил я по стае летящих уток и с одного выстрела сбил трёх крякв, но попадали они в заросли камыша. Якобы долго я шарил в камыше, но всё бесполезно. Тогда стреляю ещё раз по пролетающей стайке и сбиваю уже двух чирков. Теперь чётко засёк место их падения, добрался до него и успел увидеть, как лиса волокла моих малых птичек глубоко в кусты. Подбежал к этим кустам, а оттуда неожиданно выскочил кабан. Стрелять нельзя, дробь очень мелкая, только на птицу. А кабан разъярён, бежит прямо на меня. Еле-еле в последний момент увернулся я от кабана, и он проскочил мимо. Вот так и остался без добычи. Слушатели от такого рассказа слегка обалдели, а прокурор, с трудом, переварив моё сказание, произнёс:

— Да, такого Мюнхгаузена я ещё в своей жизни, не встречал.

— Да нет, Владимир Иванович, всё в моём рассказе, чистая правда.

— Конечно правда. Только я тогда не Владимир Иванович.

— Хотите верьте, а хотите нет, но всё от начало и до конца было именно так.

Не поверили, конечно, и правильно сделали. В школе я наладился писать стихи. Дело в том, что у меня значительно хромала грамматика русского языка. Написать сочинение или изложение для меня никакого труда не составляло, но в текст обязательно вляпывались грамматические ошибки, и пятёрки не видать. Другое дело стихи. Всего четыре или пять четверостиший накропаешь по сути темы, и всё, а это тебе не несколько страниц текста прозой. Ошибок в стихах, практически, нет, а неправильно проставленный знак препинания всегда можно объяснить как специальный авторский знак. Вот так я и пристроился хитрить на русском языке и литературе. Не запрещали, наоборот, даже хвалили, наверное, от неожиданности.

Зачитывали мои опусы перед всем классом, иногда и на школьных линейках. Два раза отправляли меня на местное городское радио читать в каких-то передачах свои стихи. Стихи я прочитал, но почему-то волновался и даже несколько раз запнулся в эфире. Передачи эти повторяли несколько раз и, соответственно, повторялось моё неуклюжее запинание. Потом стали мы в школе играть в КВН, и теперь я писал стихотворные хохмочки, песенки, рифмованные репризы и прочее. Писал стихи и на все дни рождения своим друзьям, подругам и приятелям. Мог рифмовать очень быстро, не упуская смысл. Главным вектором в то время было то, чтобы обязательно получилось смешно. Однажды что-то на меня нашло, и к 8 марта написал я на всех своих одноклассниц весёлые персональные эпиграммы. Весело-то было, весело, но объектом были дамы, многим из них кое-что в тексте показалось довольно обидным на публику (возможно, правда). Собрались они, и пришли ко мне вечером домой в количестве четырнадцати девиц, чтобы побить, как позже признались. Вызвали во двор, навалились все вместе. Бить, конечно, не били, но хрютели и плотно прижимались. Вот уж в тот день нащупался я женского тела. Визжали, но не отстранялись. Что тогда у нас получилось, никто не понял, но все эти девчонки стали моими закадычными подружками на вечные времена. Очень мало у меня осталось записанных стихов от тех времён. Только напечатанные на пишущей машинке сценарии и некоторые нехитрые тексты выступлений на сцене. А сказок я уже не рассказывал больше никогда и никому. Разве что только своим детям. Но это уже совсем другие сказки и это другая, взрослая жизнь, не вписывающаяся в тонкую вязь моего рассказа о далёкой романтической молодости.

Монокль, Псих и поросёнок

Случилось это в пору моей бурной студенческой молодости. Чего только не происходило занимательного, необычного и порою странного в то удивительное время. В нашей студенческой группе по списку числилось двадцать парней и всего две девушки. К тому же так сложилось,

что носили эти нежные создания одно и то же имя — Татьяна. Естественно, что мужским вниманием эти прелестные (а может и не очень) дамы обделены не были. За долгие годы учёбы заводили они романтические отношения то с одним, то с другим одноклассником, случалось, что менялись ухажёрами и потом, хихикая, что-то там обсуждали между собой. К четвёртому курсу явно налицо была их сытая разбалованность вниманием сильного пола, а откровенная ветреность уже просто зашкаливала. Кстати, на пятом курсе обе Татьяны удачно вышли замуж на стороне. Одна за сотрудника ОБХСС, а другая за новоиспечённого офицера-политработника. После последнего прощального институтского вечера я их никогда уже более не встречал. Но это так, к слову. А тогда мы были все вместе, дружили и старались почаще активно отдыхать своим дружным и сплочённым коллективом. Конечно, парни приглашали дополнительно и своих девушек, не заикливаясь на нашем внутреннем женском минимализме. Но приводимые со стороны девушки постоянно менялись и значительного следа среди строк памяти моей о том времени не оставили. Две Татьяны ни в чём от нас отставать не собирались, и не отставали. Всё им было интересно, как я уже сейчас понимаю, довольно необычно для девушек, но чертовски увлекательно. Ко многим моим сокурсникам неотделимо приклеились странные клички, у каждой из которых были свои истоки. Припечаталась эти клички весьма надёжно, неотделимы они от персонажей и по сей день. Расскажу только о нескольких кличках, поскольку их носители являются фигурантами моего незамысловатого, но искреннего повествования. Итак, Монокль, Канава и Псих. С Моноклем всё просто. Сразу, после поступления в институт отправили студентов-первокурсников почти на месяц на сбор урожая картошки. Володька Дорофеев постоянно носил очки. В первую же субботу, изрядно вечером подгуляв, свалился он в овраг и вдребезги разбил одно из стёкол своих неснимаемых очков. Теперь и не упомяну, то ли левое стекло, то ли правое. Но в оправе осталась только одна линза. Запасных очков у Володьки с собой не было. Так и ходил он до конца поездки в колхоз в очках с одним стёклышком. На следующий же день после падения пошло: «Монокль».

Как пошло, так и осталось. Приклеилось прозвище. Теперь о Канаве. Интереснейший был человек. Настоящий мужчина. И по поведению в любых ситуациях, и по внешнему виду, и по поступкам. А как он дрался? Исключительно ловко, мастерски и отважно. Никогда не трусил вступить в бой даже с несколькими противниками. Обаянием обладал уникальным. От общения с ним таяли не только девушки, но и дамский контингент преподавателей. Была у Володьки Пиконова одна странность, по тем временам удивительно оригинальная, и никак не иначе. Он практически никогда вообще не ругался матом. Даже в самых замысловатых ситуациях, бывало, скажет: «У, ... канава!» И всё. Вот вам и стало понятно, откуда такое прозвище. С первого же месяца общения мы его в нашей группе так и прозвали — Канава. Теперь о Психе, о Коле Касепове. Худощавый, невысокий, с мелким лицом, жидкой, как ртуть, всё якобы знающий, всем интересующийся, водящий знакомства со многими порядочными людьми и с сообщениями малопорядочных граждан, склонных к противоправным поступкам. В первый же день сбора нашей группы Колька публично дал яркий отпор Быку. Лёша Носов сразу же получил своё прозвище — Бык за огромный рост и вес, неюношескую массивность и широкость, за обстоятельность и медлительность движений, за неторопливость и лаконичность речи. Лёша Бык закурил папиросу «Байкал». Были такие маленькие и тоненькие дешёвые папироски. Смотрелась этакая папироска-фитюлька во рту Быка на фоне огромной и широкой физиономии очень смешно. Поэтому Коля Касепов тут же и выразился: «Смотрите, в таком большом унитазе вдруг спичка застряла». Лёшка не спеша отвесил Николаю подзатыльник. Не подозревал, с кем связался. Коля молча принёс стул, поставил его рядом с Быком, залез на стул, крикнул, и со всей силы с левой и с правой руки влепил Носову два резких удара кулаками в широкую физиономию. Тут же спрыгнул со стула и молниеносно исчез из аудитории. Лёшка немного постоял, отдуваясь, осознавая смысл произошедшего события, затем выдал: «Во, ... псих!» Так и стал наш Касепов Психом. Теперь перейду к описанию конкретных событий, из-за которых и завязался мой рассказ. Было это в 1968 году в начале сентября.

Отправились мы своей группой на природу. Можно было бы на большой яхте, миновав русло Волги, пришвартоваться к «золотым пескам» реки Уса, впадающей в главную водную артерию. Но больно много народу с привлечёнными со стороны девушками. Всем в одной яхте не разместиться. Хорошо, что в то время на эту самую Усу регулярно по расписанию задёшево ходили речные трамвайчики, вернее, небольшие теплоходики — ОМики. Перед поездкой Псих организовал заготовку горячительного напитка. Самогонки. Наш Канава жил тогда один в трёхкомнатной квартире. Отец его, кадровый офицер, находился в двухгодичной служебной командировке с женой и младшей дочерью в другом городе. И Канава сам командовал по хозяйству в свободном жилье. Все наши всегда собирались у него и подолгу качественно гуляли. Вот и теперь Псих и Монокль организовали у Канавы в преддверии предстоящего пикника мини-алкогольное производство. Сначала поставили брагу в большой фляге из-под молока. Рецепт оглашать не буду, хотя, конечно же, он мне хорошо известен. После созревания бражки плавно перешли к выгонке самогона самым простым способом, через охлаждение крышки кастрюли. Опять же, тонкости технологии раскрывать не стану. Практически три или четыре дня не посещали они лекции, занимаясь столь ответственным, требующим большой самоотдачи делом. Конечно же, на всех стадиях производства в обязательном порядке снимались пробы, к сожалению, не совсем дегустационные, а, скорее, объёмно потребительские. Когда мы загрузились на ОМик, трое производителей горячительного напитка выглядели похudevшими, осунувшимися и почерневшими от своих забот. Прибыли мы на конечную пристань, дошли до «золотых песков», поставили палатки, разложили костёр, заготовили впрок дрова, навели ревизию продуктам и выпивке. Оказалось, что самогон, заготовленный умельцами для всеобщего пользования, был представлен в весьма и весьма ограниченном количестве. Куда они дели его основную массу, внятно эта троица так и не смогла никому объяснить. Уже гораздо позже мы узнали, что и на стадии выхода бражки, и на этапе производства непосредственно самогона, нашим специалистам в осуществлении тщательной и постоянной дегустации

помогали многочисленные соседи Канавы, к тому же чуть ли не всем подъездом. Проштрафившаяся троица самостоятельно вызвалась полностью реабилитироваться, для чего готова была сходить в продмаг ближайшей деревни Берёзовка и осуществить необходимые закупки имеющегося там вина. Отправились они тем же составом, которым осуществляли мощную дегустацию в предыдущие дни. Взяли с собой большой пустой рюкзак, охотничий нож в ножнах (неизвестно зачем) и гитару. В Берёзовке, в сельском магазине, из вин продавался только довольно странный портвейн. Горлышко бутылки залито сургучом, а по цвету напиток был не красным и не белым, а почему-то каким-то тёмно-зелёным. Честное слово, я этот портвейн помню. Названия его не помню, а мерзкий вкус и необычный цвет помню. Добровольные гонцы купили десять бутылок зелёного напитка и уложили их в рюкзак. И тут голову Психа посетила сакраментальная мысль. Заприметив, что по улицам деревни разгуливает изрядное число свиней, он предложил дожидаться темноты, залезть в чей-нибудь свинарник, заколоть поросю и притащить свежежину в лагерь. Канава сразу же отказался, мотивируя это тем, что свинина нам не нужна, потом, если раньше не колол свиней, так и не берись, да и тащить это мясо надо аж четыре километра, а тут ещё и десять бутылок вина. Псих сделал вид, что во всём разделяет мнение товарища и лукаво произнёс: «Согласен. Слушай, Канава, ты дуй в лагерь, а мы с Моноклем по местным девицам прошвырнёмся. Может, что и обломится». Канава взял рюкзак, взял гитару, так как начал собираться дождик, и неспешно пошёл в наш лагерь. Псих и Монокль остались, спрятав у себя под курткой длинный нож в чехле. До темноты ещё оставалось много времени, и друзья повторно сходили в магазин, приобретя ещё две бутылки зелёного вина, но уже для личного использования. Нарвали в каком-то саду яблок на закуску, присели за околицей и приступили к опустошению бутылок портвейна перед столь серьёзным предстоящим делом. Вино уже закончилось, а ночь всё не наступала. Закрапал дождик, по-осеннему холодный, подул ветер. Подмёрзшие разбойники подсмотрели сарайчик, в который хозяйка загнала не очень большого по размеру поросёночка. Стоял сарайчик на отшибе. Рядом они и стали

дожидаться окончательной темноты. Пошёл теперь уже сильный дождь. Псих забрался в сарай, открыв оконце, а Монокль остался караулить снаружи. До этого Псих конфиденциально рассказывал выпившему Моноклю, что колоть поросят надо ловким и сильным ударом ножа под левую лапку. Что уж там случилось внутри сарая, неизвестно, но только долго раздавался свиной визг. Хорошо, что дом был далековато от сарайчика, и шёл в это время сильный и шумный дождь. Когда добытчики вытащили убиенного поросёнка через окошко, тот оказался просто весь исколот ножом Психа. Нелёгок был небольшой, с первого вида, поросёнок, ох нелёгок. Килограммов пятьдесят и никак не меньше. Тащить эту тушу было удивительно неудобно, тяжело, ну просто очень тяжело. Шёл плотный нескончаемый дождь, хлестал холодный ветер. Грунтовая дорога через поле, по которой шли заготовители мяса, превратилась в сплошную чернозёмную жижу. На теле не было ни одной сухой нитки. Сверху то на плечи, то на шею сильно давил очень скользкий поросёнок. Сначала тащили его вдвоём. Вроде бы, как-то приспособились. Но не тут-то было. Неожиданно Монокля пронесло. Прослабило, так сказать. То ли вино зелёное было виновато, то ли не совсем спелые яблоки недавнего закусона, то ли всё вместе, в совокупности. Вот и стал Монокль надолго приседать через каждые сто, двести метров. Тащить свинину он уже был не в состоянии. Кое-как Псих, практически волоком, по грязи и раскисшей земле, еле-еле дотолкал тушу поросёнка до леса, который был в двух с половиной километрах от злополучной деревни. Там в лесу, в ямке, и спрятали грязного поросёнка, завалив его сверху мокрыми ветками и листьями. Лесок этот в ширину был где-то метров пятьсот, а потом ещё один километр пути до нашего лагеря. Только добрались заготовители мяса до наших палаток, как неожиданно закончился дождь. Едва хватило сил у этих добытчиков, чтобы переодеться в сухую одежду, затем свалиться в палатку и заснуть мёртвым сном. Правда, Монокль время от времени вставал по каким-то личным надобностям. Потом поутру буквально все по очереди высказали Психу всё, что о нём думали. Другой от чувства собственной вины со стыда бы сгорел, но Психу всё это было, как

сейчас говорят, фиолетово. Поросёнка, покрытого плотным слоем грязи, нашли, откопали, перевезли на надувной лодке (позаимствованной у соседей по нашему лагерю) на противоположный берег Усы. Там тушу отмыли, ошкурили, разделали, а мясо разрезали на куски. Вот съели тогда всё, или нет, сейчас уже и не помню. Осадок от этой свиной охоты у нашей группы остался весьма неприятный и очень надолго. Позже специально за Психом мы постоянно присматривали и несколько его оригинальных и искромётных афёр просто предотвратили в самом зародыше. А Монокль что? Монокль ведомый. После института Псих женился, но несколько раз крупно поскандалив с супругой из-за глупых бытовых мелочей, через пару месяцев развёлся. Затем он крепко пил, мошенничал, а потом куда-то пропал.

Нежданно-негаданно в Таллин

Это всё случилось в начале 1971 года. Подошло время дипломной практики студентов-сварщиков из Тольяттинского политехнического института. Со всего потока в Ленинград попали только те, кто для этого предварительно постарался и проявил себя положительно на всевозможных поприщах. Набралось таких счастливчиков восемь человек. Если перечислять персонально, то в соответствии с институтскими прозвищами удача выпала Серому, Антону, Отцу, Моноклю, Канаве, Психу, Горелому и Трубачу. Предстояло им проживать в этом прославленном городе, проходя дипломную практику на большом заводе «Металлист», с конца января и до середины мая. Добрались перечисленные студенты до города на Неве самолётом и стали устраиваться в указанном им общежитии. Это было студенческое общежитие электротехнического института им. Попова, расположенное на улице с оригинальным названием «Студенческая». Пятиэтажное длинное здание среди комплекса разнообразных общежитий всевозможных институтов. Разместили практикантов на третьем этаже, разведя по комнатам, в которых были свободные места. В стандартной комнате четыре кровати, но жили местные здесь и по двое, и по одному кое-где. Вот и доукомп-

лектовали вновь прибывшими лицами малозаполненные помещения. Псих с Моноклем попали в комнату к двум институтским спортсменам. Канава, Антон и Отец в комнату к Марку — электронщику. Вход только после нажатия определённого набора символов на кнопках перед дверью в комнату. После того, как входящий переступал порог, раздавался громогласный густой бас, записанный на плёнку: «А пошёл бы ты на ... (далее очень непечатно)». Внутри помещения самовыключающиеся торшеры, цветомузыка, столь редкостная в то время, сами по себе открывающиеся и захлопывающиеся дверцы шкафов, а также прочие электронные хитроумности. Всё это обустроил Марк, студент дипломник, любитель неожиданных эффектов. Остальных приезжих практикантов разметало по другим комнатам по одному человеку. На следующий день посетили разработчики дипломов место своей практики — завод. Изготавливались на нём огромные турбины для гидроэлектростанций Советского Союза и зарубежных стран, что-то ещё, очень громоздкое, а также узлы и детали военных подводных лодок. Но в эту часть завода, а также на стапель подводных субмарин вход практикантам был закрыт. Познакомились каждый со своим руководителем практики. Канаве, Психу, Отцу, Антону и Серому было предложено абсолютно ни о чём не волноваться, не переживать, темы для их дипломов были назначены и материалы уже готовы в достаточной мере. Оказывается, это те способы и направления сварки, которые заводскими службами были хорошо и досконально проработаны, но в производственный процесс по разным причинам ещё не пошли. Вот упомянутые выше студенты и услышали: «Через пару месяцев возьмёте материалы, основное перекатаете, вот вам и готовый диплом. А пока считайте себя свободными. Целого апреля и половины мая вам будет достаточно, чтобы перечертить чертежи и переписать текст». Нет, конечно, с заводом и с основами производства на нём руководители дипломной практики тольяттинских студентов познакомили, но потом ненавязчиво и прозрачно намекнули, чтобы любознательные практиканты до апреля и не думали появляться на заводе. Хуже пришлось Моноклю, Горелому и Трубачу. Эти лица должны были ежедневно ходить на практику на «Металлист» и по два-три часа в

день трудиться здесь над разработкой своих дипломных проектов. Только к вечеру они присоединялись к бездумному времяпрепровождению своих сокурсников. А везунчикам предстояло более двух месяцев провести в праздности. Уехать домой на это время, конечно же, никому и в голову то не пришло. И что они только не делали. Пешком исходили весь Ленинград, побывали в его музеях, посетили многие театры, ознакомились с основными достопримечательностями северной столицы. Нашли место, где днём за соответствующую мзду можно было разгружать вагоны без официального оформления на работу, а лишь по предъявлению студенческих билетов. Вечерами ежедневно сидели в местном кафе неподалёку от общежития. Название этого кафе позже забылось, так как в просторечье на местном жаргоне его все называли «Форт серая лошадь». Очень близко перезнакомились с официантками этого заведения, и те оставляли для практикантов отдельный столик. На всех заказывалась одна бутылка лёгкого сухого вина, мороженное и всё. Остальное при необходимости приносилось с собой, что обслуживающими дамами не возбранялось. Сидели долго, качественно, иногда даже позволяли себе непосредственно за этим персональным столиком играть в преферанс. Всё это довольно доброжелательно воспринималось и сходило с рук. Расплачивался за великолепное к приезжим отношение своим телом любвеобильный Антон. То у одной, то у другой официантки поочередно приходилось ему ночевать. Но Антон за это судьбу не корил. Иногда у прелестниц исчезал и Канава, познакомившись с которым, дамы предпочитали уже мимо не проходить. Дважды в неделю в общежитии проживания устраивались длительные танцы. Тут надо сообщить, что общежитие было смешанного типа. Жили здесь и юноши, и девушки, попеременно. И зачастую в какой комнате кто конкретно проживает, установить было затруднительно. Всегда можно было договориться, чтобы твой сосед перешёл на ночь или на несколько дней в другую комнату с пустующей койкой. Точно такие же ситуации складывались и у прекрасной половины контингента общежития. Итак, дважды в неделю танцы, затем долгие проводы по коридорам и страстные прощания до утра, до самых лекций. Псих и тут отличился. Собрал он на этаже пустые

трёхлитровые банки и поставил в них под кроватями в своей комнате бражку. Сначала было это пять банок. Упомянутую бражку выпили они своей комнатой, включая спортсменов и угостив соседских девушек. Всем понравилось. В следующий раз собирались на сахар вскладчину, уже со всеми соседями всего этажа. Поэтому нанесли ещё много пустых банок. В имеющейся таре заквасили море браги. Получилось так, что в трёх комнатах заставили банками весь пол. Запах шёл по общежитию умопомрачительный. Уборщицы ругались, но смирились после обещания получить доступ к готовому продукту. Комендант сделала вид, что ничего не замечает, за что и забрала в личное пользование три банки готового пойла. Итак, поспела бражка. Пили её всем этажом и с гостями со второго и четвёртого этажей два дня. На второй день вечером на танцах мальчишки и девчонки на ногах не стояли, вернее, стояли, но нетвёрдо. Бражка — напиток грубый и коварный. Головы потом у всех употреблявших её болели кошмарно. Экспериментаторы, избавившись за несколько дней от последствий ужасной головной боли, твёрдо решили: никакую брагу больше в общежитии никому и никогда не ставить. Но, невзирая на тяжкие болезненные последствия финала процесса примитивного виноделия, Псих до самого окончания своего проживания в Ленинградском общежитии у всего внутреннего контингента считался большим специалистом и умельцем на все руки. Его рецепты подробно записывали, а местные девушки стали звать его не Псих, а ласково и нежно — Ник, так как был он Колькой по паспорту. В самом конце февраля из Таллина (пишу название этого города с одним н, по правилам правописания того времени) неожиданно, без предупреждения, приехали погостить в Ленинград к практикующимся пятеро студентов из их же родного института. Студенты с электротехнического факультета, которых волею судьбы и распоряжением деканата распределили на дипломную практику в столицу Эстонии. Дипломы свои разрабатывали они на каком-то Таллинском радиозаводе, не перетруждались, жили в весьма приличном студенческом общежитии местного политехнического института. От праздной своей недозагруженности договорились они смотаться на недельку в Ленинград и приобщиться к его красотам. Уговорили

комендантшу эстонского общежития на свои места на этот же срок принять студентов из Ленинграда, вернее, студентов, попавших на практику в Ленинград. Вот так и прибыли практиканты-электрики на берега Невы. Сбежал Отец к комендантше Ленинградской общаги, подарил бутылочку пятизвёздочного коньяка и быстро договорился на недельный обмен студентами из Таллина на Ленинград. Прибывшие Виноград, Паз, Музыкант, Богомол и Туз разместились на местах Канавы, Антона, Психа, Отца и Марка, а те поездом тем же вечером отправились в столицу Эстонии. Марк, коренной студент-дипломник из Ленинграда, присоединился к группе из-за горячего желания попробовать ликёр «Вана Таллин» и посетить стриптиз. Попробовал, посетил, разочаровался, но обо всём по порядку. С железнодорожного вокзала на троллейбусе добрались до улицы Мустамяэ, где и находилось необходимое общежитие. Побеседовали с протяжно говорящей по-русски комендантшей, которая в соответствии с предварительной договорённостью гостей уже ожидала. Показала она места для проживания, выдала постельное бельё, по одному шерстяному одеялу, и затем огласила нехитрые правила поведения гостей: «Если вы, молодые люди, привели в комнату женщину, кто бы к вам ни стучал, не открывайте. Если ночью услышали в коридоре шум, никуда не выходите. Кричать после десяти вечера, скандалить и громко петь песни запрещаю. Всё». Канава задал вопрос: «Что-то у вас здесь холодновато. Может, ещё по одному одеялу дадите?» Комендантша, лаконично: «Вон, напротив женское общежитие, не замёрзните». И всё это с сильным, вкусным, характерным эстонским акцентом. Начались дни плотного отдыха. Все вместе посетили башню «Толстая Маргарита», башню «Кик-ин-де-Кёк» и ещё какие-то три башни, названия которых не запомнились. Сходили они в Таллинский городской музей, в Государственный морской музей, в исторический музей и зачем-то в цветочный павильон на улице Пирита, 26, что на берегу Таллинского залива. Побывали в домике Петра I и в Никольской церкви. По вечерам, конечно же, варьете «Астория» на площади «Выйду». Всей группе полустриптиз, изображаемый танцевальной группой, не понравился, но песни и танцы были хороши. Посидели в ресторане «Вана Тоомас» и в

ресторане «Пирита», но наилучшее из всех значных мест впечатление произвёл ресторан «Глория», размещенный внутри булыжниковой стены. Кстати, рядом в стене днём продавался великолепный, горячий и недорогой глинтвейн. Это те места, где все побывали вместе, но развлекались путешественники и по личным интересам, персонально. Марк и Отец посетили Государственный русский драмтеатр ЭССР на площади «Выйду» и дом офицеров флота на бульваре «Мере». Канава и Псих отправились во Дворец Sports на хоккейный стадион и в Таллинский зоопарк на улице «Мяэкальда». А вот Антон большее предпочтение отдавал барам и многочисленным кафе, благо что деньги у него были ещё с Ленинградских разгрузочных работ. Вот на этом развлекательном этапе и произошёл с ним тот весьма странный случай. Сидел Антон в баре «Мюнди» и освежался каким-то горячительным напитком. Рядом сидел один эстонец и две эстонки. С одной из них и стал Антон перемигиваться. Стали соседи собираться уходить, вдруг неожиданно упомянутая эстонка подошла к Антону, взяла его за руку и потянула за собой. Пошёл Антон. На такси доехали до какого-то мрачного и очень старинного дома. Зашли. Спутник и спутницы говорили только на своём языке и более чем умеренно. На вопросы, заданные на русском языке, не отвечали. Зашли в большую комнату. Полумрак, лишь жарко горел большой камин. За длинным тёмным столом сидели три дамы и три мужчины, молча. Вновь прибывшие лица тоже расселись за столом. На столе разнообразная еда и дорогие напитки. Выпивали, закусывали и молчали. Становилось страшновато. Заиграла музыка. Все присутствующие вдруг стали раздеваться. Мужчины до плавок, дамы до трусиков. Заставили и Антона, мрачно так заставили. Антону стало стыдно, так как оказался он в семейных трусах. Также молча начались медленные танцы. Подмигивающая в баре «Мюнди» Антону женщина плотно прижалась к нему своей большой грудью и повела в танце. Напуганный Антон пытался что-то сказать, но она резко пальцами закрыла ему рот. Все окружающие тоже танцевали без слов. Погас свет. Только огонёк в камине и одна далёкая свеча в коридоре. Тихая музыка, абсолютное молчание и жуткая обстановка старинного мрачного незнакомого дома. Попробовал Ан-

тон обнять даму крепче, она, опять резко, отстранила его. Страшно стало Антошке, очень страшно. Почему? Он и сам позже внятно не мог объяснить. Надо отметить, что был Антон далеко не из трусливых людей. Первый взрослый разряд по боксу, огромный послужной список разнообразных драк, это всё в совокупности что-нибудь да значит. А вот здесь испугался. Скорее всего, испугался грядущей неизвестности, непредсказуемости и необычности ситуации. Когда кончился танец и все пошли к столу, он бросился к своей одежде, сгрёб её в охапку и быстро выскочил из мрачного дома. Куда — то бежал по незнакомым улицам, на бегу оделся, долго петлял, бежал, шёл. Только где-то через час ему повезло, и он поймал ночью такси. Добрался до дома, оказалось, что увезли его очень далеко. Сколько потом не расспрашивали друзья, чего же, в конце концов, он так дико напугался, внятно Антон так и не смог объяснить. Несколько дней ходил весь белый и полностью успокоился только тогда, когда перебрался в Ленинград. Поездка в Таллин студентам-дипломникам показалась увлекательной и оригинальной. Здесь в общезнания каждый день местные эстонские студенты собирались в 6 часов вечера и с воодушевлением и любовью пели хором. Никто их сюда не сгонял. Приходили сами, по велению сердца, и с огромным удовольствием пели все вместе и по два, и по три часа. Много их собиралось в актовом зале общезнания, но никакого шума, никаких ненужных праздных разговоров. Пришли, чтобы петь, вот и пели. Странно тогда это всё смотрелось для нас, непривычно это было для россиян. Что ещё об Эстонии? Местная еда — это мясо и картошка в самых разных вариантах, часто с молоком или со сметаной. Все эстонцы люди обстоятельные, крайне немногословные, в любых обстоятельствах держатся с непоколебимым достоинством. Конечно же, не засветиться в Таллине Псих за столь длительный срок пребывания здесь ну просто не мог. То забежит в продовольственный магазин, где за соком встали в небольшую очередь его друзья, и на весь магазин орёт: «Ну, вы, мины муйны, сколько можно вас ждать?» Все покупатели просто в шоке. Это ведь, оказывается, грязное эстонское ругательство. А Психу и невдомёк, просто уже где-то услышал и прибавил к своему лексикону. Как-то сбежал Псих на

кладбище монастыря Пирита и притащил оттуда огромные свечи, которые в магазине в то время не продавались. Потом оказалось, что за ним гнались возмущённые то ли монахи, то ли надзиратели кладбища. Гнались, но Психа не догнали. Может, и лучше бы было, если б ему как следует наkostenяли. Позорище. То задумал Псих облегчиться в памятных местах Таллина для прикола и интереса, как он сам опрометчиво выразился. Хорошо, что весомая оплеуха Антона и обидный пинок Канавы заставили его полностью переосмыслить свои хулиганские позы. Посадкой в поезд закончился таллинский вояж студентов практикантов. Вот они и вернулись в Ленинград. Оказывается, в тот вечер, когда путешественники отправились в город Талин, к спящему на месте Канавы Винограду под села милостивая девушка, одна из многочисленных поклонниц Канавы. Не зная об отъезде мужчины своего сердца, перепутав Винограда с Канавой, так как спал тот лицом к стене, стала она ласкать Славкины жёсткие волосёнки. Виноград со сна конкретно перепугался и даже слегка заорал. Ну, обмишулилась наивная девушка, обмишулилась. С кем не бывает. Дальше уже не столь интересно. Подошёл апрель, начались трудовые будни, пришла пора для начертания графической части и создания пояснительной записки диплома, пора для отъезда домой, для защиты дипломного проекта. А вот и окончание института, распределение по местам работы, начало персональной взрослой жизни для каждого из участников перечисленных событий. То время промелькнуло, и память о нём засыпана толстым слоем календарных листков.

Такая вкусная рыбалка

Этот способ рыбалки, скорее всего, не описан нигде, да и к профессиональным навыкам завязанных рыболовов вряд ли относится, если разобрать все его подробности, изложенные ниже. Скорее всего, это отдельное спонтанное изобретение, возникшее по месту действия. По порядку. В то время Советский Союз ещё не развалился, и жизнь текла довольно размеренно и предсказуемо. Ожидаемы были и события, происходящие в стране и размеры семей-

ных доходов и подвижки вверх в карьерном плане. Был незыблем основательный труд по месту службы и был неотъемлем гарантированный отдых по субботам и воскресеньям, не говоря уже о законном и долгожданном ежегодном трудовом отпуске на месяц, а то и подолее, за счёт дополнительных заслуг, регламентировано приносящих несколько официальных дней к основному сроку законодательно положенного отдыха. Так что летом семьями можно было спокойно в пятницу вечером выезжать на природу и возвращаться к ночи воскресенья в пыльный город отдохнувшими и посвежевшими. Поскольку при городе было много яхт-клубов, а вся молодёжь в той или иной мере была причастна к этому замечательному спорту, то и на отдых часто отправлялись на яхтах с жёнами, детьми, друзьями. Выдвигались чаще всего на реку Усу на «золотые пески» где-то в одном, двух километрах от впадения этого красивого притока в основное русло Волги. Мощные крейсерские яхты расчаливались между якорями в воде и стволами деревьев на берегу. На зелёных полянках в тени листвы у песчаного пляжа ставились брезентовые палатки. Всей компанией заготавливался сухостой из леса для костра. Обустраивалось костровище, вбивались мощные рогатульки, вырубалась крепкая перекладина для подвески над костром котлов для пищи и ведра для чая. Тут же затевались и первое, и второе, и чай. Начинался полноценный и качественный запланированный отдых. В обязанность мужчин входило изготовление общего стола для всей компании, создание приемлемых мест для сидения за этим столом, рубка дров, а также поднос чистой воды для приготовления пищи. Обычно одна из палаток выделялась для хранения продуктов и спиртного, расход которого, конечно же, регламентировался прекрасной половиной человечества. Дети всегда возились сами по себе и, невзирая на разнообразный возраст подрастающего поколения, их интересы в результате недолгой притирки почти всегда предсказуемо совпадали. За одно лето таких бросков на природу набиралось до десяти, а если несколько дружественных семей вместе по срокам уходили в отпуск, то и жили они здесь у «золотых песков» и по неделе, а то и по две. Хорошо и в первом, и во втором случае. Назывался такой десант на природу и свежий воздух очень

высокопарно — поход, хотя с походом общими были лишь проживание в палатке и приготовление пищи на костре. Точнее всего, это времяпрепровождение надо было бы назвать пикником с ночёвкой, но столь английское наименование как-то не приживалось и в результате совсем не прижилось. Поход, и всё тут, и никак иначе. По вечерам у костра часами пели под гитару, иногда танцевали под музыку из транзистора. Дискуссировали на самые различные темы до самого утра. Тогда никаких ток-шоу по телевизору ещё не показывали, а тут вразрез с общепринятой идеологией можно было высказать свои нетривиальные думы, если они имелись, или только зарождались в непривычной для свободомыслия голове. Дети во время отдыха купались не останавливаясь, ели всё, что находили в лесу, сметали всю непривычную пищу, приготовленную на костре, и спали беспробудно на чистом воздухе. По одному разу за каждую поездку почти все вместе ходили для закупок в ближайшее село. В лагере оставался только дежурный. Назывались эти сёла Берёзовка и Комаровка, адрес вояжа зависел от того, к какому поселению был ближе расположен в настоящий момент импровизированный лагерь отдыха на берегу Усы. В сёлах покупался свежий хлеб и деревенское молоко, разлитое по трёхлитровым банкам. Молоко было удивительно жирным для горожан, и сверху в банке всегда лежал толстый и плотный слой густых сливок, который надо было проткнуть насквозь пальцем, чтобы попить этот чудесный напиток прямо через горлышко. С непривычки от употребления такого натурального продукта любителей молока часто несло, но никого это никогда не отвращало от приобретения деревенского напитка. Пили и с огромным удовольствием. Почему же все старались останавливаться на «золотых песках»? А дело было в самом песке. Такой чудесный, мягкий, шёлковый песочек лежал по левому берегу Усы. Очень, очень мелкозернистый, чистый, почти белый, но с лёгким жёлтым отливом. Все сходились во мнении, что нигде больше в России, да и за рубежом, такого чистого, сыпучего и нежного песка они никогда не встречали. Теперь о ловле рыбы. Мужская часть отдыхающих по описанному выше методу делилась на любителей рыбной ловли и на лиц, равнодушных к этому благородному заня-

тию. Последние купались, загорали, мешались под ногами у жён и детей, от нечего делать помогали с костром и приготовлением еды, клянчили пиво, играли в карты, пытались что-то читать и плавали на другой берег Усы за орехами и просто так. Но люди, большие рыбалкой, вели себя очень организованно, последовательно, с выдумкой, стараясь не терять впустую ни минуты свободного времени. Перед поездкой они заготавливали всё необходимое по списку, постоянно перезваниваясь, что-то уточняя и всегда изобретая что-то новенькое. Вечером в пятницу, из-за суеты создания и оборудования лагеря проживания, порыбачить им, конечно же, не удавалось, а тут ещё первый ужин, первая порция спиртного из эмалированной кружки, гитара, песни и прочее, прочее, прочее. Зато вся суббота и первая половина воскресенья — это их время. В субботу с рассветом все они, крадучись, чтобы, не дай бог, не разбудить жён и детей, выбирались из своих палаток и молча разбирали свои снасти и рыбацкие аксессуары, ожидающие их с вечера в укромных местах. Раздевшись, по грудь в холодной утренней воде, перебирались они на расчлненные яхты — настоящий плацдарм для предстоящей рыбалки. Глубина, на которой находились эти плацдармы, у носовой части составляла около полутора метров, а у кормы доходила до двух метров и поболее. Вот уж настоящее раздолье для понимающего в этом толк рыбака. В первоначальных массовых выездах на природу ловцы ограничивались обычным ужением, не пренебрегая, конечно же, подброской разнообразной прикормки и постоянной сменой, чередованием и опробованием самых различных насадок. Ловились обычно густера, подлещики, реже сорожка (сиречь плотва, или вобла по-астрахански), окуни, конечно же, бычки, иногда попадалась сопа, изредка карась. Однажды заядлый рыбак Лазарь на простого дождевого червя отхватил здорового язя килограмма на полтора. Но, честно говоря, вот и все успехи этой незамысловатой рыбалки. Со временем где-то в недрах рыбацкого коллектива наконец-то родился оригинальный и очень эффективный метод, который несколько лет постоянно совершенствовался и в результате получилось следующее. Заранее закупалось несколько кирпичиков обычного хлеба и белого, и чёрного. Каждая буханка ломалась на не-

сколько крупных частей. Обратите внимание, не резалась, а ломалась. Куски высушивались на солнце до состояния почти сухарей, не сухарей, а вот именно почти. На месте рыбной ловли в авоську, которых тогда везде было полно в продаже, на самое дно опускался тяжёлый булыжник для груза, а остальное пространство заполнялось весьма плотно этими почти сухарями. Авоська крепко затягивалась, и к её ручкам на крепкой леске привязывался большой кусок пенопласта — вместо поплавок. Вечером в пятницу выбранный по жребию рыбак заплывал за яхты на двенадцать-пятнадцать метров дальше кормы и справа от кормы самой большой яхты устанавливал это хитрое прикормочное устройство. Такое расстояние обусловлено длиной заброса удочки. Пловец подтягивал леску, чтобы она не болталась между авоськой и поплавком, затем выходил на берег и присоединялся к веселющей обществу компании. Не очень сильное, но существующее течение реки постепенно размягчало и понемногу вымывало прикорм из авоськи. Вымывало и несло в точности прямо за корму яхты, назначенной для рыбалки. Утром с кормы забрасывались удочки и всё. Вся рыба уже просто массово стояла здесь. По наименованию, рыба ловилась та же, но в количествах уже просто впечатляющих. Кроме того, время от времени на пучок навозных червей клевали лещи, причём огромные, от двух до четырёх килограммов каждый. Без подсачника такого на борт не вытащить. Вот это была рыбалка. В некоторые заезды ловилось по два, три ведра рыбы, да плюс к тому по восемь, девять огромных лещей. Рыбу эту ели, пока не надоедала, вялили несколько раз, раздавали соседям по берегу, привозили в яхт-клуб и домой. А лещей научились запекать в фольге под слоем колец репчатого лука на углях костра на берегу на «золотых песках». Вкусно необыкновенно, дома так никогда не получается. Со временем такие «походы» постепенно сошли на нет. А страсть к рыбалке у многих осталась. А ещё остались воспоминания о молодости, о чудесных «золотых песках», о том прекрасном времени и о тех замечательных мгновениях, которые, к сожалению, уже никогда не повторятся и только слегка шевелятся в памяти.

Неординарный человек

Он раздражал и притягивал одновременно. Что-то в нём было своё, не характерное для всех остальных. Появился он в классе среди года в связи с переездом его родителей в этот район города. Четвёртый класс. Всех мальчишек стригли тогда под чубчик, а новенький обладал настоящей мужской причёской с пробором и аккуратным зачёсом недлинной шевелюры слева направо. Надо ли говорить о том, что стрижка под чубчик у мужской половины класса с этого времени канула в вечность. Новенький был немногословен, но весьма обстоятелен, не по-детски солиден, силен и храбр во всех своих поступках, без оттенка хвастовства. Пару раз местные хулиганствующие подростки провоцировали его на драку, но ничего хорошего для них из этого не вышло. Дрался Александр отважно, ловко и самозабвенно. Не страшился ни крови, ни ссадин, ни травм. Дрался до того момента, пока рыдающий противник, размазывая по щекам слёзы и красные сопли, не начинал просить пощады. Сам Сашка намеренно драк не затевал, предпочитая решать конфликтные ситуации словами, но всегда уважал мужские поступки. Отец его был геологом, вернее геодезистом, впрочем, о существенной разнице между этими двумя профессиями в то время мало кто догадывался. Дома у них была огромная коллекция различных минералов, образцов горных пород и множество различных красивых камней. Во всех наименованиях этих булыжников Сашка прекрасно ориентировался и разбирался, чем приводил в тупик своих одноклассников, столь далёких от основных постулатов минералогии. На том начальном этапе жизни Шурик мечтал стать настоящим, профессиональным, суровым и обветренным геологом, для чего почитывал специальные замысловатые взрослые книги и постоянно самосовершенствовался в теориях геологических изысканий. Не чурался он и всех обычных пацанских хулиганств и чисто мальчишеских развлечений. Как все покуривал, потом бросал это дело, лазил по чужим садам, стрелял из различных самопалов, шухарил, пропадал в лесу и в оврагах, играя в войну и казаков-разбойников. Он гонял на самокатах и велосипедах, сражался на деревянных мечах, бросался камнями, купался в

Волге до посинения, строил и взрывал землянки, бился в нередких стычках улица на улицу. Став постарше, как и все распивал портвейн и плодово-ягодное вино перед школьными вечерами. Это то, что делал он, как и все остальные. Теперь о том, что не как у всех. В пятом классе беззаветно влюбился Сашка в свою одноклассницу Екатерину. Была Катенька девушкой несколько избалованной (всё же отец дважды Герой Социалистического Труда), красивой, своевольной, своенравной, общительной, купающейся во внимании и ухаживаниях противоположного пола, поскольку обладала врождённым шармом и присущей ей непередаваемой манкостью, о которой она в то время и сама не подозревала. Влюбился Саня по уши. Он просто обожал свою Катеньку. Катя относилась к нему гораздо прохладнее, чем он к ней. Подойти теперь к Катюшке с намерениями поухаживать никто не мог. Кому нужны разбитый нос, синяки, ссадины да шишки? Вот так вдруг резко сократилось количество почитателей у Екатерины. В Сашке где-то внутри сидело высокообразованное трепетное чувство справедливости, конечно в том виде, как он сам её понимал. Не чужд он был и тому, чтобы принять чужую вину на себя, если так складывались обстоятельства. Как-то его приятель, будучи дежурным по классу, зимой для всеобщего предполагаемого юмора развесил по окнам дамские рейтузы. Девочки пошли на физкультуру, а тёплое нижнее бельё оставили в партах. Скандал после этого нетривиального мероприятия был грандиозный. Женька, приятель Александра, весь трясся, так как ужасно боялся, что его суровый отчим просто убьёт пасынка за столь неординарное поведение. И вот тогда Александр публично заявил, что это лично его рук дело и больше никто к этому не причастен. Приятеля спас, а всё, что ему выпало за это непристойное действие, как-то пережил. Девчонки так и не узнали, кто истинный виновник их некомильфо. Да и многие одноклассники так никогда и не были ознакомлены с фактическими основами и подноготной столь необычного события. Однажды на школьный вечер с танцами прорывалась группа изрядно выпивших местных хулиганов. Двух учительниц, робко возмущающихся безобразным их поведением, выпивохи не слушали и нахально пёрли на второй этаж, откуда неслась громкая

музыка. Тогда вперёд на лестницу вышел Сашка и сильнейшим ударом сбил с ног главаря Стёпу. Стёпа скатился со ступенек, из носа его хлестала кровь. Стенкой встали остальные одноклассники Сашки и вытолкали пьяную группу из здания школы. Долго потом Стёпа со своими сателлитами грозили зарезать Шурку, но справедливое вмешательство более весомого бандита Богатуши, разобравшего ситуацию, свело на нет все эти поползновения. А как не везло тем парням, кто пытался ухаживать за Катей. Всех их не перечесть, да и не упомнить, а сами они потом всегда предпочитали молчать о событийных подробностях тех ситуаций. Так и вынуждена была Екатерина проводить свою молодость только с Сашкой. Каждый вечер они встречались и вместе гуляли по улицам. Ещё они часто ссорились, и ссорились нещадно. Никто не хотел уступить. У обоих сильные и своенравные характеры. Александр очень много читал, и не только приключенческие повести, романы, детективы и фантастику, но и серьёзную литературу, вплоть до философских трактатов. После девятого класса Сашка неожиданно ушёл из школы, хотя учился весьма достойно и хорошо. Похоже, что увлёкся он сюжетом фильма «Карьера Димы Горина». Отправился Александр в Азербайджан работать, а именно в качестве ученика монтажника, тянуть линию электропередач по горам и долинам. Отсутствовал он два года с лишним. Потом появился повзрослевший, суровый, но не избавившийся от своего глубокого всепоглощающего чувства к упомянутой Кате. Позже очень постепенно, за несколько лет, из его немногословных эпизодических рассказов выяснилось, что и там, на стороне, попадал Сашка в различные переделки. Первым делом отказался он закрывать глаза на распространение анаши среди работников трассы. Избил поставщика зелья, за что в течение полутора лет имел большие неприятности и несколько серьёзных драк. Затем его якобы приревновал (а, скорее всего, ситуация была продолжением первого конфликта) один местный житель и воткнул Александру в правое плечо свой кинжал. Сашка успел вырубить своего обидчика сильнейшим апперкотом, сломав челюсть нападавшего. В медпункте Шурику вынули из тела кинжал, обработали и зашили рану. После этого местная милиция неожиданно посадила Сашку в

одну камеру с этим самым ревнивым аборигеном со сломанной челюстью. Абориген, не останавливаясь, грозил Сашке всеми карами и кровной мстостью своего многочисленного рода. Хорошо, что следователь оказался русским, он купил Александру билет на поезд, выпустил его перед отправкой рейса, отдав все документы и предупредив, чтобы в эти места Сашка никогда и ни под каким видом не появлялся. Вот путешественник и вернулся к родным пенатам. Поступил в вечернюю школу, устроился на работу электриком. Проведал тех, кто ухаживал в его отсутствие за Екатериной. В основном, вина падала на двух его бывших одноклассников — Николая и Марка. Гуляли они с Катюшей тоже, в основном вместе, так как никто не хотел уступать пальму первенства. С приездом Сани эти гуляния моментально прекратились, но ухажёров сие не спасло от ответственности. Как-то осенним вечером шли Коля и Марк вдвоём по «Первому речному» проезду. Вдруг путь их пересекла мрачная фигура Сашки, и не предвещала эта встреча для приятелей ничего хорошего. Отметелил он двух друзей очень знатно. Ничего противопоставить ему они не смогли, хотя на первых этапах встречи что-то ещё пытались возразить в физическом плане. Несколько дней старались ухажёры не появляться в публичных местах. Вот так и осталась Катенька с Саней. Окончив вечернюю школу, Александр поступил в вечерний политехнический институт. С трудом, не сразу, завершил полный курс обучения и получил диплом инженера-механика. В двадцать лет Катя и Сашка сыграли свадьбу. После окончания ВУЗов Екатерина работала директором детского садика, а Александр механиком большого цеха с огромным станочным парком на серьёзном заводе. Прекрасно справлялся, был на хорошем счету. Правда, семью не совсем устраивала зарплата, которую получал механик цеха. И Шурик какими-то загадочными путями перешёл на работу в систему МВД. После досдачи различных экзаменов он получил документы о завершении обучения в военном училище и звание младшего лейтенанта. Работал Саня в системе производства промышленной продукции контингентом заключённых местных лагерей. Постепенно прибавлялись звёздочки на погонах. Дорос до звания капитана и до должности начальника цеха столярной продукции. Получил

бы он и майора, но помешала ему в этом заваруха в родной армии. Произошёл у Сашки на работе служебный альянс с одной из военнослужащих. Пошлый альянс, так сказать, безо всякой романтики. Но узнал о происшедшей измене законный муж Сашкиной недолговременной пассии, донесли доброхоты. Тут-то и совершил этот робкий муж сакраментальную ошибку. Побоялся он вступать в открытый физический контакт с поругателем женской чести своей супруги, а пошёл с письменной жалобой на аморальное поведение любимой жены и начальника цеха столярной продукции к руководству службы МВД, в партком части и прочее, прочее. Вероятно, хотел как лучше, а получилось как всегда. Делу был дан официальный ход. Очередное звание Александру задержали на неопределённый срок, в должности понизили. После этого, обвинённый в аморалке, Саша подал в отставку и поставил жирный крест на военной службе. Не сложилось. А натура у Сани была деятельная, кипучая и неуёмная, обожал он всё очень глобальное. Но терпения ему подчас не хватало. Если он что-то затевал, то обязательно только весьма капитальное, величественное по масштабам. Остывал быстро. Не хватало ему людей, которые бы шли по его стопам и развивали, обустривали, а потом и завершали его грандиозные задумки. Сам он быстро переходил к новой идее, оставляя затеянное предприятие, и в голове его рождались новые мысли, увлекая автора, и зрел очередной умопомрачительный проект. Так кооператив по производству столярных изделий и по художественной ковке металла прогорел из-за непомерной масштабности затеянных работ, без реального портфеля заказов и при отсутствии фактического рынка сбыта. Огромная крейсерская металлическая яхта ужасающего водоизмещения осталась ржаветь недостроенной и недвижимой. Дом, в котором жил Сашка, подвергся такому расширению и предполагаемой величественной перестройке, что пером не описать. Деньги закончились, а великие начинания остались смотреться вокруг дома, заброшенным строительством и некоторой разрухой. С женой Александр после случившегося альянса теперь постоянно конфликтовал и к пятидесяти годам официально развёлся. Сменил несколько работ. Потом купил деревенский домик и переехал жить в село. Поговарива-

ли, что завелась у него там то ли новая супруга, то ли просто сожительница. Среди деревенских пейзажей на природе он хотел создать глобальную и масштабную производственную ферму по выращиванию элитных гусей. Чем это закончилось, никто не знает, так как Сашка в городе у прежних друзей и приятелей не появляется, а его дети от первого брака об успехах отца молчат, как партизаны на допросе.

Мелкий жизненный эпизод

Этот невеликий рассказик поведаёт о той стороне жизни, которая мало кому известна. Фигуранты событий спрятаны от посторонних глаз, хотя внешне они на виду, благопристойны, уважаемы, общественный статус их весьма значим и для своих соседей они образец добропорядочности и высокоморального образа поведения. Но как всё же расковырялась фактическая подноготная этих персонажей и достоверная суть происходящих вокруг них событий? А вот как. Истина приоткрылась только для троих приятелей, но никак не для остальных лиц, составляющих их окружение. Достоинно функционировал вполне успешный завод по производству силовых трансформаторов промышленного толка. Размеренно трудилась в рамках этого предприятия служба Главного Технолога, состоящая из многочисленных отделов и различных бюро. Работа интересная, но не очень обременительная для тех, кто уже досконально освоил свою специальность. Много повторных моментов, которые не столь затруднительны для профессионалов. Поэтому неторопливые и вполне объяснимые длительные беседы в дыму курилки на темы мировых и местных животрепещущих внутризаводских событий. Прогулки группками по заводским аллеям среди рабочего дня, болтовня ни о чём на общих собраниях, совместные весёлые мероприятия после трудовых будней. Сейчас уже и не упомнить, как зародилась и поступательно развивалась дружба фигурантов данного рассказа. Скорее всего, первые притирки произошли на интеллектуальном уровне добровольного общения интересных друг другу людей. Вот так и стали притираться, а потом и дружить впяте-

ром три мужчины и две женщины. Эти женщины были официально одинокими, но каждая из них имела личного, постоянного сердечного друга, который навещал свою даму несколько раз в неделю. Граждански эти сердечные друзья были обременены законными, сложившимися семьями и отяжелены ответственной государственной руководящей работой. Звали дам Наташа и Алла. Их заводских приятелей Виктор, Костя и Лёвка. Виктор и Костя семейные персонажи, а Лёвка холостой. Дамы эти слыли натурами начитанными, разносторонне развитыми, острыми на язык, с мышлением либерального толка и отличались они от основной массы демократичной независимостью поведения. Где-то в течение года всё общение внутри сложившегося квинтета шло в философском, бытовом и неизменно юмористическом русле. Бывает так между людьми противоположного пола, когда им приятно только общаться и дружить, без претензий на физическую близость. Редко, но бывает. Это один из таких ординарных случаев. Но всё до поры, до времени. Угораздило Лёвку после столь приятного платонического общения просто так взять и влюбиться в красивую, вальяжную, стройную, умеющую себя подать Наталью. В целом и для Наташи это стало полной неожиданностью и обернулось значительной некомфортностью сложившейся ситуации. Поначалу, она просто отшила незадачливого влюблённого. Потом пробовала с ним поговорить и подробно пояснила ему всю тщетность его поползновений. Но ничего Лёвка из её объяснений не понял. Для безопасности и спокойствия своего существования дамы несколько отделились от прежних друзей и от доверительного с ними общения. Виктор и Костя объяснили им, что в физическом плане женщинам ничего не грозит, поскольку у мужчин у самих имеются любимые семьи и никакого альянса с их стороны и близко не намечается. Но, тем не менее, тем не менее. Лёвка время от времени продолжал свои робкие попытки ухаживающего джентльмена, но однозначно безуспешно. На исходе третьего года их дружбы Алла проговорилась, а Наташка расплакалась и подтвердила. Не просты были эти девичьи, ох как не просты. То-то замечались за ними некоторые странности, которые выбивались из монотонного рабочего графика и основ служебной дисциплины. Время от

времени вдруг они исчезали с работы. Иногда на день, иногда на несколько, иногда в разгар трудовых будней, задолго до окончания рабочей смены. Их непосредственные руководители на вопросы о месте пребывания отсутствующих обычно отвечали: «Это производственная необходимость». И всё, молчок. Оклад жалования у двух подруг был повыше, чем у остальных сотрудниц, премии они получали регулярно, на службе не перерабатывали, гениальностью личных разработок не отличались и не выделялись из основной массы советских специалистов инженерного звена. Любые претензии на их повышенную зарплату, высказываемые сослуживцами, пресекались начальством на корню. Заинтриговал я читателя, не правда ли? А всё оказалось очень и очень непривычно. Замысловато даже, сказал бы я. Наташа и Алла были не просто инженеры — технологи. Они были девочками по обслуживанию высоких гостей при горкоме партии. Нашей родной партии — КПСС. Внизу, в здании городского комитета партии, в цокольном этаже, у них, у группы этих девочек, был собственный зал и несколько комнат, где девушки для обслуживания наводили свой марафет, переодевались и где готовились к приёму высокопоставленных гостей города. Затем этих дам, прибывших сюда с различных мест назначенной им службы, перевозили обычно, чаще всего, на «Мельницу» — ресторан партийной турбазы, где происходил очередной банкет. На этом банкете девушки, облачённые в народные костюмы, но стилизованные и весьма фривольного толка, танцевали для высоких гостей под завлекательную музыку, а затем подсаживались к ним за столики после того, как эти гости города уже хорошо принимали на грудь. Кто-то из девушек оставался с новым знакомым в одном из домиков турбазы, кто-то уезжал с высокопоставленным кавалером в его номер в гостиницу. Кому-то из девиц везло, и она оказывалась в этот вечер невостребованной. Вот такая нарисовалась неожиданная картина, в которой скрытыми персонажами оказались знакомые друзьям дамы — квалифицированные, высокооплачиваемые инженеры-технологи. Оказалось, что и Наташка, и Аллка терпеть не могли эту свою главную (по сути) работу. Тайная и отвратительная работа. Отказаться нельзя. Сбежать нельзя. Ни уволиться, ни переехать, ни

рассказать о своей жизни кому-то. Полноценной семьи — и то не создать. Страшно. Хорошо хоть, что они не пили и не добрались до наркотиков. Пожаловаться, кому? На родную партию самой же партии? Безнадёга полная. Поэтому девчонки и отдыхали в отвлечённых беседах с друзьями с официальной работы, шутя, усмехаясь и философствуя. Самым сильным ударом, конечно же, правда эта стала для Лёвки. Что с того, что никто из окружающих, кроме его двух друзей, так никогда и ничего не узнал? Не легче Лёвке было от этого. Общались они так же впятером, как бы по-прежнему, только, может быть, чуть осторожнее, понимая нетривиальную основу происходящих событий. Лёвка иногда провожал Наташу до дома, но уже безо всяких претензий на страстную физическую близость. Сердечный друг и давнишний партнёр Натальи в интимном плане занимал высокую руководящую должность среди чиновников города и носил странную фамилию — Лимончик. Зал ли он об основном занятии своей дамы? Скорее всего, знал, всё-таки один из высоких городских руководителей. Поэтому вёл Лимончик себя с Наташей по-хозяйски, требуя беспрекословного подчинения и выполнения всех своих пожеланий и прихотей. Надо ли говорить, что и этим своим «опекуном» Наталья чрезвычайно тяготилась? Так вот, однажды, во время дождя, Лёвка, проводив Наташеньку до дома, напросился к ней в гости на чашку чая. Пили ли они чай, или нет, и о чём говорили, неизвестно, но только, через полчаса в дверь стал ломиться разъярённый Лимончик. Скорее всего, с соседями у него всё было схвачено, и ему моментально донесли, что у Наташки в квартире посетитель мужского пола. Испугавшаяся Наталья заставила Лёвку спрыгнуть с балкона на цветочную клумбу. Боялась она Лимончика. Лёвка впопыхах спрыгнул с балкона второго этажа, вывихнул себе ногу, но укувылял в сторону, за угол дома. Лимончик ворвался в квартиру и серьёзно избил Наташку. Неделю не появлялась она на работе, залечивала синяки на лице. Случай этот, скорее всего, стал известен в горкоме партии. В тот же месяц Наталью перевели на другое место службы, на какой завод, или в какое учреждение — неизвестно. Место её жительства тоже поменялось, причём очень и очень быстро. Новый адрес остался неизвестен. В тот же месяц

и Алла уволилась тихо и незаметно, уволилась и исчезла из поля зрения. Где их пристроили? Чем закончилась их жизненная эпопея? Неизвестно. Будто бы и не было их вовсе. Может и правда, всё это только показалось? А бывшие друзья никогда их больше нигде не встречали.

Старая яблоня

Сначала необходима некая предыстория. Семьям многочисленных руководителей строительства Куйбышевской ГЭС в 1952 году раздавали персональные коттеджи с приусадебными участками. Тем, кто пониже в статусной иерархии, и домики выделялись поплоше и участки поменьше. Тем, кто в списках повыше, новенькие усадьбы получше. Дома явно побольше и покрепче, размеры земельных участков посolidнее. Повествование пойдёт о выделе, который достался семье человека, стоявшего в этом негласном ранжире в верхних строках местного табеля о рангах. А если ещё конкретнее уточнить излагаемые обстоятельства, то был он в первой десятке существующего перечня главных руководителей строительства ГЭС. Вот и достался его семье весьма добротный коттедж из пяти комнат, да ещё и с летней верандой. Правда, две комнаты были настолько малы (всего по шесть квадратных метров), что путём сноса стены между ними были они превращены в одну полноценную двенадцатиметровую комнату, и дом превратился в четырёхкомнатную квартиру. Но это произошло позже. Вокруг подаренного семье дома простирался большой земельный участок размером в 0,31 Га (31 сотка, в простонародном разговоре), обременённый шестнадцатью высокими соснами (восемь из которых позже спилили присланные для этого солдаты), так как земля эта была нарезана на опушке существующего леса. Силами строителей усадьбы (заклочённых местных лагерей), по утверждённому плану благоустройства, на территории выделенного земельного участка слева был воздвигнут большой, крепкий, деревянный сарай на три объёмных помещения, с погребом под ледник. В центре участка была установлена прекрасная, ажурная, высокая, открытая, немаленькая беседка под железной крышей, а остальное пространство было

засажено плодовыми деревьями и кустарниками. Вся свободная земля внутри усадьбы и перед ней была тщательно вскопана, пророборонена и засеяна клевером. Вот такой подарок от государства. Что же дальше? Яблонь на описываемом участке оказалось 19 штук. Были они уже не совсем юными, сажались с комом земли, и уже через год, а если уточнять, то с 1954 года, стали регулярно плодоносить. Ближе к дому прижилось несколько кустов очень качественной вишни сорта «Владимирская», сладкой, сочной, с очень благородным вкусом. В конце участка пышно разместились шесть или семь кустов модной в то время, но кисловатой вишни с посредственными вкусовыми качествами плодов, под замысловатым названием «Марель». Эта самая «Марель» почему-то давала удивительно огромное количество буйной поросли, которая всё заполняла и с которой впоследствии пришлось активно бороться в течение двадцати лет, до её окончательного и бесповоротного истребления вместе с самой вишней. А вот «Владимирская» жива, потому как и по сей день ежегодно радует жильцов описываемой усадьбы своими чудесными ягодами, уже более 65 лет. Теперь о клевере. Посеян он был для улучшения почвы, так как грунт на участке и вокруг состоял в большей степени из песка. Вот и улучшал клевер почву. Постепенно он перекапывался, а дополнительно завозился чернозём и суглинок. Попозже там, где раньше кустился сочный клевер, разбивались огородные грядки, но ещё значительное земельное пространство оставалось не освоенным и не столь облагороженным. Часть территории заросла буйным хреном, а часть пушистым вьющимся хмелем. Часть заполнилась плотным кустарником сладкой и пресной ягоды ирги, а часть густыми порослями лесной кислой ежевики. Потом, конечно, всё это земельное хозяйство облагородилось, стабилизировалось, приобрело классический вид, но перед этим пробежало и пролетело много-много лет. Конечно, хозяева постоянно подсаживали что-то новенькое. То сливу красную, то сливу зелёную, то грушу, то наливную ранетку, то крыжовник, то смородину белую, чёрную, красную, то рябину чёрноплодную, то рябину красную. Всё в основном приживалось, плодоносило и приносило радость обитателям коттеджа. Теперь непосредственно о яблонях, столь щедро

посаженных заключёнными — истинными и основными строителями посёлка, в котором размещались создатели ГЭС. Сорты этих яблонь были очень разнообразны для того времени. Запомнились Антоновка, Белый налив, Папировка, Мальт крестовый, Штрейфлинг, Пеппин шафранный, Анис серый, Анис алый, Боровинка, Хорошавка полосатая, Бельфлер — китайка, Кальвиль снежный и Куйбышевское. Скорее всего, память подводит и не все сорта здесь перечислены. Тогда основной массе населения неизвестно было, что яблони могут быть не просто обычными, но и колоновидными, карликовыми кустовыми, полукарликовыми, штамбовыми и прочее. Все плодовые деревья в те времена были большими, раскидистыми, с густыми кронами, с высокими, толстыми, мощными стволами, с обильной плотной листвой, и поначалу они радовали, а потом и огорчали неимоверным обилием плодов. Лет через пятнадцать после посадки этих роскошных деревьев сад находился в тени их величественных крон, а с конца июня и по сентябрь включительно трава сада была плотно усыпана слоем спелых и разноцветных яблок. Яблоко год от года всё прибывало, и общее их количество составляло величины неимоверные. Яблоки раздавались по всем родственникам, друзьям, приятелям, знакомым и незнакомым людям. Единственное требование: приходите сами во двор, сами собирайте и выносите, сколько хотите и сколько сможете. Хозяева откровенно радовались, когда в сад вечером забирались мальчишки. Тут, главное, не спугнуть, и пусть уносят с собой как можно больше добытых яблок. Но, несмотря на все осуществляемые меры, яблок в саду всегда оставалась прорва. Яблоки пареные, вяленые, сушёные, пюре, соки, компоты, яблочное вино всех наименований и сортов, и сухое, и десертное, и креплёное, кальвадос, различные купажи и уксус. Что только не производилось в этом доме из яблок на любительском уровне с единственной целью: избавиться от обилия плодов. Но всё было бесполезно. Каждый год неимоверное число невостребованных яблок. Поэтому в августе и в сентябре во дворе выкапывались огромные и глубокие ямы, в которые тачками свозились разбитые при падении, порченные, подгнивающие, треснутые и старые яблоки. Над ямами кружили пчёлы и осы, рядом прыгали мелкие птички. Всё

лето и начало осени весь двор густо был пропитан запахом яблок. А весной, когда яблоневоый и вишневоый сад цвёл, взгляд от покачивающихся бело-розовых волн цветочного моря оторвать было практически невозможно. Удивительно красиво и для души, и для сердца. Вот такое оригинальное изобилие яблок постоянно напрягало жителей коттеджа и заставляло изыскивать места, где можно было бы пристроить хотя бы часть урожая. Длилось это до конца 1978 года. В конце декабря упомянутого года ударили в городке сильнейшие, невиданные здесь морозы. 30 декабря столбик термометра показал -40 градусов, конечно же, по Цельсию, а 31 декабря -41 градус. Начало января наступившего года заметным потеплением не отличилось. Так и стояли морозы. Летом того же 1979 года выяснилось, что большинство яблонь на участке после столь низких зимних температур просто вымерзли. Из девятнадцати яблонь, посаженных узниками местных лагерей, пятнадцать полностью погибли. Сначала предполагалось и думалось, что это не окончательный вердикт, и если деревья отлить большим количеством воды, то, может быть, они и отойдут. Отливали до осени, надеялись, что жизнь в деревьях вновь проклюнется. Все надежды рухнули на следующий год. Пятнадцать сухих деревьев, и никакой в них жизни. Вымерзли. Чуть позже выяснилось новое обстоятельство. Оказывается, не так просто спилить большую сухую яблоню. Бензопил и электропил у обычного населения в те годы не было, а обычной ножовкой спилить сухую яблоню очень и очень сложно. Древесина не та, требуется особая разводка зубьев пилы, а также сноровка, терпение и мастерство. Зато через год то здесь, то там весь сад был заполнен поленицами яблоневых дров, столь незаменимых для шашлычной кулинарии. В последующие годы хозяева напряжённо выкорчёвывали останки корней от замёрзших яблонь. От старого тенистого сада в живых остались лишь четыре больших дерева. Это были Анис серый, Кальвиль снежный, Пепин шафранный и Штрейфлинг. Урожай яблок для семьи всё равно хватало, и с большой лихвой. Потом наступила «перестройка», прежний земельный участок поделился, и некоторые части его отошли к соседям. Пришёл полный конец Штрейфлингу, Кальвилю снежному и Пепину шафранному, сгнувшимся в горниле мероприятий по благо-

устройству территорий, затеянных новыми хозяевами земли. У прежних владельцев на уменьшенном участке остался из числа прежних деревьев лишь Анис серый, а ещё память, которая принадлежит только им и никому другому. А что, так и стоит этот Анис, хоть он и серый. Дерево высоченное, под десять метров, густое, широкое, обильно заселённое птичьими семьями. Яблоки свисают с него и падают десятками килограммов. Может, только чуть-чуть помельче стали, чем тридцать лет назад, так как давно дерево уже не прорезивалось. А кто на него залезет? Высоко очень, а в доме в том прежнем одни только старики, из тех, кто раньше представлял собой молодую поросль и подавал старшим (которых давно уж нет) большие надежды. А яблоки на том Анисе всё такие же, очень вкусные и очень сочные. Сколько же лет этой яблоне? Да уже прошло с момента посадки 66 лет. Самому саженцу, когда его посадили, было три или четыре года. Получается, что набегало этому Анису серому, практически, семьдесят лет. Правда, есть у него на стволе большое старое дупло, но и жизнь в нём ещё очень и очень много. Вот и пусть себе живёт эта замечательная старая яблоня. А скольким событиям она свидетель, сколько людей повидала? И не перечислить.

Миша и лось

Это описание событий, случившихся на одной, может быть, не самой показательной охоте, состоявшейся в начале двухтысячных годов. Все выезды на охоту между собой различаются, и довольно основательно, по способу процесса, по организации действий, а ещё по множеству различных незапланированных событий. Поэтому каждая последующая охота запоминается и ценна своими неповторимыми особенностями и оригинальными обстоятельствами, позволяющими надолго остаться в памяти. Не даром есть расхожее выражение: «Случай на охоте». Таки ми случаями всегда богат каждый выезд с ружьём на природу. В тот раз это была охота на копытную дичь, а конкретно на лося. Не браконьерство, конечно. Всё чин по чину. Была приобретена официальная лицензия на отстрел, вкладчину. Место для охоты было практически единствен-

ное, где добыча лося была разрешена, конечно же, под присмотром и мудрым руководством местного егеря. Назывались те угодья — Самарская Лука. Добирались через плотину на грузовике высокой проходимости — на ЗИЛе с КУНГом. КУНГ — это большая отапливаемая уютная будка со столом и скамейками, установленная вместо кузова. Участвовало в той охоте девять человек, не считая егеря и его двух помощников-загонщиков. Стоял декабрь, снега намело не так чтобы много, но ЗИЛ кое-где чихал и кашлял, преодолевая спрессованные ветром бело-серые пласты. Морозец был не очень сильный, а как раз такой крепости, при которой армия Наполеона исторически замёрзла под Москвой. Кто забыл, напомню, что составляла та величина минус 17 градусов по Цельсию. Не спеша означенный автомобиль объезжал отведённую для охоты лесную территорию, характерную перемежающимися ино-родными вкраплениями, а именно каменными горками, глубокими оврагами и лысыми, как коленка, полянами. По очереди время от времени из грузовика высаживался то один, то другой охотник. Егерь объяснял очередному, откуда ведётся загон, откуда должен будет бежать лось, и обозначал каждому стрелку лично его персональный сектор обстрела. Вот таким манером и были расставлены все девять человек на расстоянии от 200 до 300 метров друг от друга. Вместо маскировки было предложено стоять или сидеть за толстыми стволами деревьев, или за густыми кустарниками, если таковые имелись. После того, как все охотники были расставлены по номерам, егерь вместе с ЗИЛом уехал вдаль на одному ему ведомое расстояние. Где-то там, в установленном месте, соединился он со своими верными помощниками. Сели они на персональные снегоходы, затарахтели моторами, и из этой дали редкой цепочкой, с криками, стали гнать находящихся на подведомственной территории лосей (если таковые здесь имелись) в сторону охотников, расположившихся дугой на пути потревоженных, напуганных, убегающих животных. Называлось это на профессиональном сленге — гнать дичь на номера. Путь этот весьма не близкий, как-никак, а несколько километров. Теперь поподробнее о тех охотниках, которые вынуждены были бесшумно три или четыре часа загорать на своих номерах. Были они в основной сво-

ей массе людьми солидными, много в этой жизни повидавшими, занимавшими высокие должности в коммерческих и государственных структурах. Ну, просто все очень и очень достойные люди. Вот только охотничий стаж не у каждого из них был столь же значителен, а навыки бывалого охотника кое-кому ещё предстояло приобрести, развить и закрепить. Вот и началось закрепление непростых этих навыков для Михаила именно на этой охоте. Был Миша человеком спортивным, стройным, довольно молодым, всесторонне интеллектуально развитым, острым на язык, а самое главное, был он настоящим профессионалом в своём основном призвании врача и работал главой медицинского муниципального городского образования с каким-то номером. Но вот на охоте — новичок. Охотничье ружьё он себе приобрёл марки «Сайга». Калибр не самый грандиозный, зато в магазин ружья вставляется сразу много патронов и выстреливаются они без перезарядки один за другим, а если захочется, то и очередью. Перед тем, как остаться в полном одиночестве на назначенном ему номере, Михаил, ещё в КУНГе стал досконально расспрашивать охотников о том, какими патронами те заряжают свои ружья. Владимир Иванович, который всегда охотился со старенькой ижевской двустволкой двенадцатого калибра, пояснил, что лично он в левый ствол вставляет патрон с дробью — картечью, на тот случай, если выбежит косуля, а в правый ствол патрон с пулей — жаканом, так это уже на кабана или лося. Высадившийся на своём номере Миша так, соответственно, и зарядил свою «Сайгу». Картечь, пуля, картечь, пуля, картечь. Ствол у «Сайги» один. Ждать пришлось долго, очень долго. Холодно. И пальцы мёрзнут, и ноги, и нос, и щёки. Но согревал Михаила охотничий трепет предвкушения выхода дичи под выстрел. Напряжённо и терпеливо ждал начинающий охотник. А вдруг, а вдруг. Вот тут, действительно, вдруг в сорока метрах от Миши из-за густой сосёнки появилась чья-то огромная тёмно-серо-коричневая задница. Оказалось, это большой лось, он прятался от звуков, издаваемых снегоходами, и от криков загонщиков, поэтому осторожно, задом, отступал в гущу леса. Прицелился Михаил и метко выстрелил. Первым в стволе лежал патрон с дробью. Заревел и подскочил на месте огромный

лось. Что такое дробь для мощной лосиной задницы? Ерунда, только сильный раздражитель и ничего более. Рванул в сторону зверь и бросился бежать от Миши, наплевав на звук снегоходов. Но не оплошал Михаил, он продолжал палить вслед улепётывающему лосю. Патроны в ружье закончились. Но и лось остановил свой бег и почему-то стал быстро двигаться ровными кругами, причём, к удивлению охотника, на трёх ногах. Вот и заносило его в сторону, и так кружил лось ещё секунд двадцать. Потом геометрия движений лесного жителя как-то устаканилась, он резко бросился в сторону и исчез из поля зрения растерявшегося стрелка. Через какое — то время раздался одиночный выстрел из карабина. Стрелял опытейший Виктор Борисович, стоявший на следующем за Михаилом номере. Как оказалось, этот стрелок не промахнулся, положил дичь. Позже выяснилось, что был Виктор Борисович очень удивлён, когда перед этим увидел ковыляющего на трёх ногах большого лося. Но все эти подробности участники охоты узнали гораздо позже, только после того, как загонщики сняли их с номеров. Правило такое, нельзя никуда уходить с номера, пока не пришёл егерь и не объявил об окончании загона. Вот тут-то и выяснилось, почему тот лось ходил кругами. Оказывается, меткий Миша, как хирург скальпелем, чисто и ровно одной из пуль лихо срезал бедному лосю правое заднее копыто напрочь. Окончание загона, это ещё не окончание охоты. Все события на этом не исчерпались, а плавно продолжали проистекать по незапланированному руслу. Выяснилось, что автомобиль с КУНГом еле-еле выбрался из зимнего лесного массива, преодолевая снежные заносы, и назад за охотниками уже не пойдёт, ибо опасается бесповоротно застрять. Добираться до него придётся на лёгких санях, предназначенных для вывоза дичи, прицепленных за одним из снегоходов. Около семи километров. Двое на санях, трое задними пассажирами трёх снегоходов, итого пять человек, а охотников девять. Получается, что два рейса. А тут ещё и убиенный лось. Кстати, о том лосе. Когда Виктор Борисович снайперски снял этого лося с одного выстрела, тот, окончательно покидая этот бранный мир, абсолютно не контролируя себя, видно из вредности, свалился в глубокий овраг, на край которого его уподобило забраться. Хорошо,

граждане, что на других охотников никакие лоси не выходили. Тут с одной тушей пойдёшь да разберись. Лось, он ведь какой? Это, пожалуй, единственное животное, у которого нет селезёнки, от природы так. Поэтому свежевать лося надо сразу же после охоты, нельзя с этим долго затягивать. У лося полон живот листьев, травы, веток и веточек, древесной коры и прочей лесной дребедени, которую необходимо, по возможности, сразу удалить, а этого добра в лосе очень много, иначе брюхо раздуется, и как бы не испортилось основное мясо туши. В данном случае, эта туша, как уже сообщалось, упала в овраг. Вытащить эти триста с лишним килограммов наверх очень проблематично, овраг не пологий, а отвесный. Пришлось спускаться вниз и разделывать тушу на дне оврага. Сняли шкуру, выбросили и прикопали лишние внутренности, отрезали голову с рогами (на чучело), разделали всё мясо на части, пригодные для подъёма на верхнюю кромку на верёвках. Не быстро всё это. А мороз постепенно крепчал, да ещё и сильный ветер поднялся. Зимой темнеет рано, вот и начало уже темнеть. Стали отправлять в тепло КУНГа первую партию охотников. Уселись трое за спины егеря и его помощников на снегоходы, двоих уложили в сани, присовокупив им сверху килограммов пятьдесят замёрзшего мяса и тяжёлую лосиную голову с рогами. Отправили первый караван. Уже темно. Не быстро двигались в ночи снегоходы с тяжёлыми санями, плохо видно. Оставшиеся до лучших времён четыре охотника накрыли полиэтиленовой пленкой оставленное им мясо, прижали плёнку по краям снежными комьями и для «сугрева» решили выпить и закусить. Называется этот процесс: «выпить на крови». После добычи зачётной дичи, так уж принято у профессиональных охотников, хорошо это или плохо. Стрелка термометра уже опустилась ниже тридцати градусов, но об этом охотникам довелось узнать только после того, как они добрались до дома. Итак, выпить. Водка-то была в рюкзаках у всех. Вот закуска подкачала. Всё вдребезги замёрзло. Кое-как охотничьим ножом наковыряли сало фрагментами. Тем же ножом, словно зубилом, крошили небольшими кусочками солёную капусту. Кусочки эти потом сосали, как мороженное. Колбасу и деликатесное мясо даже и не пытались нарезать. Когда стали наливать в стаканчи-

ки водку, с удивлением отметили, что вытекала она из бутылки, будто очень густое масло, так сильно замёрзла. Кое-как выпили, потом пососали отбитые от буханки осколки хлеба с фрагментами сала и кусочками ледяной солёной капусты. Через полтора часа вернулись снегоходы, загрузили очередную партию охотников с их добычей и доставили всё к КУНГУ. Наконец-то вошли отставшие в тёплый КУНГ с тремя электрическими лампочками и с ужинающими там за обильным столом их друзьями. На этом, пожалуй, можно поставить точку. Охота благополучно и удачно завершилась. Дальше обычная жизнь со всеми её прелестями и нюансами.

Тиражированная фикция

Это вроде бы и случай, а вроде бы и не случай вовсе, а целая цепочка неожиданных событий, протопавших по судьбам определённых людей, многое поменяв в их жизни и переключив спокойный устоявшийся ход времени. Над обстоятельствами случившегося сразу же был возведён шалаш умолчания и таинственности, инспирированный всем известными компетентными органами. Поэтому шёпотом, на ушко самым не болтливым от непосредственных наблюдателей. Основы этого преступления будут изложены довольно точно, а вот подробности, переданные свидетелями и якобы очевидцами, вполне могут быть несколько преувеличены и приукрашены их авторами. Но что делать? Люди есть люди. Как не добавить и что-то от себя при красочном повествовании. Основная суть дела была такова. На Ташкентском авиационном заводе имени В.П. Чкалова трудился устоявшийся, огромный, профессиональный, здоровый, политически подкованный, передовой во всех отношениях рабочий коллектив. Тут тебе и Красные знамёна, и вымпелы ударникам, и правительственные награды, и большие премии, и почётные грамоты, и стенды передовиков производства, и общий почёт, и заслуженное уважение героям труда. Всеобщий почёт был привычен, большие премии заранее предсказуемы и, в общем-то, вполне рукотворны. Перевыполняй план, работай, обеспечивая высокое качество продукции, и денеж-

ные компенсации не заставят себя ждать. Они и не заставляли. Вот качество обеспечить — вопрос сложный и замысловатый, всё же не грабли изготавливали, а самолёты, в этом деле очень постараться надо. Самолётов в действующую авиацию с завода выпускалось довольно много, да ещё и различных марок. За полётами конечной продукции завода пристально следили те, кому это надо и положено по должности. Небо есть небо, а техника есть техника. Что там скрывать, время от времени какой-либо из самолётов терпел аварию, лучше если на земле, хуже если в воздухе. Вот тогда на заводе начинался ажиотаж. Аварийная комиссия среди останков летающей техники искала причину выхода из строя этого сложнейшего воздухоплавательного агрегата. На заводе все тряслись. Не дай бог причиной станет недоброкачеством одной из деталей продукции завода. Установить изготовителей каждой из деталей не представляло особого труда. Есть номер борта самолёта. На каждую деталь этого борта есть свой паспорт, фамилия, роспись или личное клеймо изготовителя, указан номер цеха, роспись или клеймо контролёра, роспись военпредов, принимавших продукцию и прочие документальные свидетельства. Виновного установить не сложно, вот он. Берите и наказывайте. Другое дело, если самолёт потерпел аварию над морем или над океаном. В этом случае деталь-виновницу не установить, всё затонуло. К заводу никаких конкретных доказательных претензий не предъявить. Вот так и жили. Получали большие премии и нешуточно переживали при любой авиационной катастрофе. Работал в одном из сборочных цехов уважаемый, обласканный руководством, уже достаточно немолодой слесарь-сборщик высшего разряда Бездряев Василий Тимофеевич. Высочайший профессионал своего дела, член, как вы понимаете, КПСС, член заводского профкома и даже депутат какого-то партийного съезда Узбекистана. Был Василий Тимофеевич мастером на все руки, обладал неплохим интеллектом, умел достойно и связно говорить, был политически подкован и конечно же морально устойчив, слыл примерным семьянином, воспитывал троих детей. Но водились за Тимофеевичем и свои отличительные особенности, а именно, был он очень маленького роста, где-то 152 сантиметра, а также выглядел очень худым и

щуплым, что, впрочем, не исключало железной крепости мышц, отличного здоровья и потрясающей гибкости движений. Несмотря на такую, казалось бы, телесную невзрачность, был Бездряев весьма солиден в поведении, в повадках, в самооценке и в подаче себя окружающим, никогда не выказывая даже малейших признаков суеты. Всё у него веско, основательно, достойно, надёжно. За свой труд неоднократно награждался Василий Тимофеевич почётными грамотами, к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина был удостоен одноимённой медали, а ещё ранее был отмечен настоящим орденом (то ли «Знак почёта», то ли «Трудовое красное знамя»). Замечательный, короче, и уважаемый человек. Работа у него была весьма и весьма ответственная. При сборке самолётов Бездряев трудился в самых труднодоступных для остальных рабочих местах. Только он мог проползти в концы крыльев для осуществления окончательных операций сборки. Одним из видов работ его было закрепление несущих пилонов с элементами обшивки. Его маленький рост, удивительная щуплость и исключительная гибкость позволяли ему там, в невероятной тесноте и в сумраке, вставить в необходимые отверстия специальные болты или винты, плотно навернуть на них гайки, затянуть их и расшплинтовать. Что такое расшплинтовать? Гайка, накручиваясь на резьбу, плотно стягивает соединение. На самом конце резьбовой нарезки винта имеется сквозное отверстие, через которое пропускается шплинт. Это сложенная вдвое твёрдосплавная проволока, на одном конце которой кольцо, а другой конец торчит из отверстия, куда вставлен. Сборщиком эти двойные проволоки, торчащие хвостиком из отверстия, с усилием разгибаются в разные стороны, и таким образом такая особенность конструкции полностью исключает отворачивание гайки, обеспечивая монолитность крепёжных стяжек. Установка шплинтов, то есть обеспечение надёжности соединения, в обязательном порядке проверяется сначала контрольным мастером, а затем, при окончании работ, военпредом в погонах. В финальной части своего контроля эти люди ставят свои росписи и личные печати в паспорте сборки агрегата. Конечно же, в крыло с проверкой лазили самые мелкие (в смысле телосложения) контрольные мастера и военпреды. Да и то до самого окончания крыла они

никогда не забирались, руками крепление не трогали, а лишь светили фонариками, чтобы убедиться, что все гайки затянуты и расшплинтованы. Так и длился этот описанный процесс в течение нескольких лет. Василий Тимофеевич быстро и ловко делал своё дело, получал огромные премии за мастерство и перевыполнение плана, купался в волнах заводской славы и даже начал незначительно полнеть. Происходили все эти события в начале семидесятых годов прошлого века. И вдруг Тунгусским метеоритом, как взрыв, ударила по руководству завода ошеломляющая весть. При плановом ремонте на ЛИСе (лётно-испытательная станция) одного из серийных самолётов потребовалась полная разборка одного крыла. Вот тут-то и вылезла наружу страшная вещь. Оказывается, все гайки крепления пилонов в конце крыльев не были зашплинтованы. Что же делал хитрющий Василий Бездряев? Очень сложно в стеснённых условиях и в полумраке наощупь искать в конце резьбы винта, за накрученной гайкой, маленькое отверстие под шплинт, а потом ещё надо исхитриться вставить туда эту твёрдую специальную проволочку и с усилием разогнуть её концы на выходе из отверстия. Заранее нарезал Василий Тимофеевич перед своим заползанием в крыло хвостовые колечки от шплинта и отдельно разогнутые усики. Уже в крыле, на месте сборки, макал он эти колечки и усики в клей из тюбика и присобачивал их бесполезных, куда придётся, сразу вслед за закрученной гайкой. Получается, что крепление не зафиксировано, при вибрации незакреплённая гайка может отвернуться, катастрофа воздушного лайнера не исключена. Но это всё для самолёта, а вот для Бездряева большая премия и почёт гарантированы. Схватились все посвященные за свои головы. Что делать? Что всё же делать? Придумали. Для начала всё это дело постарались засекретить. Провели тайное расследование и выяснили, что установка таких ложных шплинтов продолжалась четыре года. Полетели погоны с военпредов. Контрольные мастера были переведены в простые контролёры с низким разрядом и без всяких премий. Хотя, что они? При визуальном то контроле все шплинты стояли на месте, как миленькие. Сложнее далось решение с воздушным транспортом. По специальному уплотнённому графику стали загонять все

дефектные самолёты на завод якобы на «профилактику». Планировали обернуться за несколько месяцев, а в реальности потребовалось для перешплингования более года. Не каждый самолёт сразу снимешь с его запланированных полётов без оглашения истинных причин. Так и получилось, что исправляли Бездряевские хитрости пятнадцать месяцев. Слава Богу, что ни один воздушный гигант не разбился по причине отсутствия шплинтов. Вроде бы не разбился. На заводе всё спустили на тормозах. Огласка никому здесь не была нужна. Многие бы полетели со своих должностей и распростились бы с ожидаемым карьерным ростом. Компетентные органы, конечно же, тоже были в курсе всех событий, но огласка и им была совсем не к месту. А что же с Василием Тимофеевичем? Его по указанию высших инстанций уволили с завода по собственному желанию. Одни говорили, что его лишили всех наград, другие сплетничали, что не лишили, ведь любое лишение надо официально чем-то мотивировать. Чем тут отмотивуешь, если вокруг тайна? Но на работу в хорошие места Тимофеевича не брали. Пристроился он слесарем в какой-то занюханной мастерской мелкого калибра с мизерной зарплатой, там начал жестоко пить, там и умер через несколько лет по неустановленным причинам.

Дурацкие взрывы

Это, как бы, байки, хотя, если покопаться, произошли описываемые события на самом деле, но выглядели они настолько гротесковыми, что и позже передача рассказа о них из уст в уста превращала эти два случая в форменный фарс. Разнесены эти взрывы были по времени и по месту осуществления довольно далеко, но стояли рядом друг к другу по беспредельной тупости, безалаберности, безграмотности и болванистости их организаторов. Сначала о взрыве, про который я тогда узнал впервые. В 1970 году приехала наша огромная группа студентов на летние воинские сборы в славный и патриархальный город Бузулук. После четырёх лет пребывания на военной кафедре политехнического института, перед присвоением лейтенантского звания командира артиллерийского подразделения,

нам предстояло для приобретения теоретических, а главное практических навыков, пройти двухмесячное обучение в обстановке реальной интенсивной службы под командованием лучших офицеров настоящего артполка. Но разговор совсем не о тех сборах. О сборах, может быть, когда-нибудь попозже, тоже ведь очень интересная тема. А тогда нас, студентов, разместили в больших брезентовых армейских палатках, установленных на территории полка перед окнами штаба, переодели в новенькую солдатскую форму, но старого образца, дождавшуюся своего часа после длительного вылёживания на богатых армейских складах. Старшие офицеры части приступили к плотному обучению присланной молодёжи теоретическим и практическим навыкам защитников отечества. Военная форма, выданная нам, была солдатской, поэтому вновь прибывшие по-простому и довольно доброжелательно были приняты реальными представителями срочной службы упомянутой воинской части, тянувшими нелёгкую трёхгодичную лямку, назначенную им неизбежным в то время призывом. Вот тогда-то, после некоторого уже дружеского общения, вечером после отбоя за стаканом вина (что уж там скрывать) местными аборигенами и было поведено нам о неординарном случае, происшедшем года за полтора до текущего июля. Главный персонаж события, наиболее пострадавший в силу своей безмозглости, к этому времени уже более года как демобилизовался, отбив в свои родные места на Полтавщину. Второй фигурант из «салаги» первогодка превратился в умудрённого временем службы «деда» и даже обзавёлся лычкой ефрейтора, которая, впрочем, ему извилин в черепной коробке не прибавила. Нам даже представили этого ефрейтора, как местную достопримечательность. Попробовали мы с ним разговаривать, но убедились в том, что построение грамматически правильных и продуманных предложений — это явно не его конёк. Только абсолютная личная уверенность в своей непогрешимости, как солдата третьего срока службы. Речь этого персонажа представляла собой весьма разнообразные матерные экзерциссы, перемежающиеся редкими связками расхожих слов и популярными междометиями. Если говорить проще, то абсолютно тупой ефрейтор. Тупее валенка. А теперь поподробнее о том зимнем событии. Тог-

да будущий ефрейтор, а по тем временам просто «солабон», представлял собою абсолютно бесправного первогодка, которым положено помыкать всем воинам второго, а особенно третьего года службы. В тот день был он назначен в суточный наряд дежурным по казарме. Казармы полка очень ёмкие, в каждом здании по огромной спальной комнате с металлическими кроватями в два яруса на сто или сто двадцать человек. В проходах между кроватями стояли прикроватные деревянные тумбочки установленного образца для хранения мыльных принадлежностей и незамысловатых личных вещей, из расчёта одна тумбочка на двоих военнослужащих. С торца кроватей размещались армейские табуретки по одной на человека. Рядом с этой огромной спальней коридор, где дежурил дневальный, из коридора дверь в туалет на три очка, дверь в умывальник на двенадцать сосков. Рядом с местом дежурства дневального плакаты, лозунги и красочные выписки из уставов вооружённых сил. Станет скучно — читай, просвещайся. Затем, далее по коридору, двери в бытовку, в кладовую роты, в учебный класс, в сушилку и в бушлатную. Все события начали закручиваться в клубок в течение середины короткого зимнего дня, сразу после обеда. Может быть внезапно, а скорее всего накопительно, засорился один из унитазов казарменного туалета. Если учесть, что два других унитаза по какой-то причине были в долгосрочном ремонте, в связи с чем были прикрыты фанерой и обвязаны верёвкой, чтобы их не беспокоили, то обстановка складывалась явно неприемлемая и безвыходная. Во-первых, просто непорядок. Во-вторых, далеко не освежающий запах. В-третьих, если срочно не принять оперативных мер, то явно, здорово попадёт дневальному «солабону» от возмущённых старослужащих. Хорошо, что в казарму зашёл каптенармус. Каптенармус и посоветовал набросать в засорившийся унитаз побольше карбиду, дабы вступив в реакцию с жидкостями, присутствующими в белоснежном вместилище, они, начав интенсивно булькать, своими пузырями прочистили образовавшийся засор. Вот такая рационализаторская мысль, к сожалению, не подкреплённая практикой. Почему же она возникла? С осени от ремонта в каптёрке оставалось много карбида. В армии ничего не пропадает, всему есть своё место, всему надо

найти подходящее применение. По нижайшей просьбе дневального, каптенармус субсидировал тому для профилактических целей полведра карбида. Дежурный этот карбид вывалил в унитаз и даже протыкал в жерло засора барабанной палочкой, которую позже пришлось хорошенько отмыть в умывальнике и положить на место. Через какое-то время карбид, действительно, начал пухнуть и побулькивать. Будущий ефрейтор на обрывке бумаги написал: «Римонт». Повесил это краткое, но неграмотное объявление у входа в туалет. Вернулись с занятий военнослужащие. Разбежались по койкам. Те, кому было надо, посетили в туалет в соседней казарме. После отбоя стали солдаты постепенно погружаться в объятия морфея. Тут слез со своей койки солидный сержант третьего года службы, захотелось ему сами понимаете куда, и серьёзно. Вот несерьёзно для «деда» — это было бы тащиться по холоду, да в соседнюю казарму. Невзирая на робкие попытки дневального остановить его, проследовал сержант к засоренному унитазу, грозно рявкнув по дороге: «Заткнись, салага», — и присовокупив к сказанному букет непечатных, но ёмких определений, оскорбительно унижающих воина-первогодка. Засим, взгромоздившись на фаянсового друга, естественно, без нижней части обмундирования, грозный сержант вставил в рот папироску популярной марки «Север» и опрометчиво чиркнул спичкой. Всё! Взрыв был устрашающей силы. Не успевший до конца качественно пробулькаться, взорвавшийся унитаз вынес дверь и своим внутренним содержимым мерзко заляпал помещение туалета, часть коридора, фрагментарно лозунги и выписки из уставов, дневального, не говоря об уроне, нанесённом товарищу сержанту. Ожидаемого облегчения для бывалого сержанта не наступило. Весь он был с ног до головы сами понимаете в чём, плюс ожог всей задней части туловища, плюс травмы мягких и не очень частей тела от разлетевшихся осколков фаянса. Сначала обляпанный сержант сидел в сугробе, погрузив в него пострадавшие части тела и орал, потом он продолжал кричать в лазарете, затем долго и болезненно лечился в течение нескольких месяцев в госпитале. Хорошо хоть, что ничего ему не оторвало. Вроде бы. Разве расскажет. Месяца через три с лишним поставленный на ноги сержант долго и методично

наводил, как ему казалось, необходимый порядок на лице будущего ефрейтора. Называл он это мероприятие: «Морду разворочу». Хотя, по большому счёту, правильнее было бы произнести: «Оба хороши». До основания лицо он бывшему дневальному не разворотил, так как попал под весеннюю демобилизацию. От глупого сержанта осталась только память о нём, зафиксированная цветистыми пересказами о тех необычайных событиях, где-то, может быть, в чём-то и преувеличенных, как водится.

Второй взрывной случай имел место быть за тысячи километров от Бузулука и прогремел он в столице Узбекистана Ташкенте на военном авиационном заводе. Когда я приехал туда работать по распределению, то при оформлении на работу 24 августа 1971 года, получая от инженера по технике безопасности вводный инструктаж в качестве наставления о том, что же никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя делать, я и узнал о том далёком, необычном и прискорбном происшествии начала шестидесятых годов. Позже этот же случай был изрядно интерпретирован и раскрашен в изложении тех ветеранов завода, которые о нём ещё помнили и даже являлись, в какой-то мере, свидетелями. Излагаю тезисно, поскольку расцвеченные подробности, возможно, и не соответствуют реалиям действительности. Столько лет уже промелькнуло. Каких только материалов и компонентов не было на авиационном заводе. Всем, конечно же, заведовали кладовщики. Пришло в голову одной кладовщице из лакокрасочного цеха эффективно постирать свою запачканную белую кофточку. В пятидесятилитровой алюминиевой фляге стоял у неё в кладовой Уайт-спирит, или ацетон, или что-то ещё подобного назначения. Постирала свою кофту. На следующий день пришли её подружки с одеждой, требующей качественной очистки. Стирала два или три дня, вывешивая для проветривания вещи в большом дворе цеха. Оказалось, что жидкость во фляге полностью поменяла свой цвет, что было и не мудрено. Решили дамы, во избежание ненужного внимания к нехарактерному цвету, вылить эту непонятную субстанцию. Куда вылить? Неподалёку размещался шестиместный деревянный уличный туалет, обильно окрашенный белой известью и ароматно, густо засыпаемый хлоркой. Вот

в одно из трёх отверстий в женской половине туалета и вылили работницы содержимое фляги. Прошло время. Двое мужчин зашли в свою половину заведения и, естественно, с папиросками. Взлетел на воздух туалет, с грохотом и обляпыванием фекалиями прилегающей территории. С ног до головы в обломках и нечистотах оказались и эти несчастные мужчины. Вначале отмывались, потом лечились, поговаривали, что серьёзно. Ни одна женщина при взрыве не пострадала. Ну, не оказалось их при взрыве ни в туалете, ни на прилегающей территории. Начальство, хорошо поразмыслив, приказало снести на авиационном заводе все уличные туалеты. Снесли. От греха подальше и от безголовости посетителей, на всякий случай. А ту кладовщицу я уже не застал. Говорили, что уехала жить в Самарканд.

Герой Советского Союза

Было мне в то время где-то уже под сорок, а моему собеседнику не менее чем лет шестьдесят пять. Произошла наша встреча в купе поезда «Вологда — Москва». Я возвращался из командировки. Закончив неотложные дела в городе металлургов и сталепрокатчиков Череповце, двинулся я навстречу предстоящей пересадке в столице нашей Родины. Состав прибывал в Москву 8 мая, накануне великого праздника, который, впрочем, в те времена отмечался не столь широко, как ныне. В купе, кроме меня и моего будущего собеседника, была ещё не запомнившаяся ничем парочка молодожёнов, которая постоянно ворковала и ворковала себе то в уголочке у входной двери, то в тамбуре, то в коридоре вагона. Таким лучше и не мешать. А мы с моим визави, познакомившись и перекинувшись несколькими фразами, уже не стремились к уединению и с удовольствием общались, обсуждая самые разнообразные темы от политики до семейных проблем, при этом делая экскурсы в далёкое прошлое и пытаясь угадать недалёкое будущее своей страны. На парадном двубортном пиджаке новенького костюма Ивана Макаровича тускло поблёскивала золотая звезда Героя Советского Союза на потёртой красной ленточке, а ниже располагались четыре

ряда орденских планок. Среди них я разглядел планки одного ордена Ленина, двух орденов Боевого Красного Знамени, ордена Красной Звезды, ордена Великой Отечественной Войны и многих медалей. Ехал Иван Макарович на встречу ветеранов своего полка, которая должна была состояться девятого мая в 12 часов дня то ли в сквере у Большого Театра, то ли где-то в другом месте, сейчас я уже и не помню. Не запомнились мне ни номер полка, ни названия армии и фронта. Достоверно то, что воевал мой попутчик в пехоте, начинал командиром взвода, потом командовал стрелковой ротой, а в самом конце войны был начальником штаба батальона. В конце 1944 года был он тяжело ранен и сразу после Победы демобилизован в звании капитана. В Вологде работал учителем, так как успел буквально перед началом войны в 1941 году окончить педагогический техникум. В том купе, за столиком, сели мы вечером с Иваном Макаровичем друг напротив друга и достали свои нехитрые запасы. Он курицу, я колбасу, он варёные яйца, я шпроты, он солёные грибы, я баклажановую икру, он домашние лепёшки, я привокзальные пирожки, он зелёный лучок, я плавленый сырок. Выставил мой попутчик непечатую бутылочку водочки «Российская», а я пузатенькую бутылочку болгарского коньяка «Плиски». Семейная пара наших соседей по купе выпила по рюмочке коньяка, съела по кусочку колбаски и по пирожку и удалилась весьма надолго. Сначала пошли они в вагон-ресторан, затем в тамбур, возвратившись в купе лишь поздно ночью, позволив нам душевно посидеть и неторопливо насладиться мужским незамысловатым общением. Незаметно, под плотную закуску, за неспешным разговором, усидели мы выставленное спиртное, но остались довольно трезвы и перешли к чаю, заказав его, если мне не изменяет память, аж шесть стаканов. К чаю нам были принесены много упаковок сахара, двенадцать конфет и три пачки печенья в нагрузку. Всё это есть мы не стали, оставив молодожёнам. Только чай. Ночью на полке под стук колёс о стыки рельс я ещё раз вспоминал обо всём услышанном от Ивана Макаровича. О той войне и о тех событиях. И ведь что характерно, рассказывал мой попутчик не о героических поступках, не о жестоких и кровавых боях, которых в его биографии был целый вагон

и маленькая тележка. Он говорил о несуразностях и анекдотических моментах, которых на войне тоже хватало. Да вот, судите сами. Вот изложение того случая, после которого было присвоено моему собеседнику высокое звание Героя Советского Союза. Случилось это в начале 1944 года. Ордена в то время уже давали щедро, не так редко, как в начале войны. Наступал полк. Но что ты сделаешь, никак не могли наши бойцы взять одну стратегически очень важную высоту. Шесть раз ходили солдаты в смертельные атаки, но все эти шесть атак были отбиты и с большими потерями для тех, кто наступал. Вот и рота под командованием Ивана Макаровича участвовала в предпоследнем наступлении на ту злополучную высоту. Восемнадцать человек из личного состава роты было убито, много раненых. Сам командир был ранен навывлет в предплечье левой руки, но строй не покинул и с поля боя не ушёл. Рота его была доукомплектована в срочнейшем порядке. Последовал категорический приказ командира дивизии: ночью скрытно, не считаясь с потерями, занять эту высоту (ну и номер её, конечно, в приказе) в обязательном порядке. Авангардом (то есть, самым первым подразделением) была назначена рота Ивана Макаровича. Он её и повёл. Ночью, незаметно передвигаясь, подползли солдаты к оборонительным рубежам противника. Заглянули в окопы, а там пусто. Проскользнули по траншеям к пулемётным гнёздам и Дзотам — пусто. Ни одного немца. По каким-то тактическим соображениям покинули эту высоту фашисты, причём скрытно и нешумно. По протянутой телефонной связи сообщил Иван Макарович командиру полка о таком удивительном занятии высоты. Командир полка немедленно доложил нервно ожидающему результатов командиру дивизии:

— Высота (номер такой-то) силами второй роты старшего лейтенанта (такого-то) занята полностью в два часа сорок пять минут.

— Каковы потери роты?

— Потерь нет.

— Доложите о количестве раненых.

— Ранен командир роты старший лейтенант такой-то (и это была правда, хоть и из предыдущего боя).

— Подготовьте документы на присвоение командиру роты звания Героя Советского Союза.

Приказы надо выполнять. Этот приказ и был выполнен быстро и чётко, как положено в армии, тем более, если армия наступает и идёт от победы к победе. Вот, оказывается, какое особое значение имела та самая высота, о которую шесть раз спотыкались наши солдаты. На войне многое решается в штабах и не всегда на поле боя. Награждены были и другие участники той бескровной ночной атаки на высоту. Причём, в представлениях на награды были указаны солдаты и командиры, реально отличившиеся в предыдущем бое, завершившимся отступлением. Но за героизм той атаки высокие награды свои они заслужили по праву.

Много что ещё рассказывал мой попутчик в тот вечер. И о том, что любая медаль сорок первого года во много раз ценнее любого ордена сорок четвёртого или сорок пятого года. И о зверском холоде зимы сорок второго года, когда приходилось ночевать в открытых окопах, в сыром от пота после атаки белье, согреваясь дыханием соседа, кутаясь в продуваемые ветрами солдатские шинели. И о том, что на войне почти никто и никогда не простужался, о том, что вылечивались, неизвестно почему, среди военных невзгод и язвы желудка, и лёгочные заболевания. О том, что болеть, по-настоящему все солдаты стали только после войны. Ещё сожалел мой новый знакомый о том, что писать письма с фронта своей семье можно было только в весьма патриотическом и победном тоне. Пессимизм не допускался в любых его проявлениях. И ничего конкретного. Нельзя было называть фамилии, звания, места дислокации войск. Никаких описаний боёв, не допускалось даже упоминание о планах предстоящих операций, о командирах, о потерях, желательно было не указывать характер ранений своих товарищей. И прочее, прочее, прочее. Поощрялись только письма-лозунги с призывами победоносного уничтожения врага. Трёх человек из роты Ивана Макаровича за время войны арестовали особисты за допущенную откровенность в тексте письменных посланий домой. Одного из них отправили в штрафную роту, где он погиб, а об остальных вообще больше ни у кого не было никаких сведений.

Утром поезд прибыл в столицу. При выходе из вагона мы распрощались. Иван Макарович оставил мне свой вологодский адрес, а я ему свой тольяттинский. Попросили друг друга при любой оказии непременно, в обязательном порядке постараться и навестить. Я перебежал площадь трёх вокзалов. Мне надо было на Казанский вокзал. Мой попутчик спустился в метро. Он спешил на долгожданную встречу с другом-ветераном. Больше мы уже никогда не виделись. Со временем я потерял его адрес, а он, я полагаю, мой. Фамилию его сейчас тоже никак не могу вспомнить. Стараюсь, но не вспоминается фамилия. Вот такая жизнь.

Как прокурор сазанов стрелял

Прокурор — это было его негласное прозвище, хотя, вроде бы, и не прозвище, а главная суть. Прокурором ранее он был вполне всамделишным и довольно высокого ранга, но это в далёком прошлом, до пенсии. Так и не получив генеральского звания (впрочем, у них это генеральство как-то иначе именуется), будучи в полном расцвете сил, вынужден был Валентин Петрович пополнить собой разноцветную когорту пенсионеров нашего города. Общение с бывшими сослуживцами продолжалось, но напоминало оно колебание затухающего маятника. Полная остановка его просматривалась, но не сразу, а постепенно. Люди в прокуратуре менялись, рассасывались, передвигались, переезжали и выходили в отставку. В силу своих способностей, удалось бывшему прокурору устроиться на довольно престижную должность на работу в успешную и развитую финансовую структуру города. Здесь он постоянно рос по службе и за десять лет достиг поста первого заместителя председателя правления. События, описываемые в настоящем повествовании, относятся к началу гражданской деятельности нашего героя. Горизонты его жизни были светлы и многообещающи. Многообразие времяпрепровождения своей насыщенностью, сменой событий, чередованием рыбалок и охот в свободное для досуга время, являлось образцом для подражания и возбуждало светлую зависть окружающих. Здоровье пока не мешало, а позволяло. А в это время компания, в которую

плотно и прекрасно вписался Валентин Петрович, состоявшая из двенадцати весьма достойных и уважаемых граждан, осваивала новый для себя вид активного, довольно спортивного и увлекательного отдыха. Подводная охота. Замечательное, всепоглощающее, романтическое, познавательное и удивительное занятие. Несколько раз попробовав, уже не отставить в сторону это занимательное времяпрепровождение. Увлёклись подводной охотой все члены компании, кроме одного персонажа. Борис Викторович не мог нырять. Физически. Под водой у него сразу же начинали сильнейшим образом болеть уши. Особенность организма такая неприятная. Поэтому, когда все ныряли в подводное царство, Борис Викторович сидел в катере и оперировал спиннингом или удочкой, провожая и встречая охотников-ныряльчиков. Был организован пошив костюмов и шапочек для подводного плавания, индивидуально на каждого члена компании (в свободной продаже тогда их было очень мало). Закупались специальные перчатки, пояса с грузами, ласты, маски, трубки, прочные кукуны, пневматические подводные ружья, стрелы и наконечники, линии, подводные ножи, зарядалки и прочие мелочи, о которых нет смысла даже и упоминать. Валентин Петрович в силу оригинальных особенностей своего непростого характера подводный костюм с шапочкой, как и все, себе пошил, ласты и маску с трубкой купил, а вот подводное ружьё, перчатки, пояс с грузами, кукуны и прочие мелочи почему-то закупать не спешил. Никаких обоснований такому странному своему поведению он не делал и на все недоумённые вопросы отвечал одно: «Подумать надо». Дело, конечно же, было не в деньгах, даже и не помыслите в этом направлении, ради бога, а в особенностях многогранной личности самого Валентина Петровича. Насколько был непрост Валентин Петрович и неповторим, попробую проиллюстрировать двумя случаями из его частной жизни. Сначала о его большом профессионализме. На шумном официальном банкете по случаю чей-то знаменательной годовщины обратил он внимание на одного из приглашённых гостей, который просто проходил мимо столика, где размещался бывший прокурор с несколькими своими приятелями. Тут-то и сказал задумчиво Валентин Петрович:

— Так, стоп. Это что за человек? Я его откуда-то знаю или где-то видел.

— Ну и что? Мало ли кого на банкет пригласили.

— Нет, минуточку, я должен вспомнить.

Валентин Петрович налил себе граммов 100 или 120 водки. Махнул бокал. И весь напрягся. Несколько минут он сосредоточенно размышлял, не реагируя абсолютно ни на кого из своего окружения. Потом облегчённо вздохнул и расслабленно выдал: «Такой-то, такой-то (фамилия, имя, отчество). Семь лет назад в таком-то месяце проходил по делу о мошенничестве. Статья такая-то, пункт такой-то. Необходимых доказательств собрано не было. Уголовное дело развалилось». Вот такая память. Я бы сказал, что у него настоящий архив в голове. Теперь об «искромётном» юморе Валентина Петровича. Был он во всём убедителен, общителен, солиден, обстоятелен, никогда не перебирал спиртного, хороший и внимательный собеседник, привлекателен и даже интеллигентен. Но вот юмор. Весьма и весьма. Если был Валентин Петрович у кого-нибудь в гостях и напоследок хозяева приглашали бывшего прокурора приходить ещё раз, то обычно он отвечал так: «А как же, обязательно придём, обязательно, — пауза. — С обыском. Гы-гы-гы». Такой вот юмор, я бы сказал: «Солдатско-офицерско-прокурорский». Специфический.

Но возвратимся к подводной охоте. Эмпирическим путём за несколько лет было неотвратно установлено, что лучше всего охота под водой, конечно же, проистекает в низовьях Волги за Астраханью. На широких раскатах, в местах впадения огромного количества Волжских рукавов и рукавчиков в Каспийское море. Раскат — это огромное водное пространство, довольно мелкое, поросшее разнообразной зеленью, камышами, зарослями лотосов, кувшинок и лилий. Средняя глубина здесь от полутора до двух метров, многочисленные заросшие острова и островки, впадины, протоки, застойные воды и быстрые ерики. Роскошное изобилие самой различной рыбы. Необозримые просторы для подводной охоты. Но здесь, и это главное, не заплутаться среди пейзажа, пока плаваешь под водой. Выныривай время от времени и смотри, а где же то судно, с которого ты спускался под воду. Не исчезло бы оно. Подводный мир просто великолепен, сказочен и загадо-

чен. Тут тебе и леса, и заросли, и песчаные дорожки среди густой растительности, и непролазные дебри, и открытые поляны, и овраги, и отмели с быстро снующими раками. Вокруг суетятся тысячи мелких рыбёшек, тычутся своими мордашками в твоё ружьё и стекло маски. Время от времени проплывают создания покрупнее, а если не бултыхаться и вести себя весьма осторожно, то обязательно встретишься с массивной щукой, лещом, линём, большим карасём — буффоло, сомом и даже с огромным сазаном. Сазан килограммов на пятнадцать выглядит под водой будто дом — такой огромный. Вода, она ведь здорово увеличивает. Чем рыба крупнее, тем она осторожнее и стремительней. В смысле, удрать от тебя — это для большой рыбы пара пустяков. Вот если рыба тебя не заметила, тогда и охота будет результативной.

Первый раз Валентин Петрович нырял с чужим ружьём. Были кое у кого запасные ружья. Чужая стрела для чужого ружья оказалась кривой. На первый взгляд это даже и не очень заметно, если не приглядываться. Прокурор и не приглядывался. Чужой пояс с грузами, нож, чужие наконечники, зарядалка. Вот только лишнего запасного кукана не нашлось. Да Бог с ним, поплыл так. Как на удивленье, крупной рыбы в тот день под водой было полно. Раз тридцать стрелял и перезаряжал ружьё Валентин Петрович. Но всё мимо. И метился, вроде бы, правильно — в ту половину тела, что рядом с головой, в нижнюю часть брюшка, в воде ведь надо учитывать законы преломления. По теории всё абсолютно верно, а каждый раз мимо. Абсолютно расстроенный своим регулярным мазаньем, мысленно плюнул прокурор и выплыл к ожидающему подводных пловцов катеру. Егерь на всякий случай осмотрел ружьё, похихикал на кривую металлическую стрелу и кустарным способом выправил её более-менее на своей коленке. Повеселевший и воодушевлённый Валентин Петрович занырнул ещё раз. Затаился в зарослях лотоса и дождался, наконец, когда в метре от него проплыл огромный сазан. Прицелился он в эту тушу, как положено, и спустил курок. Стрела почти насквозь пролетела через тринадцатикилограммового монстра, застряв своей хвостовой частью внутри него. С одной стороны рыбины торчала стрела, с другой шнур от стрелы, зак-

реплённый на ружье. А кукана-то у стрелка не было. Пришлось этого огромного бьющегося сазана брать под мышку. В одной руке ружьё, под другой громадный хлопочущий сазан, и долгий путь к катеру, понемногу, по чуть-чуть. Добрался охотник, но был весь измотан и обессилен. Егерь затащил сазана на борт, вынул из него стрелу, а затем помог подняться на борт из реки изрядно уставшему Валентину Петровичу. После этого происшествия прокурор докупил и ружьё, и стрелы, и кукан, и пояс с грузами, и заряжалку, и наконечники к стрелам. На следующий год Валентину Петровичу несказанно повезло. На одной из подводных охот в районе Вороньей Косы, заплыв за круглый остров, удосужился он затаиться в густых камышах в самой близи с активной сазаньей тропой. Что уж им там, мёдом, что ли, было намазано, но только плыли они и плыли мимо подводного охотника слева направо, с интервалом в несколько десятков секунд. Один за другим. Плыли сазаны не спеша, солидно и веско. Вот и стал их отстреливать счастливый Валентин Петрович. Застрелит, подтянет аккуратно за линь, посадит на кукан, затем вынет из убиенного стрелу, снова зарядит ружьё. Выполняя всё это, старается не намузить вокруг себя. Ждёт нового визитёра. Сразит очередную рыбину и вновь её на кукан. Худо, бедно, а настрелял четырнадцать сазанов. Больше их на кукан не помещалось. Пора бы и честь знать. А как? Все сазаны от 10 до 15 кг каждый. Поди-ка, поплыви, да упри за собой кукан с таким грузом. Невозможно. Такой добычи ещё ни у кого не было. Такую добычу не бросить. Высунулся из воды Валентин Петрович, стал громко кричать, подзывать моторку. Но та далеко, а из-за острова ничего не слышно. Долго кричал. Рыбу не бросил. Стало серьёзно темнеть. Хорошо, что переполошился Борис Викторович. Что-то долго нет нашего Валентина Петровича. Надо искать, пока не поздно. По прошествии определённого времени нашли. Замёрз тот капитально и весь извелся, ожидая плавсредство. С тех пор такой вот удивительно результативной охоты уже ни у кого не было. С каждым годом рыбы под Астраханью становилось всё меньше, а у Валентина Петровича начала побаливать спина и под воду он уже больше не погружался.

Запредельность

Однако сталкивался я с этой самой запредельностью, сталкивался, и не один раз. Не сказать, чтобы часто, а скорее даже довольно редко, но все эти эпизоды настолько необычны и волнительны, может быть поэтому они чётко, выпуклым шрифтом выделяются среди букв остального текста на страницах моей памяти. Среди текста набранного и обычным контуром, и курсивом, и малыми прописными буквами, и буквами полустёртыми, утопленными и с двойным зачёркиванием. Среди всего этого многообразия упомянутые буквы запредельности яркие, объёмны и так весомы. В заголовок вполне можно было бы поставить следующую фразу-вопрос: «Что же это было?» И так.

Впервые с запредельностью я столкнулся в шестилетнем возрасте. В тот день был я оставлен дома. В садик по какой-то причине не пошёл. Все домашние на работе, а моя любимая тётушка отлучилась в магазин. Сидел я в гостиной и рисовал цветными карандашами очередную баталью с фашистскими захватчиками. Вдруг! В соседней летней комнате-веранде с шумом распахнулось окно. Кто-то веско и с кряхтеньем перевалил через подоконник. Гулко и со скрипом по полу затопали, хлюпая, сапоги неизвестного. Шаги тяжёлые, размеренные, неторопливые и страшные. Меня из-за стола как смерчем смело. Через гостиную и кухню проскочил я к входной двери дома, выскочил в сени, а затем во двор. Немного успокоился, затем долго ходил вокруг здания и даже пытался заглядывать в окна, где достану. Что странно: все окна плотно закрыты, в доме тишина, за оконными стёклами никакого передвижения. Вернулась тётушка из магазина. Я бросился к ней, подробно рассказал о происшествии, стараясь не афишировать свой страх, пытаюсь сохранить лицо мужчины и мальчика, смелого во всех отношениях. Тётушка взяла в руки острый серп, я огромный гвоздь, и мы с ней, войдя в дом, досконально исследовали все укромные уголки и закоулки нашего жилья. Везде пусто, в смысле наличия посторонних, чисто, спокойно, ничего не пропало и не передвинуто с привычных мест. Все окна на веранде надёжно закрыты изнутри на защёлки. Никого. Что же это было,

а? И через шестьдесят пять лет я помню и слышу те звуки, издаваемые неизвестным при преодолении оконного проёма, и те смачные шаги. Ведь было. Но что?

Второй случай приключился со мной в более сознательном возрасте и поначалу как-то за густотой насыщенного юношеского времяпрепровождения первоначально не стал знаковым событием, даже замылился среди повседневных неотложных дел, встреч, разговоров и мелькания многочисленных лиц. Лишь гораздо позже, вечерами и по утрам, всё чаще вставали передо мною те картинки — кадры увиденного обстоятельства, прочувствованного и, скажем прямо, явно неординарного, неизвестно откуда взявшегося. Итак, по порядку. Учился я тогда на третьем курсе политехнического института. Происходило это в конце мая. На исходе был мой девятнадцатый год, но двадцать ещё не стукнуло, хотя оставалось до этого события меньше месяца. В студенчестве при наличии, как тогда казалось, свободного времени, занимался я, кроме всего прочего, туризмом и поэтому относительно часто ходил в различные походы. В тот май маршрут похода (по единичке, то есть первой категории сложности — самой простой) проходил по территории нашей Куйбышевской области. В первую ночь разбили мы свой лагерь для ночёвки у подножья странного холма посреди мало тогда посещаемого заповедника «Самарская лука». На вершине упомянутого холма стояли остатки какого-то каменного креста и чего-то ещё. Внизу, рядом с нашими палатками, темнели развалины неизвестного деревянного строения, очень древнего, судя по тому, что фрагменты брёвен рассыпались от прикосновения. Вечером, переходящим в ночь, в небе вспыхивали какие-то непонятные яркие точки и полосы — стрелы. Бесшумно пролетел красный огненный шар, внезапно исчезнув на середине ночного неба. Неожиданно на тёмном небосводе появилась чёткая и контрастная картинка речного берега с теремом на нём, смахивающая на мираж, продержалась несколько секунд и тоже исчезла, растворившись в набежавшей дымке. Мы плотно поели, попели под гитару и стали укладываться спать. Почему-то мне не захотелось лезть в палатку. Было тепло. Я взял спальник и рюкзак, отошёл подальше от догорающего костра, у которого кто-то ещё суетился, и устроился на ночлег на мо-

лодой зелёной, но густой травке, рядом с остатками старинного ветхого строения. Залез в спальник, подложил под изголовье рюкзак, застегнулся изнутри и вроде бы, заснул. Вроде бы. Однако сном то, что происходило со мной, назвать довольно сложно. Не очень похоже это было на сон. Было такое ощущение, что реально прожил я несколько дней в другой эпохе, в другом времени, в неизвестном месте, с непонятными людьми. Оказалось, что лежу я на лавке в доме — полуземлянке, подо мною медвежья полость. Вдоль стен из брёвен встроенные лавки, напротив двери большой стол, накрытый красным сукном. Слева от двери большая печь с выпуклыми зеленоватыми изразцами, за печью полати. Из проёма в чулан выглядывает лубяной сундучок. Везде светцы для лучины. Справа от двери поставец — шкафчик с росписью по дереву, изображающей цветы и птиц. На столе расписная деревянная посуда, два ковша с резными головами коней и шарообразная посудина-братина. А я лежу и мне плохо. Выгнутая сабля печенега глубоко разрубила мне левое бедро. Меня пользует лечец, о котором мне шёпотом сказано, что он большой знаток и кудесник. Слева от меня лежит мой верный меч в кожаных ножнах. Под лавкой стоят мои сафьяновые сапоги, свидетельствующие о том, что я не совсем простой человек, а особа довольно знатная. Имя моё настолько необычно для сегодняшнего дня, что лет через десять после того сна оно забылось, хотя сначала я его ещё хорошо помнил. Помнил, помнил, но забыл. Нигде в современной литературе оно мне не встречалось, иначе наверняка бы вспомнил. Нога моя зафиксирована по бокам лубками, но сама рана открыта. Лечець время от времени костяной ложкой собирает опарышей, которые поедают гной, и окуривает рану дымом различных трав. Затем он сверху накладывает древесный мох, а бока раны смазывает тёмной мазью, обкладывает листьями подорожника и берёзы. Над моей раненой ногой произносятся заговоры, на грудь мне положен деревянный резной оберег. Но боль ужасная и постоянная. Я терплю, мне нельзя показывать, что я сильно страдаю. Меня кормят кониной, утками, зайчатиной, рассольником да кашей, поят парным молоком. Но аппетита совсем нет, ем с трудом. Я лежу и жду, когда за мной приедут из родного дома, с гонцом

туда послана берестяная грамота. Эту боль, немного странную, нестерпимую и непохожую ни на что, я помню и по сей день. Потом, когда я смотрел на свою левую ногу, я вспоминал ту страшную рану. Очень уж это было всё как наяву. Так в мученьях я лежал на той лавке несколько дней. Вдруг я проснулся и долго не мог понять, кто я, где я? То ли я студент Володька, то ли тот отважный воин десятого, а может одиннадцатого, а может и двенадцатого века. Когда гораздо позже я пытался прочитать «Слово о полку Игореве» на старославянском языке, я с удивлением отмечал многие слова, известные мне из того сна, из того словарного обихода. Завтракал я в тот день у походного костра молча. Вкус каши мне показался весьма странным, совсем не таким, как в то древнее время. Не хуже, не лучше, а просто другой вкус. Никому ничего я не стал рассказывать, слишком уж фривольное у всех моих товарищей было настроение. Свернув лагерь, мы вскинули за плечи рюкзаки и отправились дальше по маршруту. С удивлением я поймал себя на том, что при движении стараюсь беречь левую ногу. Вот такой сон — явь из прошлого.

Ещё случай. Вообще-то, я боюсь ножа. Пулю не боюсь, а ножа боюсь. Происходило это году в 1968-69. Приехали к нам «соцгородские» драться. Модно и принято тогда это было. За летней танцплощадкой в лесочке подошли к нам, троем парням, пятеро «соцгородских» отвязанных представителей. Вытащили они финки с плексигласовыми наборными ручками. Хотели поугадать и унижить. Вдруг внутри меня раздался ясный и чёткий голос. Я его хорошо помню. Это был густой и красивый баритон: «Ничего не бойся, смело нападай сам, с тобой ничего не случится, всё будет хорошо». Красиво произнесено было, но без всяких знаков препинаний. Почему-то я поверил голосу однозначно и бесповоротно, сразу. Оторвав штaketину от забора, с криком бросился я в гущу боя. Меня даже не успели ни одного раза ударить. Ничем. Подлетели наши, «портовские» и навалили пришлым по первое число. Конечно же, никогда и никому про этот голос я не рассказывал. Наверное, сказывалось общепринятое атеистическое воспитание нас, как представителей передовой комсомольской молодёжи.

Ещё один запредельный случай произошёл со мной в то время, когда было мне уже за пятьдесят лет. Спал я тогда в гостиной, которую переоборудовали в мою личную спальную комнату. Недавно наклеенные светло-зелёные обои с веселенькими цветочками. Старинный стол, старинный посудный буфет, мой раскладной уютный диван и большой ковёр на стене, почему-то коричневый, а не красный, как было положено в то время. На ковре замысловатые непонятные узоры непривычной конфигурации. Всё началось ровно через месяц после того, как я перебрался в эту комнату. Ночью кто-то стал меня душить. Я явно ощущал мохнатые руки, чьё-то дыхание и грозную силу. Только огромным усилием воли, с большим трудом освободился я ото сна и от этого кошмара. Пошёл на кухню, попил воды, успокоился. Лёг спать. Заснул. Ночь завершилась благополучно. С тех пор через день кто-то стал меня душить во сне. Сбросить эти руки становилось всё тяжелее и тяжелее. Я просыпался весь в поту и абсолютно измученный от напряжения. Однажды после того, как я проснулся, на моей шее красовалась глубокая царапина, которая потом долго не заживала. Со всем этим надо было как-то кончать. Мои домашние довольно скептически отнеслись к повествованию о моих ночных приключениях. Хотя после появления на моей шее незаживающей царапины реально испугались. Не знаю, чем бы закончилось это злодейское проявление нечистой силы, но однажды в моей голове раздался тот самый знакомый баритон: «Сними ковёр, освяти комнату». Станный ковёр со стены мы сняли в тот же день и отнесли в сарай. Пригласили священника, благо, что все в доме были крещёнными. Комнату эту злополучную священник освятил. Ковёр через какое-то время капитально подпортила моль и мы его с чувством огромного облегчения выбросили на помойку. После того, как мы сняли ковёр, меня уже никто и никогда не душил ни во сне, ни в жизни.

С удивительными запредельными явлениями сталкивался я в своей жизни ещё два раза, но извините, рассказывать об этом не буду и не хочу, поскольку в этих обоих случаях присутствуют уже сугубо личные мотивы и обстоятельства, не для печати. Вот, пожалуй, и всё.

Выпивальные вечера

Когда я вернулся из Ташкента в родной город, завершив обязательную, после окончания института, трёхгодичную отработку, образовалась у меня следующая дилемма: куда идти работать? Тут было ещё и то, что поступать на службу на наш гигантский автозавод, куда вполне мог бы я устроиться после военного авиационного предприятия, мне категорически не хотелось. Причин было несколько. Во-первых, строгая клановость коллектива, на сектора которой негласно разбились все работники-автомобилепроизводители. Горьковские, московские, ульяновские, запорожские и местные. Все толкали вперёд только своих, ставя подножки и раздавая пинки членам противоположных сообществ. Мало того, царило на заводе элементарное ступидство, подставы, нездоровая зависть и пошлое лизоблюдство. Коренные автозаводчане, скорее всего, с возмущением в голосе и с праведным блеском в глазах начнут яро мне возражать, но... Это мой личный взгляд со стороны, основанный на многочисленных примерах и материалах откровенных бесед с друзьями и приятелями, которым волей судьбы довелось служить на этом гиганте автомобильной индустрии. Может быть, повезло им, а может и нет. Обойдя несколько предприятий, рассматриваемых возможными для моей будущей работы, я остановил свой выбор на электротехническом заводе. Продукция, выпускаемая на нём, была довольно разнообразной, многопрофильной, оригинальной, высокосложной, а значит и работа обещала быть более или менее интересной. Правда, предлагаемая мне без блата должность пока была довольно невзрачной, но это меня не пугало. Пробьюсь и продвинусь. Голова на плечах не мякиной набита, да и опыт работы в цехе такой, что многим и не снилось. Итак, принят был я на должность мастера в котельно-сварочный цех №5 на участок заготовок. Начальник участка — Костя Местняков, старший мастер — Николай Иванович Заварзин (он требовал ото всех, чтобы его называли Николай Иванович и никак иначе) и ещё два мастера, кроме меня: Зайчиков Борис Игоревич (он же парторг цеха) и второй — Василий Петрович, фамилия которого из моей памяти стёрлась напрочь. В курс работы я вошёл очень быстро, по-

сколько не являлся процесс производства на участке чем-то сверхсложным или замысловатым. Изготавливались здесь различные детали для многочисленных узлов и агрегатов всего перечня конечной продукции завода. Нарубались на разномастных гильотинах различные полосы, плашки, квадраты, прямоугольники из металла различных толщин, вырезались газовой резкой детали более замысловатой конфигурации, штамповались различные детали из более тонкого металла. Потом всё это ещё и просверливалось в необходимых местах, если того требовали чертежи окончательного вида детали. Каждая железка имела свой оригинальный семизначный позиционный номер. По этим номерам их и различали, складывая в отдельные кучки на полу цеха и надписывая верхнюю деталь каждой кучки мелом. Сколько и каких деталей надо создать из каждого листа металла, сколько стоит изготовление оригинальной детали, какие допуски отклонения размеров возможны, где складировать, в каком количестве, кому отправлять и с какой срочностью. Вот и все основные задачи участка. Рабочие постоянно интриговали в сферах получения для изготовления наиболее выгодных наименований заготовок и безуспешно, хоть и настойчиво, пытались игнорировать малостоящие, но трудоёмкие изделия. Начальник участка был немногословен, суров и компетентен. Постоянно был задумчив, только вот о чём? Он на память знал по номерам сотни деталей, помнил по перечню все заказы смежных цехов и сроки поставки всех деталей. Старший мастер был предельно солиден при своём невысоком росте и неатлетической внешности. Он повсеместно щеголял потоком цифр, из которых складывались номера деталей, но зачастую их путал, хотя старался не показывать вида, что это ошибка. Говорил: «Ах, это я номер только что отменённого заказа привёл, не успел ещё из памяти убрать». Мастер Зайчиков больше занимался партийными делами цеха, а к производственным проблемам был почти равнодушен. Рассказывали, что раньше он очень крепко пил, но вот уже как лет семь завязал и теперь капли в рот не берёт, зато очень любит вести профилактические беседы с работниками, застуканными в злоупотреблении горячительными напитками. Обычно свою беседу с провинившимися он строго начинал следующими словами: «Запомни! Если

кто с водонькой дружит, тому с нами не по пути!» Вот так сурово, но ласково: с водонькой. Мастер же Василий Петрович ничем примечательным не запомнился, кроме его удивительной и многозначительной молчаливости.

Через пару недель моего пребывания в цехе начальник участка позвал меня после работы посидеть компанией. Костя, Николай Иванович, Василий Петрович и я. Выйдя из проходной, в ближайшем гастрономе купили мы две бутылки водки, четыре плавленых сырка «Дружба», буханку круглого чёрного хлеба, одну луковицу и три толстых селёдки. Разместились в лесочке неподалёку. Рядом на опушке были заскладированны какие-то железобетонные плиты, кольца и длинные швеллеры для стройки. Среди швеллеров моих напарников поджидали ранее спрятанные, завёрнутые в газетку пять граненых стаканов. Эта газетка тоже не пропала даром, на ней мы разместили ошкуренную и крупно порезанную сочную селёдку. Руки вытерли лопухами, собрали по карманам всё, что наскребли, отправили безропотного Василия Петровича за третьей бутылкой. Принёс. Теперь наливали совсем понемногу, экономя живительную влагу и плавленые сырки, порубленные селёдочным ножом на мелкие кусочки. Наслаждались беседой. Вот только беседа была довольно странной. Про работу, потом опять про работу, вновь про работу и ещё про работу. Несколько раз пытался я повернуть разговоры в другое русло, предлагая к обсуждению то политику, то искусство, то рыбалку, то путешествия, то смешные житейские эпизоды. Бесполезно. Через минуту мои собеседники возвращались к дорогим сердцу цеховым обстоятельствам, и Николай Иванович почти с криком сыпал цифрами, обозначающими номера деталей. Василий Петрович молча, буквально в рот смотрел перебивающим друг друга увлечённым руководителям. А мне стало совсем неинтересно, грустно и скучно. Я засобирался домой. Пришлось соврать и сказать, что ко мне должен с визитом прибыть сегодняшним вечером сосед со своей половиной. Мне даже позавидовали. Не тому, что придёт в гости сосед, а тому, что опять буду выпивать. Мои собеседники постановили не расходиться, а задумали зайти к какому-то знакомому поблизости, занять у него денег и купить

ещё водки. Судя по их помятым лицам и жёсткому выхлопу на следующее утро, их визит к знакомому завершился более чем успешно. Вот такое времяпрепровождение нередко случалось у руководителей нашего участка после рабочего дня. Звали они меня с собой ещё и ещё. Под видом различных якобы обстоятельств я уклонялся, как только мог. Но дважды все же, мне пришлось ещё поучаствовать в столь непрезентабельном распитии после работы. С маленькими нюансами. В первом случае мы остались без стаканов. Кто-то спёр эту заначку. Костя зашёл в аптеку и купил шесть медицинских банок (из тех, что ставят на спину) по пять копеек за штуку. Отличная ёмкость для водки, как оказалось. А если в земле ямку небольшую отковырять, так банка ещё и стоит прекрасно. Во втором случае мы пили не водку, а дешёвый портвейн. Водки в магазине не случилось. Так это ещё хуже. Бутылок было приобретено немеренно. Живот раздувается и голова с портушки сильно болит. В остальном всё, как и прежде. Разговоры только о цеховых деталях, реже об их производителях. Громкий, почти в крик, голос Николая Ивановича, сыплющего без остановки номерами и цифрами. Немое восхищение Василия Петровича и постоянная потребность Кости в продолжении банкета. Оба эти раза завершались так же. Я исчезал домой, а эта троица шла занимать очередную порцию денег для неотложной закупки спиртного. Больше я с ними не ходил, так как категорически отказался от этого вечернего распития, в результате членами коллектива был абсолютно не понят, а посему отношение ко мне стало официальным и довольно скептическим. А они? Были они уже всем должны. Стали брать с собой передовиков производства, а утром, дабы те не зазнавались, что пили с руководством, всячески их ругали и воспитывали, показывая, кто в доме хозяин и главный распорядитель. Несколько раз парторг Зайчиков проводил с ними беседы на темы вреда употребления «водоньки». Я недолго работал в цехе, перевёлся в службу Главного технолога. Позже узнал, что Костя из-за пьянки был уволен «по собственному желанию». Он устроился мастером на ВЦМ, но попросили его и оттуда, переехал в другой город и тихо там умер от цирроза печени. Лет через десять, когда я работал главным инженером производ-

ства на другом предприятии, случайно узнал, что Заварзина Николая Ивановича разбил тяжёлый инсульт. Видел его два раза в районе Соцгородка инвалидом, еле передвигающимся с палочкой. А через пару лет и он ушёл из жизни. Куда делся молчаливый Василий Петрович, понятия не имею, да и сообщить мне о нём некому. Вот такое было пьяное, свободное времяпрепровождение у совсем неплохих, в общем-то, людей. Пили, чего ради?

Житейские зигзаги

Жизнь порою выбрасывает такие коленца, что диву даёшься, поскольку никакой логике происшедшие события не поддаются и вызывают, по крайней мере, глубокое недоумение и растерянность. Вот и со мною такое случилось. Помню, работал я тогда в отделе сварки электротехнического завода инженером-технологом первой категории. Всё у меня было, вроде бы, замечательно. Был на хорошем счету у руководства, был уважаем сослуживцами, светила мне в ближайшее время должность начальника бюро сварки, а это двадцать четыре человека подчинённого персонала. Что ещё надо? Казалось бы. Но это только казалось. Человек — существо сложное, даже весьма замысловатое, я бы сказал. Стало мне очень скучно на работе. Скучно до синевы. Еле-еле дожидался конца рабочего дня. Всё обыденно, планомерно, давно известно, предсказуемо, причём заранее предсказуемо. В те годы я уже рецензировал студенческие дипломные работы. Подрабатывал. Обычно писал рецензии как на дипломные работы институтские, так и на техникумовские. И вот вошла в мою довольно немудрую голову блуждающая мысль о том, что, наверняка, значительно интереснее работать преподавателем в институте или техникуме, чем возиться с технологическими процессами сварки в заводских условиях. Вошла эта, поначалу, сквозная мысль и плотно там застряла. Я реально начал знакомиться с условиями преподавательской работы в вышеуказанных заведениях. Оказалось, что читать постулаты сварки материально гораздо выгоднее в техникуме, нежели в институте. Вот так тогда было в то время. Пошёл я в автозаводской техникум, переговорил с

его солидным директором и почему-то был принят в его кабинете с распростёртыми объятиями. Единственным условием выставлено было то, чтобы я выходил на преподавательскую работу как можно стремительнее. Пришёл на свой завод увольняться, чем вызвал у большинства руководителей полное недоумение. Никто не смог осознать, для чего я так поступаю, да и сам я членораздельно и объективно объяснить своё столь нетривиальное поведение вразумительно и доходчиво так и не смог. Пошли по заводу самые неординарные слухи, вплоть до того, что я, оказывается, развожусь, бросаю семью, ребёнка и с новой страстью переезжаю в другой город и даже в другую республику. Чего только люди не придумают. С руководством договорился, что уйду сразу, а трудовую книжку заберу позже. В техникум приняли по дипломам и копии трудовой книжки. Стал я преподавать. Первые лекции читал легко, играючись, перемежая сухую теорию с яркими и сочными примерами из моей богатой производственной практики. Студентам это нравилось, слушали увлечённо, задавали массу вопросов, правда, относящихся более к житейским обстоятельствам, а не к теоретическим выкладкам. Но выяснилось, что то же самое я должен прочитать и для второй группы, и для третьей, и для четвёртой, а потом ещё и для какой-то сводной группы. Боже мой, как это было неинтересно. Преподаватели вокруг меня с упоением интриговали друг против друга, безуспешно пытаясь вовлечь и меня в сферу своих предпочтений и направлений неприязни. Подошли ко мне члены учёного совета техникума и сказали, что ждут от меня через три недели подробную научную лекцию о достижениях в области плазменной сварки и последних новейших разработках в этом виде производства неразъёмных соединений. Я предложил тут же поведать им обо всех перипетиях этого способа сварки, так как сей предмет был мне неплохо знаком ещё по Ташкентскому авиационному заводу и именно в плане самых последних достижений науки и техники. Нет, сообщили мне, нужны ещё плакаты, графики, схемы, которыми научное общество будет перед кем-то отчитываться за успешно проведённое мероприятие. Ой, какая рутина и казёнщина. Ну, не хотел я по пять раз рассказывать одно и то же. Не хотел неизвестно для чего

перерисовывать из литературных источников никому не нужные специальные графики и схемы. И уж совсем не близка мне была атмосфера всеобщей подозрительности, зависти и пошлого доноительства среди преподавательского состава техникума. Выдержал всего одиннадцать рабочих дней. Написал заявление, отдал его директору техникума, пояснив, что не могу, не моё всё это. Вернулся на завод. Хорошо, что запись об увольнении в мою трудовую книжку ещё не успели внести и не стали вносить. Стал я работать на прежнем месте, как будто бы и не уходил. Но долго ещё различные слухи-небылицы о моём неоднозначном увольнении блуждали по заводу, иногда натываясь на меня, а иногда обходя стороной. Через незначительный отрезок времени зазвали меня на руководящую работу на другое предприятие, и я не стал отказываться от этого предложения.

Теперь о втором эпизоде житейских зигзагов. Но это произошло уже не со мною, а был я всему излагаемому лишь свидетелем. В институте на нашем потоке была довольно странная и заметная своей оригинальностью парочка студентов. Он успешный, значительный, остроумный, мужественный, вальяжный, почти отличник Саша Белов. Рядом с ним всегда рядом невысокий, невзрачный, чуть суеющий, обожающий своего как бы друга неизменный «хвостик», вечный спутник и беззаветный почитатель Вася Тимкин. Вася всегда заглядывал в рот своему Александру, восхищался всем, что тот произносил, готов был беззаветно оказывать товарищу любые услуги. Так эта парочка и просуществовала вместе весь пятилетний срок обучения в институте. Ничем оригинальным или особенным, кроме безукоризненной преданности своему патрону, Вася никому так и не запомнился. Грянуло распределение. Александр, который учился весьма успешно, распределялся в первых рядах и получил назначение на хорошую работу в Прибалтику, в Литву, в город Клайпеду на какой-то из заводов. Вася, регулярно получавший тройки за свою нерешительность, вынужден был взять направление на Куйбышевский завод по изготовлению бойлеров для кваса. Те самые, на боку которых чёрным по жёлтому ярко написано: Квас. И разошлись они, как в море корабли. Сашку Белова я с тех пор никогда не видел

и ничего о нём ни от кого не слышал. А вот Василия увидел через двадцать пять лет. Произошло это на центральном рынке нашего города ранней осенью. Разглядывал я ассортимент продукции в мясном ряду и вдруг почувствовал, что кто-то дёргает меня за полу пиджака. Обернулся. Какой-то бомж с пропитым лицом, оборванный, грязный, невзрачный, с синяком под правым глазом.

— Володя, ты меня не узнаёшь? Я же Вася Тимкин.

— Вася? Боже мой. Вася, как же ты дошёл до жизни такой, что с тобой?

— Володя, не говори ничего и не спрашивай, дай лучше рубль, у меня трубы дико горят. Не до разговоров мне.

Я дал Васе десять рублей, что было в 1996 году суммой значительной, тот ужасно обрадовался и хотел ускользнуть. Я задержал его, попытался расспросить о том, как он добрался до такого финала. Но Вася не захотел ничего рассказать, лишь спросил: «О Сашке Белове ты знаешь что-нибудь?» К сожалению, о Белове ни тогда, ни сейчас я ничего не знал и не знаю. Вася глубоко грустно вздохнул, вывернулся и исчез навсегда. Торопился, наверное, побыстрее истратить десять рублей. Это была наша последняя встреча.

Теперь не о столь грустном событии, хотя и весёлым этот жизненный зигзаг, пожалуй, не назовёшь. Сначала о фабуле происшедшего. Случилось это в июле 1970 года. Тогда две огромные группы студентов из Тольятти и из Куйбышева прибыли на летние воинские сборы в старинный город Бузулук. После прохождения обучения на военной кафедре политехнических институтов, перед последним курсом, предстояла финальная часть приобщения к воинскому мастерству и сдача специальных экзаменов на получение офицерского звания командира артиллерийского подразделения. Разместили нас в палатках на территории кадровой воинской части, одели в новенькую военную форму старого образца, которую носили солдаты Великой Отечественной войны и которой было ещё полно на армейских складах. Пытались привить нам армейскую дисциплину, что происходило при прямом нашем сопротивлении. По мере возможности после отбоя убегали мы в самоволки, за что постоянно наказывались, но не об этом. Короче, как могли, так и развлекались мы по вече-

рам, переходящим в ночи. Как-то в городском парке рядом с танцплощадкой местные крепко отметелили студента Куйбышевского политеха, вздумавшего провожать, обниматься и даже целоваться с местной красоткой рыжей масти. Такого отношения будущие офицеры стерпеть не смогли и не стали. Собрались мы в массовую жестокую самоволку для расправы с коренными для этих мест обидчиками. Форма одежды: спортивный костюм, пилотка с опущенными крыльями (чтобы не шибко потом опознали), яловые сапоги и в руке каждого солдатский ремень с тяжёлой латунной пряжкой на отлёте. Всё. Танцплощадка в том парке была огорожена высокой резной деревянной решёткой. Выход всего один. Вдоль дорожки этого выхода и встала наша гвардия с двух сторон. Только-только закончились танцы, и публика устремилась по дорожке. Дам мы отправляли за наши спины, а каждого из представителей противоположного пола нежно вопрошали: «Шкаф?» Здесь немного отвлекусь от стройной нити повествования. Помните знаменитый кинофильм «Подвиг разведчика» с Павлом Кадочниковым в главной роли? Там был пароль: «У вас продаётся славянский шкаф?» И ответ: «Нет, осталась только никелированная кровать с тумбочкой». Вот и на наш вопрос: «Шкаф?», надо было коротко отвечать: «С тумбочкой». Откуда возникла острая необходимость в пароле? Дело в том, что мы, тольяттинские, плохо знали в лицо куйбышевских, а те нас. Вдруг кто-то наш, в цивильной одежде, окажется на танцах или в парке. Пароль — это чтобы не попало от своих. Эх, и здорово же отходили пряжками ремней в тот вечер местных студенты в армейских сапогах. Вопли, женский визг из-за спин и кровь потерпевших, что уж там говорить. А милиция? Не было её там. Спряталась милиция. На следующий день наши сборы построили. Рядом построили и военнослужащих срочной службы того полка. Мимо наших стройных рядов ходили для опознания многочисленные пострадавшие, вглядывались в наши лица, но были мы все в форме, бодро и дурашливо таранились на потерпевших, и никого из нас они так и не узнали. Всё это постепенно стало забываться, пролетело много лет, и вдруг. Работал в моём подчинении начальник участка сборки Гена Ветров. Как-то на летнем праздничном пикнике на приро-

де совместно с семьями у костра рассказал он о необычных обстоятельствах своего знакомства со своей будущей супругой. Рассказал, как в молодости был качественно избит неизвестно за что после танцев в Бузулуке, куда приехал к бабушке на летние каникулы из техникума. Избит какими-то странными солдатами в спортивных костюмах, сапогах и пилотках. Его тогда пожалела совсем незнакомая девушка, оказала первую помощь, отвела к себе домой, её родители перевязали, накормили раненого, проводили к бабушке, пригласили заходить. Позже эта девушка стала его женой, на момент пикника у них уже было трое детей, крепкая и счастливая семья. Конечно же, не стал я сообщать Геннадю и окружающим, что лично стоял в рядах тех странных и необычных солдат. Зачем? Вот такие житейские зигзаги порою нас сопровождают и запоминаются своей неординарностью и неожиданностью.

Как на Усе отдыхали

Давно это было. Сейчас вообще всё по-другому и не так. А тогда современного автозавода ещё не существовало и, соответственно, не было в городе той массы народа, которая заполнила его позже, возникнув вдруг неизвестно откуда. А тогда народонаселение нашего места проживания не упиралось плечом в плечо, и было рассредоточено по разным районам, люди друг другу не мешали, было им просторно, да и вполне комфортно на заселённых площадях. Работа работой, учёба учёбой, но желательно бы ещё место да и время для отдыха. Существовало такое место и находилось соответствующее время. Волга широка, берега просторны, хватало по берегу этой реки пространства и для лесов, и для песчаных пляжей, и для заповедных уголков под рыбалку, и для установки палаток или шалашей, укрывающих от дождя. Но наилучшим местом отдыха считался левый берег реки Уса, которая впадала в Волгу со стороны её правобережья у самого подножья Жигулей в районе горы Лепёшка. По упомянутому левому берегу Усы, вдоль устья, на протяжении трёх километров тянулись широкие роскошные песчаные полосы, обрамлённые поверху густым смешанным лесом. Пе-

сок был удивительно белоснежным с лёгким золотым оттенком и настолько мелким, сыпучим, что вызывал неподдельный восторг у отдыхающих. Такого чудесного песка больше не было нигде по всей Волге, да и в других районах России никогда, ничего подобного тому песку я не наблюдал. Разве что в Эмиратах, но и там песок всё же крупнее и цвета его иные. Так вот, песок тот Усинский, а вернее, эти нерукотворные пляжи назывались в народе «золотые пески». Хотя, по-честному, золотом там и не пахло. Отдых на этих самых золотых песках почти всегда был великолепным. На стыке леса и пляжа разбивался лагерь. Ставились палатки. Наиболее умные и продвинутые отдыхающие не ленились провояжировать полкилометра по лесной дороге, выйти на колхозное поле и зацепить из ближайшего стога большой пук мягкой жёлтой соломы, дотащить его вручную, или, завернув в одеяло, до места расположения лагеря и распределить эту солому ровным слоем под днище устанавливаемой палатки. Зато спать мягко и уютно. Те, кто были ленивее и менее изобретательны, ставили свою брезентовую палатку на подстилке из местных трав и на листве от окружающих деревьев, а ещё проще, прямо на том самом мелком и чудесном песке. Если ожидался дождь, то вокруг палатки с трёх сторон выкапывалась канавка с одним бруствером в сторону палатки. Канавка продлялась чуть дальше входа (поскольку вход ставился всегда ниже изголовья). Растяжка палатки осуществлялась качественно, чтобы избежать складок на крыше. У брезента любая складка — залог протекания во время дождя. Вопрос доставки отдыхающих на золотые пески решался по одной из четырёх апробированных схем. Разнообразнее всего складывался отдых у тех групп, что имели возможность прибыть сюда на яхтах. Сам путь на яхте на Усу и обратно являлся роскошным путешествием, а для детей ещё и своеобразным приключением. Килевые яхты долго расчаливались и якорились вблизи берега рядом с намеченным лагерем стоянки. На всё время отдыха эти яхты представляли собой великолепный плацдарм для рыбаков, обязательно присутствующих среди любого коллектива прибывших. Кроме того, что уж тут скрывать, эти закрытые яхты, настоящие домики на воде, представляли собой неповторимое место для

уединения тех парочек, что под видом обязательной охраны плавсредства предпочитали на ночь разместиться не в палатке, а непосредственно на судне. Палатка что? Вечные песни и байки у костра, практически до рассвета, шастанье по палаткам за какими-то вещами или предметами. Дети, которых укладывают спать, а те спать не собираются, и спать не будут как можно дольше. Да и набивалось в каждую палатку под утро по пять, шесть человек. То ли дело вдвоём на яхте ночью. Никто не мешает, никому вас не видно. Всё, что говорят у костра, реально хорошо слышно здесь на воде. И вдвоём. Никто за вашими действиями не наблюдает, делай, что хочешь, было бы непотивление партнёра или партнёрши в основном вопросе. Романтично и красиво. Второй способ доставки отдыхающих на Усинские пляжи — это моторные лодки. Здесь люди уже постарше. В лодку более четырёх, пяти человек не возьмёшь, ну, может, ещё парочку мелких детей. Обычно приходили на золотой песок группками, сразу две или три лодки. Также ставились палатки, в которые перетаскивались подвесные моторы. Лодки общими усилиями тащили подальше на берег, чтобы не спёрли, они затягивались плотно брезентовыми чехлами от возможных краж и от осадков. Прибывшие на моторках обычно с наступлением темноты ловили рыбу бреднем. Почему-то так у них было принято. Потом варили уху и долго гуляли у костра. На следующий день одна из лодок расчехлялась, приносился из палатки и устанавливался мотор, и обычно два представителя этой группы отдыхающих стремительно удалялись в ближайшую деревню для пополнения запаса спиртного, которое было непредсказуемо быстро истрачено в первую же ночь. Третий вариант прибытия на пикник на золотые пески — это организованная доставка какого-либо коллектива сослуживцев, их семей и их друзей единомышленников. Тут уж не без помощи профсоюзов. Официально или неофициально нанимался большой катер или даже теплоходик, который и доставлял эту ведомственную группу отдыхающих на место проведения пикника. Было даже определено это место подхода к берегу в двух километрах выше высоковольтных опор. Там была глубина, подходящая для немаленького судна, и трап, брошенный с палубы в воду, позволял сойти на берег, замочив ноги не выше

чем по колено. Прибывали такие группы рано утром с тем, чтобы отбыть вечером, до наступления темноты. Или же причаливали утром в субботу, а забирали высадившийся на берег десант после качественного отдыха последнего вечером в воскресенье. Но и в первом, и во втором случае подъём по трапу личного состава этих групп для отбытия с места отдыха представлял собой весьма живописную картину. Обычно сбегались посмотреть на отплытие многочисленные отдыхающие со всего песчаного берега. Это было что-то. Трап-то был довольно крутой, а поднимались по нему мужчины, нагруженные вещами. Представители мужского пола, как правило, были довольно хорошо наотдыхавшимися. Вещи предсказуемо перевешивали, и не было случая, чтобы подъём обходился без шумного падения в воду кого-то из представителей очередной отбывающей группы. Воздух оглашали соответствующие тирады и очень часто яркие цветистые выражения павшего. Надо отдать справедливость в том, что падали и дамы, правда, с не столь выраженными голосовыми составляющими падения, а более часто с визгами и пронзительными криками, хотя погрешу против истины, если скажу, что крепкие выражения у дам не вырывались. Вырывались и почти в обязательном порядке. Весь берег обожал смотреть цирковое представление отбытия теплохода, увозящего отдохнувших туристов. Ну, и последний вариант посещения золотых песков. За деньги, по билету. От города до Усы ходил рейсовый теплоход, который делал остановку в Жигулях, затем у деревни Берёзовка, потом он шёл в село Усолье, потом обратно. Теплоход существовал в двух ипостасях. Марки ОМ с каким-то номером и теплоходик МО, тоже с каким-то номером. Рейсы несколько раз за сутки. В будни три раза, а в выходные четыре раза. ОМ был почти в два раза больше, чем МО. Но оба вмещали в себя огромное количество народа и места практически всегда всем хватало, если не внутри, то на палубе. Стоимость билета до Берёзовки составляла 45 копеек. Не так дорого. За багаж денег не брали. Берёзовские жители утренним теплоходом отправлялись на городские рынки торговать своими ягодами, овощами и фруктами, а вечером возвращались, успев сделать необходимые покупки в городе. В описываемые годы ещё было что купить в

магазинах. И так, дикие туристы группками прибыли на теплоходе на пристань — дебаркадер деревни Берёзовка. До упомянутого населённого пункта по просёлочной дороге аж два километра, а до места отдыха на золотых песках от трёх до пяти километров, смотря как идти и в какую точку побережья. Направления движения к деревне и к месту отдыха находились где-то под прямым углом. К золотым пескам, в любом случае, сначала через колхозные поля километра два, а затем через лес полкилометра, и выходишь на край пляжей. Далее уже вдоль песка и леса, смотря на то, в каком месте побережья собираешься разбить свой лагерь. Когда приходит пора возвращаться, тем, кто собирается плыть назад теплоходом, необходимо чётко знать его расписание и время, которое надлежит потратить на обратный путь до пристани. Регламент есть регламент, ждать никто никого не будет. Вот так и отдыхали. Других вариантов отдыха не было, а посему всё это не казалось чем-то обременительным и сложным. Рыбалка на Усе, если приноровиться, была просто замечательная. В лесу росли белые грибы, подосиновики, подберёзовики, рыжики и белые грузди, обильно высыпали в сосняке сопливые маслята. Рвали мы в том лесу лесные орехи, дикую малину, на полянках лесную землянику и клубнику. Как-то Валерка Бачурин, высунувшись утром из палатки, увидел скачущего зайца, протянув руку, он зацепил мелкашку (что уж скрывать, брали с собой и такое), навскидку выстрелил и свалил зайца русака на финале его утренней пробежки. Попозже, ошкурив, выпотрошив и разделив тушку на куски, все с огромным удовольствием съели того зайца, приготовив в ведре с добавлением морковки, картошечки, лука и перца, но предварительно поварив мясо около часа для образования наваристого бульона. Если отдыхающим чего-то не хватало на берегу, то можно было сходить в деревню Берёзовку за три километра и пополнить свои запасы тем, что продавалось, на тот момент в местном магазинчике. Но тут уж не до разносолов. Ночью в Берёзовских садах можно было натрясти яблок, днём за околицей, если рискнуть, можно было поймать курицу или домашнего гуся и быстро-быстро упереть в свой лагерь. Вот так и отдыхали. Сколько помню, никаких особенных конфликтов между разнообразными представи-

телями Усинских туристов, в общем-то, не наблюдалось. Все отдыхающие на песчаном берегу жили между собой довольно дружно и толерантно. Как-то раз, вечером, к нашему костру подошли три представителя от костра соседнего, где слышны были какие-то громкие крики, где звучали из патефона незнакомые маршевые песни. Эти три представителя соседей были уже в хорошо разгорячённом состоянии. Они громко разговаривали, перебивая друг друга. Один из них, обращаясь к нам, вдруг выкрикнул:

— Мы все десантники! Понятно это вам, гражданским?

Шурка Свитский, который перед появлением соседей уже дремал у костра, встал во весь свой двухметровый рост, потянулся, широко зевнул и размеренно, но сурово произнёс: «Калмыки вы, а не десантники. Пошли вон!» Почему калмыки? Вид у соседей был вполне российский, деревенский даже, я бы сказал. Тем не менее, такая фраза подошедших удивительно поразила и озадачила. Они робко пробормотали извинения и удалились к своему костру, а утром куда-то переместили свой лагерь. Вот такие странности. Взаимовыручка, по-соседски, была дело обыденным и неоднократно наблюдалась она на том песчаном берегу Усы. Единственным неприятным моментом отдыха было то, что при купании неоднократно туристы резали себе ноги, и зачастую довольно сильно, осколками разбитых бутылок, время от времени карауливших голые ступни отдыхающих на дне пляжных акваторий. Но битые бутылки — это бич всех песчаных заливов, вдоль которых в большом количестве располагаются дикие туристы. Что делать? Было вдоль золотых песков одно глубокое место, рядом с которым устанавливалась длинная, широкая доска. Очередной ныряльщик разбежался, резко отталкивался от края этой доски, которая качественно пружинила. Персонаж высоко взлетал и красивой ласточкой (по возможности) входил в водную гладь на месте той ямы. Все ныряли. У всех всё было хорошо, кроме Генки Зайдёнова. Тот высоко взмыл, но в воду вошёл рядом с доской, не дотянув до ямы. Воткнулся головой в песок. Два дня Генка лежал в палатке и стонал, больно было и не повернуться. Слава Богу, обошлось без переломов, а недели через две он уже резво передвигался, хорошо поворачиваясь во все стороны. Лет через пять на этом же месте Витька Пла-

нин всё же сломал себе шейные позвонки. Долго лежал в гипсе, потом они семьёй переехали в другой город, и что с ним было дальше, даже и не знаю. Некоторые из отдыхающих вплавь добирались до противоположного берега Усы. Просто так, для развлечения. В районе высоковольтных опор ширина реки была никак не меньше, чем два километра. Переплыть не просто, зато почётно. Неблизко, да и течение хотя бы и не сильное, но всё же заметно сносит. Противоположный берег — это подножье Жигулёвских гор, сплошные крутые каменные берега с отвесными стенами, лишь в считанных местах небольшие редкие заливчики с пологим выходом на сушу. От одного такого заливчика вверх в горы, через густой лес, вела природная красивая аллея среди плотного орешника. Где кончается эта аллея, отдыхающие не знали, так как далее чем на километр по этой дорожке от берега никто из них никогда не уходил. Весной на солнышке на тёплых камнях в том заливчике грелись, сплетаясь в клубки, гадюки. Летом и осенью они просто сновали среди тех же камней. И что характерно? На левом берегу Усы ядовитые змеи вообще не встречались, а на правом их было прудом пруди. Попадались здесь также противные медянки, но их было гораздо меньше, чем гадюк. Переплыв реку и походив по берегу заливчика и по аллее, от нечего делать прибывшие сюда плотно набивали свои плавки и купальники орехами, в изобилии здесь произраставшими. Отдохнули и назад, в обратный путь, финальный заплыв. По дороге домой большинство орехов вымывалось, как их не набивай под лёгкую экипировку. Однажды плывущих назад застала серьёзная гроза, потемнело настолько, что стало не видно берегов реки. Куда плыть? То ли поперёк реки плывёшь, то ли вдоль? Ничего не видно, волны и темнота. И только лишь при свете ярких молний та группа смогла как-то сориентироваться, увидев среди вспышек неясно, сквозь мглу, долгожданный берег, и выбрать правильно направление своего дурацкого заплыва. Зачем плавали на другой берег? Никто никогда доходчиво и аргументировано объяснить не мог. Интересное это образование было — золотые пески реки Уса. Даже климат здесь был совсем не такой, как на остальных территориях нашего региона. Так, например, то ли это было в 1964, то ли в 1965 году, не упомяну чётко, но в течение всего

июля того года ежедневно, ровно в 12 часов дня, здесь шёл хороший грибной дождик. Ровно в 12 часов 30 минут дождик прекращался и вновь светило яркое тёплое солнце. Каждый день одно и то же. Весь июль. Нигде в округе ничего подобного и близко не было. Почему? Непонятно. Вот такие были тогда золотые пески — место постоянного отдыха нашей далёкой молодости.

Картинки памяти

Жизнь несётся вдаль, порою с бурными завихрениями, иногда размеренно и гладко, но с каждым годом она всё ускоряет и ускоряет своё течение. Река времени то огибает острые края встречных порогов, то разбивается о них с шумом и брызгами, а потом замирает в тихих заводях и снова громко булькает на перекатах. Воды реки времени где мутные, где прозрачные, то совсем застойные, то чистые, родниковые. Память выхватывает из глубины этого непростого русла притаившихся там обитателей. Как рыбак рыбку. Но это не рыбки. Это картинки прошлой, промелькнувшей, промчавшейся жизни, вдруг кем-то выдернутые на поверхность. Эти картинки всплыли непредсказуемо, может быть совершенно случайно, а может и нет. Судите сами.

Помню, поступал в политехнический институт на одном с нами потоке крепкий, солидный парнишка из какой-то очень далёкой богом забытой сибирской деревеньки. Хоть и с большим трудом, но поступил, что было для него весьма значительной личной победой. Когда вновь принятых студентов распределяли по группам, попал Олег Громов в одну компанию с нами. Был он от природы очень ответственный, добросовестен и обстоятелен. Вот мы единогласно и избрали его старостой группы. Если честно, то старостой быть никто из остальных просто не пожелал, так как дело это весьма утомительное и обременительное. Надо в обязательном порядке присутствовать на всех лекциях, семинарах и лабораторных занятиях. Не уклониться, не убежать, не прогулять. Сиди всегда в аудитории и отмечай отсутствующих. Надо сказать, что мы не ошиблись в своём выборе. Отмечал Олег прогульщиков одного через пять, и то только после личной договорённости. За-

щищал и оправдывал он пропускающих занятия тем, что изобретал и придумывал всё новые, оригинальные, неповторяющиеся, а порою просто сказочные причины. Так и проходил он в старостах до самого диплома. Никого не подвёл, всех и всегда прикрывал. И к нему отношение было соответствующее. Помогали с науками, с подсказками, со шпаргалками. Да и у преподавателей просто рука не поднималась ставить неуд такому серьёзному, положительному, не по годам взрослому человеку, обременённому общественными нагрузками. Был Олег ещё и физоргом, профоргом и политинформатором группы. Так и проучился Громов все пять лет, регулярно получая ежемесячную стипендию в 35 рублей и будучи на очень хорошем счету у руководства института. На втором курсе он получил первый разряд по боксу, но дальше в этом направлении двигаться не захотел, как ни уговаривали. А стипендия Олегу была нужна как воздух. Отец его умер рано, надорвавшись на работе на сплав брёвен. Мать одна воспитывала ещё шесть ребятишек, кроме Олега. Рассчитывать на материальную помощь ему было неоткуда. Начиная со второго курса, нашёл он себе стабильный заработок на ночной разгрузке товарных вагонов. А на третьем курсе его уже поставили там бригадиром грузчиков ночной смены. Приобретя этот немаленький стабильный доход и регулярный хронический недосып, Олег регулярно помогал материально своей матери, сёстрам и братьям в далёкой Сибири. Но пока, на первом курсе, ему надо было выживать без чьей-либо помощи и без всякой надежды на манну небесную. На студенческую стипендию не разгуляешься. Вот Олег как-то и исхитрялся жить. Расскажу, как он обедал. Рядом с автобусной остановкой «Магазин «Светлана» была длинная, немаленькая и относительно недорогая столовая самообслуживания. Народу в ней в обеденные часы всегда было предостаточно. Линия раздачи пищи довольно протяжённая, движение вдоль неё занимало определённый и не короткий отрезок времени. Присовокуплю, что хлеб в то время, в 1966 и 1967 годах, стоял на столиках в бесплатном варианте. Итак, Олег подходил к раздаче, брал 1 стакан чая и 1 стакан компота, затем 2 котлеты или 2 шницеля, но с одним гарниром. Тут же быстро-быстро съедал эти котлеты или шницели, по воз-

возможности с частью гарнира. Остатки гарнира он вываливал в свой суп или в щи, которые брал на раздаче первых блюд, куда его уже донес людской поток. Предпочитал Громов щи, поскольку остатки гарнира в них менее заметны. Пока доходил до кассы, выпивал стакан компота, отставляя пустой стакан на раздаточную поверхность. Кассирше платил за одно первое блюдо и один стакан с чаем. Затем садился за столик, обильно ел бесплатный хлеб, запивая его густым супом с гарниром и освежая на финале этот плотный обед последним стаканом чая. Вот так каждый день. Удивитесь, что неужели никто из столовских работников всех этих хитростей не замечал? Подозреваю, что замечали. Но молодые девчонки из персонала общепита студентиков тогда любили и даже уважали, а главное, понимали их безвыходное положение с низкой платёжеспособностью. Вот так незаметно и без скандалов мирно существовали они рядом, интеллигентно не обнаруживая свою осведомлённость тонкостями обеденных перипетий Олега. Чуть позже, когда Громов стал стабильно зарабатывать, весь этот цирк с обедами прекратился полностью и навсегда. После распределения Олег попал на работу в Красноярский край в какое-то мощное строительное управление, работал там начальником сварочного участка. Но время бежало, и следы его затерялись, похоже, что навсегда. Был в нашей группе ещё один интереснейший персонаж — студент Шурик Капыгин. Ну, очень занимательная личность и необычная во всех отношениях. Был Шурик разумно корпулентен и весом. Занимался, помимо учёбы, подъёмом штанги в полутяжёлом весе. Особо выдающихся успехов на этом поприще не добился, но степень кандидата в мастера спорта по тяжёлой атлетике получил. Истоки Капыгиных, как и у предыдущего персонажа, также находились в дальней деревне, оттуда он и прибыл. У Шурика был абсолютно математический склад ума, позволяющий щёлкать, как семечки, все технические предметы. При этом он обладал сверхъестественной, патологической застенчивостью, не предусматривающей каких-либо публичных выступлений или речей на публику, превышающих объёмом одну-две фразы. Вызванный отвечать, он краснел, потел, надувался и был не в силах произнести более чем несколько слов, правда, чётко и по смыслу

сути задаваемого вопроса. Преподаватели знали о такой необычной особенности поведения этого студента и, делая скидку на сложность и неадекватность его характера, просили написать какие-то формулы, что Капыгин и делал моментально, никогда не ошибаясь. Гораздо сложнее у него складывались отношения с различными гуманитарными науками, с атеизмом, философией и марксистско-ленинскими учениями. Здесь формулами не отделаешься. Правда, со временем преподаватели приспособились опрашивать его письменно, и всегда на поставленные вопросы Шурик давал сжатые, компактные, но ёмкие, полные и правильные ответы. Особо сложно ему далась публичная защита дипломной работы. Но, тем не менее, тем не менее. Свою твёрдую четвёрку Капыгин получил. А вот как он всё время студенчества жил и где, никто не знал. Ни в какие компании и на вечеринки Шура не ходил, студенческие вечера и танцы не посещал. Дружил он только с одним студентом — записным матершинником Толиком Чайковским. Толик был почти в полтора раза ниже Шурки и в два раза легче, но тоже занимался штангой, правда, в наилегчайшем весе. Толик всегда что-то говорил Шурке на ухо, а тот молча слушал. Так и дружили все пять лет. Толик был не дурак выпить, причём даже без повода, а Шурик, наоборот, спиртное не употреблял вообще и никогда, традиционно игнорируя любые посиделки. Исчезал куда-то. После получения институтских дипломов Шурку и Толика призвали в вооружённые силы Советской Армии, дали звание лейтенантов артиллерии и послали служить в «Тмутаракань» на Дальний Восток в одно из самых дальних воинских подразделений. Потом, года через три, когда большинство бывших одногруппников возвратилось в родной город, все стали делиться друг с другом особенностями своих приключений в различных уголках Советского Союза, повествуя о тех местах, куда их забросила судьба. Толик тихо неразборчиво матерился, после чего, суммируя часть его членораздельных высказываний, можно было прийти к выводу, что служба в армии в богом забытой части в Уссурийской тайге далеко не мёд и не сахар в связи с отсутствием полноценного общения с представителями и представительницами гражданского населения, которых там, рядом, попросту нет. А самое главное

и ужасное для Толика было то, что в обозримых окрестностях не было в шаговой доступности точек продажи спиртных напитков. Ехать надо было, и далеко ехать. Зато Шурик был очень рад своей службе. Оказалось, что за два года вечерами он проштудировал все доступные письменные произведения знаменитых и малоизвестных философов, начиная от античности до современности. Навсегда полюбил философию и основные её постулаты. Был Шурик по-прежнему немногословен, но когда говорил о философии, глаза его загорались, и он чётко, с воодушевлением цитировал, цитировал и цитировал. По всему было заметно, что это увлечение Шурки Толик не одобрял совершенно и, мало того, я бы сказал, презирал. Когда в очередной раз дома у нашего однокурсника в присутствии его родителей Шурик восторженно похвалил разработки какого-то из классических философов средневековья, выпивший Толик не выдержал, сорвался и громким голосом, повернувшись спиной к окружающим, нагнувшись и похлопав себя по заду, тонким голосом закричал: «Достал ты меня!!! Вот где я всю твою философию видел! Понял? Вот где!» Шура дипломатично промолчал. В тот же вечер за чаем Шурик разоткровенничался и произнёс: «Вот вы все в студенчестве на меня удивлялись, не понимали, а зря. Всё дело в том, что я пять лет вынужден был жить полным аскетом». И он в тот вечер поведал нам о своей непростой судьбе. Приехав в город из деревни, Шурка жил у какой-то дальней родственницы, которую звал тёткой, хотя таковой она ему не являлась. Эта «тётка» поселила Шурку в тупиковом коридорчике на старой железной панцирной кровати. Ежемесячно забирала у него двадцать рублей из тридцати пяти рублей стипендии. Один раз в день, ближе к ночи, она варила ему кастрюльку щей, чаще постных, но изредка и с отходами мяса. Шурик приходил в этот дом перед сном. По дороге он покупал буханку хлеба. То есть, ел он один раз в сутки. Но много и всегда одно и то же. Щи и хлеб. Так все пять лет обучения в институте. Кастрюлька щей и буханка хлеба. Ежедневно. Всё то время. «Я жил аскетом», — ещё раз повторил Шурка. А ведь мы ничего этого не знали, да даже и не догадывались. А жизнь налаживалась. Позже Александр работал начальником научной лаборатории в одном из научно-ис-

следовательских институтов города, а когда институт развалился, всей своей семьёй, с женой и двумя детьми, переехал в другой город, какой не помню. Толик долгое время работал специалистом по дефектоскопии сварочных швов на различных предприятиях. Звёзд с неба не хватало, последние годы, после выхода на пенсию, трудился плотником в детском садике, а потом дворником и сторожем там же. Изредка встречаю его на улице:

- Здорово.
- Здорово.
- Ну, как дела твои?
- Да ничего. А у тебя как?
- Да тоже, вроде, ничего.
- Ну, привет, всего хорошего.
- И тебе всего хорошего.

Вот и всё. А что ещё?

Собачья жизнь

Это реальный рассказ о собачьей жизни, а не цветистая вам аллегория какая-то. Сначала о месте события. Несколько частных домиков с участками земли вокруг них. На планах, начертанных службой БТИ, домики эти высокопарно именовались усадьбами. В каждой такой усадьбе проживала отдельная и непохожая на других семья со своими оригинальными радостями, сложностями и особенностями, которые в обязательном порядке можно было досконально обсудить коллективом соседей и знакомых. Домики те стояли не в ряд и не в столбик, не в линейку, а как-то хаотично под разными невообразимыми углами друг к другу. Так непредсказуемо, что у некоторых владельцев сей недвижимости за общими заборами образовалось по пять-шесть законных соседей. Как лоскутное одеяло. В целом никому это не мешало, даже позволяло через ограду наблюдать за интереснейшей и событийной жизнью сразу нескольких семей. Только поворачивайся в разные стороны да путешествуй от забора к забору, заглядывая через него.

Так вот, в одном из таких дворов на территории длинного и широкого загона, затянутого по периметру металлической сеткой, в большой, утеплённой пенопластом буд-

ке, проживала большая, умная и добрая собака по кличке Веста. Почти немецкая овчарка. Почти, потому что, вроде как, дедушка у неё был настоящий волк. Только это вряд ли, так как собака такой редкой доброты в природе встречается редко. Но эта доброта сочеталась у Весты с удивительной врожденной хитростью, игривостью, сообразительностью и преданностью хозяевам. Обожала овчарка детей, разнообразные беговые развлечения, охоту на кур и любых других птичек. Всех перелетевших через забор кур она отлавливала, моментально справлялась с ними, но не ела, а тщательно закапывала в землю и аккуратно разравнивала место преступления. Трясогузок особенно не любила и хватала их зубами на лету, с воробьями у неё получалось хуже. А вороны, в силу своего острого ума и сообразительности, Весте просто не попадались, как она за ними не носилась. За весь свой жизненный период длительностью в 13 лет она поймала, зверски облаив и серьёзно обколовшись о защитные иглы, не менее пятидесяти лесных ежей. Приходилось в ночь-полночь вставать, выходить во двор, отнимать у собаки ежа, накрыв последнего металлическим ведром, выносить зверька в ведре в лес и там его выпускать. Но несколько ежей Веста, невзирая на боль от колючек и свою окровавленную пасть, всё же задрала насовсем. Не успели отнять. Весту отпускали из загона на ночь, и она полновластно гоняла по всему двору площадью в 12 соток. Кормили её два раза в сутки, как и положено. Был у овчарки маленький пунктик. Очень она обожала спелую вишню. Ела прямо с дерева, где достанет, но только поспевшие ягоды. Ела очень аккуратно и без косточек. Зачастую голые косточки даже оставались висеть на дереве на своих зелёных стебельках. До самого своего ухода в мир иной оставалась Веста девушкой. Тех овчарок, что приводили к ней для знакомства, она не воспринимала всей своей душой, отвергала их и зверски облаивала до тех пор, пока претендент на её тело не покидал двор совсем и навсегда. Как-то у одних соседей, что имели общий забор с описанным участком, всего-то метров в двадцать, завелись два пса мужской принадлежности. Тут всё не просто так. Главную свою собаку по кличке Ильхам соседи приобрели в элитном месте и, судя по всему, не за дёшево. Порода редкая для тех времён — алабай.

Размер впечатляющий. Вставал этот Ильхам на задние лапы, а передние размещал на плечах своего хозяина, бизнесмена и предпринимателя Алексея, и спокойно, если позволялось, облизывал тому лицо. Вес этот алабай, судя по всему, имел тоже весьма и весьма приличный. Умственные способности Ильхама для соседей оставались загадкой, а вот хитростью этот персонаж обладал необыкновенной. Хитрость эта была густо перемешана просто с профессиональным артистизмом. Через несколько лет приبلудился к тому двору симпатичный щенок коричневой масти, но даже без намёка на какую-либо известную породу. Приняли. Рос, рос щенок, и вымахал в огромную собаку непонятной масти и загадочного происхождения. По размеру и весу он чуть-чуть уступал Ильхаму, но, тем не менее, выглядел тоже очень внушительно. Наименовали кобелька — Балу. По утрам и вечерам Алексей выгуливал этих великанов по лесу. Они бежали перед ним на крепких длинных поводках, и было непонятно, кто кого выгуливает. Жили Ильхам и Балу каждый в своём загоне. Загоны небольшие, собаки застаивались. Для беготни по двору много лет собаки не допускались, так как небрежно вели себя с хвойными насаждениями, орошая последние ядовитой собачьей мочой. Но вот хвойники подросли, их периметр понизу был ограждён где сеткой, где оградкой, а посему настал для собак сладостный час, когда наконец-то им была предоставлена возможность гулять в течение всей ночи по всему приусадебному участку. Свобода. Теперь и они бегали по двору по ночам. Балу во всём слушался своего старшего товарища Ильхама. Понимал приبلудный, кто здесь шишку держит. Опёршись передними лапами на забор, Ильхам молча следил за всеми перемещениями Весты по её примыкающему участку. Веста одним глазком подсматривала за наблюдающим алабаем. Может, вызвало у них взаимную симпатию то, что не гавкали они друг на друга, а может то, что имели возможность много дней ненавязчиво любоваться взаимными передвижениями, но всё это обязано было завершиться и, конечно же, завершилось личной встречей. Да, кстати о субординации, Ильхам жёстко пресекал все попытки Балу высунуть голову для наблюдения за соседкой Вестой. Только за собой застолбил он подобные действия. И Балу не смел послушать-

ся. И вот Ильхам решился. Он скакнул во всю свою дурь, перемахнул одним прыжком забор и оказался в гостях у Весты. Над забором сразу возникла голова Балу, но прыгать через забор тот даже и не помышлял, так, наблюдал за всем только. Веста и Ильхам робко подошли друг к другу, обнюхались, что-то поворковали и начали вместе носиться по приусадебному участку, знакомясь и играя. Веста показала Ильхаму свою будку и миску, недавно выкопанную ею нору, какие-то укромные места и, подозреваю, места захоронения нескольких кур. Когда утром из дома выглянула хозяйка, чтобы покормить и закрыть в загоне на день Весту, та радостно подбежала и стала носом показывать на Ильхама. Мол: «Смотри, какой у меня появился новый друг, замечательный и чудесный партнёр по играм. Он очень, очень хороший». Люба, хозяйка Весты, мнение своей собаки постигла, но без ожидаемого восторга. Тут и Ильхам тоже, вслед за овчаркой, подбежал показать себя во всей красе. Люба, серьёзно опасаясь этого нового непредсказуемого знакомства, быстро-быстро ретировалась назад в дом и побежала к телефону, чтобы срочно позвонить соседям, хозяевам алабая. Пришёл шестнадцатилетний сын соседа, взял свою собаку за ошейник, что позволило Любе закрыть в загоне Весту. После этого хозяева Весты наблюдали за дальнейшими событиями через слегка приоткрытую дверцу своего дома. Молодой человек долго и настойчиво заставлял Ильхама отойти от загона с Вестой, чего алабай делать никак не желал, да и не собирался. Кое-как его удалось отвлечь от загона какой-то вкусностью, с которой тот в зубах, кстати, побежал назад, дабы поделиться ею со своей новой подругой. Далее началось настоящее цирковое представление. Сын соседей безуспешно пытался заставить Ильхама перепрыгнуть назад к себе через забор, чего визитёр делать явно не собирался. Он лукаво делал вид, что разбегаются, но на ограде бессильно повисал, сползая на землю на передних лапах. Лёжа на земле, хитро посматривал на Весту. В очередной раз, когда Ильхам положил передние лапы на забор, сын соседа подлез под него, и с кряхтеньем стал подсаживать собаку. Алабай совсем расслабился и всей своей массой повис на спине юноши, делая вид, что обессилел вовсе. Молодой человек в сердцах плюнул и ушёл домой.

Ильхам сразу бодро подбежал к загону Весты, чтобы продолжить общение. Через короткий отрезок времени появился хозяин Ильхама — Алексей. Он попросил Любу прикрыть дверь в дом, чтобы ничего не слышать. После чего в адрес Ильхама была громко произнесена целая тирада резких, непечатных, весьма грубых, но эмоциональных слов. Ильхам моментально перемахнул через свой забор и скрылся в кустах малины родного участка, сопровождаемый Балю. Алексей разыскал нарушителя и организатора скандала в зарослях, а затем закрыл его вместе с напарником в отведённых им загонах и не выпускал гулять несколько дней. Думал, что дошло. Не дошло. Через несколько дней только что выпущенный из заточения Ильхам вновь навестил свою соседку и вновь не желал с ней расставаться. Путём громких, усиленных матерных слов он был водворён на место. Позже этот событийный ряд повторился ещё два раза. Только теперь Алексей приходил с поводком, зацеплял его на шею алабая и грозно уводил того домой, но через улицу. А потом Алексей натянул над забором металлическую сетку и визиты Ильхама прекратились. Алабай грустно смотрел из-за забора, но встретиться с Вестой в этой жизни ему уже больше ни разу не пришлось. Позже умерла Веста, умер Ильхам, а Балю был оставлен от дома, кто его знает, по какой причине? В течение года бродил Балю вокруг тех домов, подъедался время от времени у охранников крутых соседей, а потом исчез в неизвестном направлении. Вот такая собачья жизнь.

Бескорыстное человеколюбие и наоборот

Сначала о том прекрасном общественном великодушии, которое бескорыстно и глубоко человечно. Это то, свидетелем чего я являлся лично, это то, что прочно зацепилось в моей памяти и согревает её даже и по сей день. Основы описываемых поступков в быту нашей глубинки стали чем-то самим собой разумеющимся для проживающего здесь народа. Вот в Москве, в Санкт-Петербурге, в других крупных городах и мегаполисах с бескорыстной реальной заботой о людях явно сложнее. Здесь жители больше зациклены на себе и на удовлетворении своих нео-

тложных задач и персональных желаний. Здесь, в основном, не до окружающих. Здесь, особенно в последнее время, всё чаще реет новомодное знамя эгоизма. Другое дело тайга. Бывало, идёшь, идёшь по таёжному маршруту, вдалеке от жилья и мест людьми обитаемых. Случайно невдалеке от реки наступаешь на еле-еле заметную не явную тропинку. Поднимаешься, стараясь следовать её намёткам, на холм или взгорье и видишь разместившуюся на небольшой полянке одинокую охотничью избушку. Ласково выглядывает она из-за деревьев и таёжной растительности. Дважды ночевали мы туристы-маршрутники в таких уютных избушках. Иногда такие избы отмечены на местных подробных картах, а чаще нет. Те старинные охотничьи зимовья, в которых мы заночевали в своё время, не были отмечены в местных планах-схемах. Отсюда до ближайшего жилья не менее ста километров. А в добром домике усталого или заблудившегося путника, а может и нагруженного охотника ждёт возможность реального и довольно комфортного отдыха. Есть где передохнуть, оглядеться, обсушиться при необходимости, переодеться, поспать и даже перекусить. Замечательнейшее место в тайге, эта охотничья избушка. В ней есть печка, очень быстро прогревающая всю избу, есть лежанка на несколько человек с одеялами, стол и две лавки, полочки и вешалки для одежды по стенам. Здесь заранее заготовлены дрова, они нарублены и сложены у печки вместе с берестой для розжига. Здесь ждут тебя спички, соль, ножик, иголка с нитками, деревянные ложки, миски, кружки, котелок и ведро, порох, дробь, немного крупы, чая, сухарей, муки и чего-то ещё из продуктов, а также йод и бинт из холщовой тряпочки. Не пропадёшь, если заблудился или попал в беду. Выживешь и скажешь огромное спасибо неизвестным тебе охотникам, так со знанием дела позаботившимися о тебе — случайном путнике. Всегда такая изба находится недалеко от источника воды. Полянка вокруг жилья для того, чтобы падающие от ветра деревья не повредили строение. Горка под избой гарантирует отсутствие сырости и подтопления, свойственного низинам. Лес или тайга вокруг надёжно скрывают это сооружение от чужих, посторонних, недобрых глаз. Собирается сруб такой избы из стволов хвойных или лиственных пород (предпочтительно из листвен-

ницы, не подверженной гниению, если таковая есть (в близости) диаметром от 15 до 25 сантиметров. То есть, чтобы два человека смогли срубить, очистить, перенести и установить в сруб бревно. Сначала выкапывается канава по периметру будущей избы, засыпается камнями, которые надёжно утрамбовываются, и на них укладывается первый нижний венец. Укладка брёвен ведётся с соединением брёвен рубкой концов в полдерева. Доски, столь необходимые для строительства, здесь рукотворные, изготовленные при помощи топора и деревянных клиньев. Называются они — дрань. Дрань эта имеет большую прочность и надёжность, нежели заводская доска, так как при изготовлении драни не повреждается древесная суть, поскольку расщепление бревна на пластины осуществляется вдоль естественных древесных волокон. Из драни мастерятся и дверь, и пол, и рама окна, и потолок, и крыша, а также стол, лавки да лежанка. При строительстве охотничьей избышки предпочтительнее выбрать тот вариант, что с чердаком под крышей, так как с чердаком намного теплее и появляется дополнительное место для хранения припасов. Щели между брёвен сруба и между потолочной дранью плотно конопатятся мхом. Затем потолок со стороны чердака присыпается землёй. Коньки крыши и слези укрываются дранью и тоже надёжно конопатятся. Поверху стыки накрываются берестой, или по драни осиновыми дощечками, чаще плашками выложенными, как черепица. В последнее время всё чаще крыша сверху затягивается рубероидом, если довелось доставить его в тайгу. Печь в такой избе обычно располагается посреди помещения. Изредка это металлическая буржуйка, если была возможность доставить её по реке, но чаще печь сложена из кирпича-сырца (то есть из местной глины с берега речки). Печь кирпичная более надёжна, так как хоть и дольше нагревается, зато гораздо качественнее держит столь драгоценное тепло. Да и меньше дров расходует при втором варианте. Поскольку печка в центре помещения, то вокруг неё очень удобно одновременно сушить все свои промокшие вещи. К потолку прибиты крючки для развешивания съестных припасов, если же последние разместить на полках, на столе, или на стенах — доберутся мыши. Входная дверь избышки обязательно должна открываться наружу — это

от непрошенного визита медведей. Крыльцо, по возможности, должно быть высоким, чтобы дверь не засыпало снегом и за ночь не забаррикадировало жильцов. От упомянутого зверя дверь изнутри плотно запирается толстой лагой, перекрывающей всё полотно двери через массивные проушины. Крыльцо перед дверью утыкано мощными гвоздями, ими же оборудованы ставни, подоконники, порог и наружные углы избы. Для этого дощечки пробиваются насквозь гвоздями, затем эти дощечки шипами наружу, а шляпками гвоздей внутрь, плотно прибиваются к перечисленным местам. Медведь, он ведь ни обуви, ни рукавиц не носит, и лапы уродовать ему абсолютно не хочется, поэтому данная защита от лесного безобразника весьма и весьма эффективна. Переночевав, обсушившись и согревшись в таком лесном домике, покидая его, принято аккуратно прибраться за собой и оставить припасы еды, если есть такая возможность. Помню, что мы, покидая охотничьи избы, оставляли там немного сухарей, несколько банок тушёнки, свечи, спички, сахар, пшено, соль, какие-то медикаменты, десяток патронов для ружья двадцатого калибра и пузырёк медицинского спирта ёмкостью 100 мл, предварительно сопроводив его соответствующей, заранее согревающей надписью. Вот такая бескорыстная помощь абсолютно незнакомым путникам от абсолютно им незнакомых людей. А что вы хотели? Это Русь, а на Руси такое веками было заведено. Прижилась такая традиция и до сих пор поддерживается там, в глубинке.

Теперь о ещё одном неординарном, кстати, диаметрально противоположном обстоятельстве повседневного быта наших дорогих сограждан. Я имею в виду абсолютно ненормальное поведение рыбаков, любителей подлёдного лова, ранней весной. Весенний лёд весьма хрупок, неравномерен по толщине и крайне ненадёжен. Увещевать рыбаков, писать для них предупредительные плакаты, подробно рассказывать о неоправданном риске и о запрете выхода на лёд по радио и с телевизионных экранов, со страниц свежих газет абсолютно бесполезно. Как они пёрлись на весенний лёд за предполагаемым небывалым уловом, так и по сей день прутся, полностью игнорируя все разумные положения элементарной техники безопасности и веками выработанные незыблемые правила нахождения и поведе-

ния на льду. Эти люди проваливаются, попадают в холодную воду, тонут и не единично, становятся инвалидами. То над Охотским морем носится спасательный вертолёт, то по многочисленным рекам вынужденно двигаются специальные спасательные суда на воздушных подушках, то сотрудники МЧС на надувных лодках пытаются догнать остатки льдин со скучившимися на них незадачливыми рыбаками. Если получится, то спасут, как следует отругают, сделают внушение. Но через несколько дней те же самые спасённые вновь лезут на ненадёжный лёд промыслять рыбу. Предложение введения штрафов за спасение безалаберных рыболовов плотно застряло где-то в чиновничьих и депутатских кабинетах. Застряла эта идея и наружу не высовывается. Миллионы рублей тратятся на спасение этих беспардонных безобразников и всё бесполезно, поскольку поведение такое абсолютно ненаказуемо. Обычно спасатели кроют отборным матом тех, кого вынуждены были спасти. Спасатели — живые люди, они рискуют своей жизнью, у них ох, как накопело. Но никакая ругань, никакие обращения к совести беспечных рыбаков обычно не помогают. Мало того, эти самые рыболовы ещё, зачастую, тащат с собой на лёд женщин и детей. Иногда выезжают прямо на весенний лёд на личных автомобилях, бывает, что всей семьёй. Бывает, проваливаются. Автомобили быстро уходят под лёд, и пассажирам чаще всего не всегда удаётся выбраться наружу. К сожалению, есть и такие случаи, хуже всего, что они не единичны. Знаю нескольких рыбаков, которые намеренно по весне под водосливной плотиной местной ГЭС ждут на берегу, когда в него уткнётся большая льдина. Перескакивают на неё, сверлят лунки, начинают блеснить судака. Якобы, судак в это время, со льда, идёт замечательно и в крупном варианте. Нарыбачившись, эти товарищи ждут, когда их льдина уткнётся в сушу, туда и перескакивают, не мешкая. Не важно, какой это берег, левый или правый, и как далеко это место от очагов обитания людей. Далее путешествие домой, но это уже дело техники. И так каждый год. Несколько раз купались эти граждане в ледяной воде, но все выжили. Сушились у костров, но экстрим свой, даже после купели, не прекратили. Почему? У меня нет ответа. Ещё случай из местной жизни. Раз среди рыбаков

прошёл слух, что утонул записной любитель подлёдного лова Пал Семёнович. Ложный слух, в ту весну Пал Семёнович на весенний лёд даже и не выходил. Утонул кто-то другой. Перепутали, бывает. Два приятеля по рыбалке через пару месяцев решили навестить семейство утопленника, посочувствовать в горе и, конечно же, помянуть. Им открыли дверь, они зашли на кухню, а там живой и невредимый Пал Семёнович ест пельмени. У приятелей случился небольшой шок, который потом все вместе радостно запивали до самого вечера под очень хорошую закуску. И ведь что обидно? Спасателей за их бескорыстный и самоотверженный труд никто из рыбаков никогда не благодарит. Все рыболовы стараются поскорее улизнуть от нотаций и быстрее скрыться. А вдруг расплачиваться заставят? Не переживайте, не заставят, прав таких у спасателей нет. Безобразничайте дальше безнаказанно.

СОДЕРЖАНИЕ

КОВЧЕГ.....	3
ТОГДА В ТАШКЕНТЕ.....	108
РАССКАЗЫ	
Как мы с Мишкой.....	157
Сказочник.....	161
Монокль, псих и поросенок.....	165
Нежданно-негаданно в Таллин.....	171
Такая вкусная рыбалка.....	178
Неординарный человек.....	183
Мелкий жизненный эпизод.....	188
Старая яблоня.....	192
Миша и лось.....	196
Тиражированная фикция.....	201
Дурацкие взрывы.....	205
Герой Советского Союза.....	210
Как прокурор сазанов стрелял.....	214
Запредельность.....	219
Выпивальные вечера.....	224
Житейские зигзаги.....	228
Как на Усе отдыхали.....	233
Картинки памяти.....	240
Собачья жизнь.....	245
Бескорыстное человеколюбие и наоборот.....	249

ОТО г.о. Тольятти "ТПО" 2019

КИРЮХИН ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ

ЖИТЕЙСКИЕ ЗИГЗАГИ

повести и рассказы

На обложке рисунок автора.

Макет, верстка **В. Мисюк**

Отпечатано в АО "Первая образцовая типография",
филиал "УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ"

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Заказ №

Подписано в печать 16.09.2019.

Формат 60x84 / 16.

Бумага типографская.

Гарнитура "Peterburg".

Печать офсетная. Объем печ. л. – 16.

Тираж 200 экз.